

✓ 21/3199-23

23

PSRS AUGSTĀKĀS IZGLĪTĪBAS MINISTRĪJA
PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П. СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTI УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

XXIII SĒJUMS • ТОМ XXIII

JURIDISKĀS ZINĀTNES
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

OTRAIS IZLAIDUMS • ВЫПУСК ВТОРОЙ

RĪGĀ, 1958 РИГА

21/3199-23

PSRS AUGSTĀKĀS IZGLĪTĪBAS MINISTRIJA
PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTI УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

XXIII SĒJUMS * ТОМ XXIII

JURIDISKĀS ZINĀTNES
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

OTRAIS IZLAIDUMS * ВЫПУСК ВТОРОЙ

1959: 67

RĪGĀ, 1958 РИГА

Redakcijas kolēģija:

Docents G. Kļava
Docents O. Grinbergs
Docents A. Liede

Редакционная коллегия:

Доцент Г. Клява
Доцент О. Гринберг
Доцент А. Лиеде

Ст. преподаватель М. Якобсон-Андерсон

НЕКОТОРЫЕ ЗАДАЧИ КОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЛАТВИЙСКОЙ ССР

В соответствии с намеченным XX съездом КПСС курсом на более гибкое и плодотворное осуществление принципов демократического централизма ЦК Коммунистической партии и Советское правительство в 1956—1958 годы провели ряд важных мероприятий, направленных на повышение роли союзных республик в хозяйственном и культурном строительстве и в государственном управлении: значительно расширены права Советов министров союзных республик и республиканских министерств; установлено, что председатели Советов Министров союзных республик, по должности входят в состав Совета Министров Союза ССР, в качестве его членов; созданы Советы народного хозяйства, подчиненные Советам министров союзных республик; из союзного в республиканское подчинение переданы многие тысячи промышленных предприятий; перестроена работа по планированию, в том числе работа по разработке планов колхозов и совхозов; принято решение о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС, предусматривающее продажу колхозам сельскохозяйственных машин, предоставления им право самым распоряжаться всей техникой и машинами по их усмотрению.

Проведенные партией и правительством мероприятия в области хозяйственного и культурного строительства и государственного управления повлекли за собой расширение законодательных прав и функций союзных республик, а также перестройку органов юстиции.

Изменив ст. 14 Конституции СССР, VI сессия Верховного Совета СССР приняла специальный закон, которым отнесла функции издания Положения о судостроительстве, гражданского,

уголовного и процессуальных кодексов к компетенции союзных республик.¹ Было упразднено министерство юстиции СССР и функции его в отношении руководства судебными органами союзных республик возложены на республиканские министерства юстиции. Уточнены функции Верховного суда СССР и Верховных судов союзных республик, причем права Верховных судов союзных республик расширены. Согласно нового Положения о Верховном суде СССР, председатели Верховных судов союзных республик по должности являются членами Верховного суда СССР, его Пленума.²

Все эти мероприятия играют большую роль в отношении выполнения решений XX съезда КПСС о повышении творческой активности и инициативы трудящихся, еще более широкого участия масс в управлении государством, во всей его организаторской деятельности, как необходимых условий успешного коммунистического строительства.

В осуществлении этих мероприятий выражается Ленинский принцип сочетания централизованного руководства с повышением самостоятельности и развитием инициативы местных органов в решении стоящих перед нашей страной задач коммунистического строительства. В. И. Ленин в наброске статьи «Очередные задачи Советской власти» указывал, что «централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели».³

Проводимые Коммунистической партией и Советским правительством мероприятия по дальнейшему повышению роли союзных республик в государственном управлении, хозяйственном и культурном строительстве представляют собой укрепление суверенитета союзных республик, дальнейшее претворение в жизнь Ленинской национальной политики, основанной на развитии союзных республик, дружбе и взаимопомощи наших народов друг другу. Эти мероприятия встречают горячую поддержку всех народов СССР, в том числе латвийского народа.

---

¹ Закон об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов Союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов. «Известия Советов депутатов трудящихся» от 15 II 1957 г.

² Положение о Верховном суде СССР, Ведомости ВС СССР, — 1957 г., № 4, стр. 85.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 181.

Как отмечает Председатель Совета Министров Латвийской ССР В. Лацис, — «Латышский народ, как и все другие народы Советского Союза, с чувством огромного удовлетворения встретил новые мероприятия партии и правительства, еще больше повышающие у каждого советского человека чувство хозяина своей страны, чувство ответственности за ее судьбы».⁴

Теперь перед всеми учреждениями и организациями, перед советской общественностью, в том числе работниками науки нашей республики стоят большие и ответственные задачи — провести в республике в жизнь намеченные Коммунистической партией и Советским правительством мероприятия, связанные с повышением роли республики в хозяйственном и культурном строительстве, государственном управлении и законодательной работе, в которой важное место занимает также разработка уголовного и уголовно-процессуального кодексов.

I

Вследствии того, что до изменения VI сессией Верховного Совета СССР четвертого созыва ст. 14 Конституции СССР, издание уголовного и уголовно-процессуального кодексов составляло компетенцию Верховного Совета СССР, в нашей республике ранее не были разработаны свои уголовный и уголовно-процессуальный кодексы. Согласно решения правительства Латвийской ССР на территории республики применяются Положения уголовного и уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации, изданных более 30 лет назад, с дополнениями и изменениями внесенными Верховным Советом Латвии.

Многие положения, содержащиеся в уголовном и уголовно-процессуальном кодексах РСФСР, выдержав испытание времени, еще и сейчас отвечают потребностям жизни. Разработкой указанных кодексов занимались выдающиеся советские юристы: П. И. Стучка, Д. И. Курский, Н. В. Крыленко и другие, под руководством В. И. Ленина. Это обеспечило высокий уровень и четкие формулировки, включенных в эти кодексы правовых норм. Но за время истекшее после издания кодексов РСФСР произошли такие огромные изменения в экономике и социально-политической жизни страны, что в большей своей части положения этих кодексов устарели.

⁴ В. Лацис, Великая жизненная сила Ленинских идей по национальному вопросу. Журнал «Коммунист Сов. Латвии» — 1957 г., № 4.

Недавно народы Советского Союза и других стран социалистического лагеря, все прогрессивное человечество отпраздновали знаменательный в человеческой истории праздник — сороковую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. За сорок лет Советской власти, незадолго после установления которой были изданы и уголовный и уголовно-процессуальный кодексы РСФСР, в нашей стране осуществлены огромные преобразования. Построен социализм, полностью ликвидировано старое частно-капиталистическое хозяйство, эксплуататорские классы, эксплуатация человека человеком, безработица. В стране теперь существует два дружественных класса — рабочие и колхозное крестьянство. Советская интеллигенция стала подлинно народной интеллигенцией, верно служащей народу. Наше общество проникнуто высоким идейно-политическим единством и дружбой советских народов. Советские народы тесно сплочены вокруг своего вождя и руководителя, вдохновителя всех наших побед — Коммунистической партии и ее Ленинского Центрального Комитета. Из старой отсталой России Советский Союз превратился в могучую индустриально-колхозную державу. Развитие промышленности и сельского хозяйства идет вперед огромными темпами. Производство промышленности в 1957 году, по сравнению с 1913 годом выросло в 33 раза, в том числе крупной промышленности в 74 раза, машиностроительной в 200 раз.

Далеко вперед шагнуло и сельское хозяйство, основанное на самом передовом в мире социалистическом земледелии. Объем посевных площадей в 1957 году составил 193,2 миллиона гектаров или на 75 миллионов гектаров больше чем в 1913 году. Урожайность зерна, по сравнению с 1913 годом — наиболее урожайным годом увеличилась в 3 раза; производство хлопка, подсолнечника и овощей возросло в 6 раз; свеклы и картофеля почти в 3 раза. Большое развитие получило животноводство. В сравнении с 1913 годом товарная продукция мяса увеличилась в 2 раза, молока 3 раза, шерсти 3 раза.

На невиданные высоты в нашей стране поднялась наука и техника. В Советском Союзе построен самый мощный в мире ускоритель частиц — гигантский синхрофазатрон, а также не имеющие себе равных ракетные и турбовинтовые пассажирские самолеты; создана впервые сверхдальняя межконтинентальная баллистическая ракета, летающая на больших высотах и способная выходить к любой заданной цели; запущены три искусственных спутника Земли, один из которых имел в себе, в качестве первого пассажира межпланетного путешествия, живое существо — собаку.

В СССР растет и крепнет не одна какая-нибудь из советских республик, а все входящие в Советский Союз республики. Советская Латвия, как и другие республики Советов идет вперед быстрыми шагами по пути роста и процветания. Когда-то небольшие кустарные предприятия Латвии за годы Советской власти выросли в предприятия крупной промышленности.

В столице Латвии построена теплоэлектроцентраль. Рига соединена с двумя прибрежными районами электрическими железными дорогами. Сельское хозяйство Латвии стало прочно на путь социалистического земледелия. В Латвии создано около 1400 колхозов, из которых 422 уже стали колхозами миллионерами. Развивается жилищное строительство, строительство новых школ, больниц и т. д.

Все эти достижения изменили экономическую и классовую структуру советского общества и социально-политическую обстановку в нашей стране. Изменились и сами советские люди, ставшие хозяевами своей страны, свободными от эксплуатации работниками, строителями коммунистического общества. Они прониклись новой нравственностью, характеризующейся глубоким пониманием государственного и общественного долга, сознательным отношением подавляющего большинства их к труду, уважением советского правопорядка, правил социалистического общежития.

Эти новые черты характерны для советских людей всех союзных республик, не исключая и тех, которые как и Латвия позже вошли в общую семью народов нашего великого Советского Союза.

Латышский народ сейчас не тот, каким он был до Советской власти. Теперь это — народ социалистической республики с высоко развитой промышленностью и передовым, коллективным сельским хозяйством, строитель новой жизни.

В этих изменившихся условиях, когда неизмеримо выросла сознательность советских людей, нельзя сохранить старые нормы законов, регулирующих общественные отношения. Приведение в соответствии с потребностями времени, с запросами жизни положений уголовного и уголовно-процессуального кодексов, как законов регулирующих очень важную область общественных отношений, область борьбы с преступностью является особенно необходимым. Наличие в законах устаревших норм неблагоприятно сказывается на дело коммунистического строительства, на нашей борьбе и работе.

Советские законы, выражая политику Коммунистической партии, волю советского народа, имеют большое значение как

акты мобилизующие трудящихся на решение задач коммунистического строительства. В. И. Ленин, характеризуя роль и значение советских законов в строительстве коммунизма, указывал, что наш закон «Это призыв к массам, призыв их к практическому делу».⁵

Советский социалистический правопорядок, устанавливаемый нашими законами, имеет своей целью создание в Советском государстве таких условий, которые обеспечивают успешное движение советского общества вперед по пути к коммунизму. Существенную роль в поддержании и развитии этих условий играют уголовные и уголовно-процессуальные Законы Советского государства. Чем лучше эти Законы отвечают потребностям времени, тем более действенно их положительное влияние на дело коммунистического строительства. Поэтому надо устранить из этих Законов устаревшие нормы.

В группах комиссии, работающей под руководством Председателя Президиума Верховного Совета республики К. М. Озолина разрабатываются проекты Положения о судостроительстве и проекты республиканских кодексов, в том числе кодексов уголовного и уголовно-процессуального. В черне проекты этих кодексов подготовлены. В настоящее время они обрабатываются и обсуждаются для представления на рассмотрение Верховного Совета Латвийской ССР.

До представления проектов кодексов на рассмотрение Верховного Совета республики над ними необходимо еще основательно поработать. Работникам науки права, всем юристам нашей республики и не только юристам, но и другим советским работникам, общественности республики предстоит решить ряд серьезных вопросов, связанных с разработкой уголовного и уголовно-процессуального кодексов республики.

Одной из важнейших задач, которая должна быть разрешена при отработке уголовного и уголовно-процессуального кодексов республики является сформулировать в этих кодексах, должным образом, нормы обеспечивающие участие советской общественности, трудящихся масс в борьбе с преступностью, с нарушениями Законов Советской власти, советского правопорядка, правил социалистического общежития.

5 декабря 1919 года в докладе VII Всероссийскому съезду Советов В. И. Ленин отмечал какое большое значение имеет участие советской общественности в борьбе с преступностью. Он касался тогда вопросов борьбы против контрреволюционе-

---

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 185.

ров, заговорщиков. В. И. Ленин говорил тогда, что заговоры контрреволюционеров «потому открываются, что заговорщикам приходится жить среди масс, потому, что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов натываются на людей, которые идут в эти, как здесь говорят, плохо организованные ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры».⁶

Важность участия трудящихся масс в борьбе против нарушителей советского порядка, лодырей, хулиганов и других преступных элементов не только не утратила свое значение, но сейчас при возросшей сознательности подавляющего большинства советских людей приобретает все большее и большее значение. В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии Н. С. Хрущев отмечал: «В нашей замечательной, трудовой семье встречаются еще, к сожалению, такие лица, которые не участвуют в производительном труде, не выполняют полезной работы ни в семье, ни в обществе. Встречаются также лица, злостно нарушающие правила социалистического общежития. Без участия самых масс одними только административными мерами с подобными уродливыми явлениями покончить невозможно. Здесь большая роль принадлежит общественности».⁷

На решающую роль самой общественности в борьбе с лодырями, нарушителями советских законов Н. С. Хрущев указывал и в своей речи на совещании передовиков сельского хозяйства Белорусской ССР 22 января 1958 года. Он сказал: «Если кто из членов социалистического общества отлынивает от работы, надо на него оказать воздействие. Если он под моральным воздействием не исправится — следует принять меры, предусмотренные законом. Здесь... и прокурор должен помочь, и его вмешательство окажется полезным».⁸

Сейчас советская общественность весьма активно участвует в работе по укреплению советского правопорядка, в борьбе с лицами, нежелающими честно жить и работать, нарушителями правил социалистического общежития. Рабочие фабрик и заводов, студенты, колхозники, широкие слои трудящегося населения нашей республики, участвуя в бригадах содействия

---

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 213.

⁷ Н. С. Хрущев, Отчет. доклад ЦК КПСС XX съезду партии. XX съезд КПСС, стенографический отчет, т. I, стр. 95.

⁸ Н. С. Хрущев, Речь на совещании передовиков с/хозяйства Белорусской ССР 22 I 58 г. «Правда», 25 I 58 г. № 25.

милиции, помогают пересекать нарушения порядка, непристойное поведение отдельных антиобщественных элементов.

Всякого рода антиобщественные проявления встречают решительный отпор со стороны советских людей. Такие факты, как дебош, нападение на кого-либо на улице или в других общественных местах, приставание к гражданам и т. п. со стороны отдельных хулиганствующих, ведущих себя непристойно элементов редко остаются без должного реагирования нашей общественности. Трудящиеся не допускают эти антиобщественные проявления, защищают жертв этих проявлений, задерживают виновных в их совершении. Они осуждают людей, уклоняющихся от общественно-полезной работы, стремящихся, как паразиты жить за счет труда других.

В отчетном докладе ЦК КП Латвии Я. Э. Калнберзин отметил: «Наша общественность политически правильно реагирует на нездоровые настроения отдельных лиц, разоблачает тех, кто пренебрегает интересами социалистического общества, не занимается общественно-полезным трудом, ведет аморальный образ жизни, наживается за счет рабочих».⁹

Но имеется еще немало случаев, когда некоторые граждане, являясь свидетелями фактов нарушения советских законов, хулиганства и других антиобщественных проявлений остаются в позиции «невмешательства». Одной из причин этого является несовершенство норм нашего законодательства, призванных обеспечить нужные условия для участия граждан в борьбе с антиобщественными проявлениями.

В разрабатываемых проектах уголовного и уголовно-процессуального кодексов нужно так сформулировать соответствующие институты, предусматривающие участие трудящихся масс в борьбе с антиобщественными проявлениями, чтобы каждый советский человек видел, что наш закон решительно поддерживает это участие, как общественно-полезное дело.

Большое значение в этом отношении имеет правильное и исчерпывающее изложение в этих проектах вопросов, касающихся института необходимой обороны.

В ст. 9 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и ст. 13 УК РСФСР сказано, что меры

---

⁹ Я. Э. Калнберзин, Отч. доклад ЦК КП Латвии XV съезду компартии Латвии, «Советская Латвия» 23 I 1958 г.

уголовного наказания не применяются к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, когда эти действия были совершены в состоянии необходимой обороны против посягательства на интересы Советской власти, социалистическую собственность, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не были превышены пределы необходимой обороны.¹⁰

Такое изложение сущности института необходимой обороны является недостаточно полным и исчерпывающим, не мобилизует в должной мере общественность на осуществление необходимой обороны. Это изложение сущности института необходимой обороны говорит только о праве граждан прибегать к необходимой обороне, причем пределы этого права представляются недостаточно ясными.

Право необходимой обороны в Законе представляется несколько ограниченным, а ответственность за превышение пределов необходимой обороны как бы заостренным.

Вопрос о том — действовало ли лицо в состоянии необходимой обороны представлен решению одного только суда. Органы предварительного следствия этот вопрос как будто решать не могут. Когда такой вопрос возникает дело должно передаваться в суд.

В связи с этим в практике имели место случаи неосновательного возбуждения дел, передачи их в суд и осуждения граждан за превышение пределов необходимой обороны, что приносило не малый вред делу участия трудящихся масс в борьбе с антиобщественными элементами.¹¹

Нужно так сформулировать в уголовном кодексе республики нормы о необходимой обороне, чтобы было ясно и исчерпывающе сказано, что такая оборона в интересах охраны советского социалистического правопорядка и соблюдения законности является общественно-полезным делом и представляет собой не только право, но и гражданский долг советского человека.

Изложение положений о необходимой обороне данное в проекте уголовного кодекса республики рабочей группой ко-

¹⁰ Ст. 9 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и ст. 13 УК РСФСР.

¹¹ См. Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 X 1956 г. № 8 о судебной практике по делам связанным с необходимой обороной и от 10 IX 1957 г. по делу Челидзе, а также статью М. И. Блум. О необходимой обороне, в газете «Циня» № 87 от 12 IX 1957 г.

миссии по разработке этого кодекса в значительной мере удовлетворяет этим требованиям.

Положения проекта уголовного кодекса указывают на то, что действия содержащие признаки преступления, совершенные в порядке необходимой обороны, не являются преступлением, за исключением случаев, когда средства и методы применяемые для обороны явно не вызывались ни характером посягательства (нападения), ни обстановкой.

Задержание или меры по задержанию преступника в проекте уголовного кодекса также рассматриваются в плане необходимой обороны.

При этом в проекте сделано указание, что и при превышении пределов необходимой обороны лицо может быть освобождено от ответственности, если будет установлено, что пределы необходимой обороны были превышены, прибегнувшим к такой обороне вследствие оправданного обстоятельствами душевного волнения.

В проекте республиканского уголовного кодекса право решения вопроса о том — действовало ли лицо в состоянии необходимой обороны или нет — не ограничивается компетенцией суда. Вопрос этот могут решать и органы предварительного следствия. Нет необходимости передавать в суд дело, по которому никто не подлежит уголовному наказанию. Такое дело и возбуждать не нужно.

Мы полагаем, что формулировка положений об институте необходимой обороны в проекте уголовного кодекса республики более четко и исчерпывающе разрешает вопрос об этом институте.

После некоторого усовершенствования этих формулировок, при окончательной отработке проекта уголовного кодекса будут устранены недостатки прежнего уголовного законодательства в этом важном вопросе.

Большое значение имеет другой, родственный необходимой обороне институт — институт крайней необходимости, также предусмотренный в ст. 9 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. 13 УК РСФСР.

Этот институт может быть применен когда лицо действует для устранения опасности угрожающей интересам Советского государства, социалистической собственности, личности или имуществу граждан, если эта опасность, при существующих обстоятельствах не может быть устранена другими средствами

и если причиненный вред является менее значительным, по сравнению с предотвращаемым вредом.¹²

Как и институт необходимой обороны — институт крайней необходимости предполагает долг каждого советского гражданина действовать в интересах охраны блага государства и общества, а также для защиты интересов личности и его имущества.

Положения института крайней необходимости в проекте уголовного Кодекса республики изложены примерно также как в действующем уголовном законодательстве, т. к. в этой части они отвечают потребностям жизни. В проекте сделаны лишь небольшие уточнения.

Очень важным для обеспечения участия граждан в борьбе с случаями преступления являются нормы закона, предписывающие гражданам доносить органам власти или должностным лицам о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении и предусматривающие ответственность за недонесение об этом.

В действующем законе ответственность за недонесительство предусмотрено за наиболее тяжкие преступления, как-то: преступления контрреволюционные, бандитизм, разбой, хищение государственного имущества организованной группой или в крупных размерах. В законе не предусмотрена ответственность за недонесение по делам об убийстве, поджоге и т. п. В новом уголовном законе следует этот пробел устранить.

При уточнении составов преступлений об ответственности за недонесительство в нашем республиканском кодексе нужно предусмотреть ответственность за недонесение о готовящемся или совершенном умышленном убийстве, поджоге или других способах умышленного истребления имущества, ответственность за которые не предусмотрена в действующем уголовном законодательстве.

Включение ответственности за недонесительство по этим видам преступлений в республиканский уголовный кодекс является необходимым в целях создания условий для более активного участия общественности в борьбе с ними. Это особенно относится к борьбе с такими преступлениями как умышленное убийство.

Внесение в уголовный кодекс республики перечисленных положений — об институтах необходимой обороны, крайней

---

¹² Ст. 9 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик от 31 X 1924 г., Ст. 3. — 1924 г. № 24 и ст. 13 УК РСФСР.

необходимости и ответственности за недоносительство обеспечить активное участие трудящихся масс в борьбе против преступных антиобщественных проявлений.

II

С целью создания необходимых условий для участия самих масс населения в борьбе с уродливыми явлениями, носящими преступный характер нужно предусмотреть соответствующие нормы и в уголовно-процессуальном кодексе республики.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит очень ограниченное число случаев когда уголовные дела возбуждаются по инициативе общественности. Согласно этому законодательству среди других поводов поводами для возбуждения уголовного дела считаются заявления граждан и различных объединений и организаций.¹³

В разрабатываемом уголовно-процессуальном кодексе республики следует подробно указать поводы возбуждения уголовного дела, выдвигаемые советской общественностью и расширить их. В качестве поводов к возбуждению уголовного дела нужно предусмотреть и такие как сообщения, опубликованные в печати, решения собраний жителей района, рабочих и служащих предприятий, учреждений и общественных организаций, а также выступления граждан на собраниях, в которых указывается на совершение преступлений.

В уголовно-процессуальном кодексе республики нужно предусмотреть, что во всех этих случаях, если имеется достаточно данных, указывающих на совершение преступления, возбуждается уголовное дело для производства расследования.

Такое уточнение и расширение в уголовно-процессуальном кодексе поводов к возбуждению уголовного дела значительно повысит роль советской общественности в борьбе с преступными элементами и будет способствовать более успешному осуществлению, закрепленного в Положении о прокурорском надзоре, указания В. И. Ленина о том, что в борьбе с преступностью, в предупреждении преступлений главное — добиться, чтобы ни один случай преступлений не оставался нераскрытым, а не в тяжести наказания за совершенное преступление.¹⁴

¹³ Ст. 91 п. 1 УПК РСФСР.

¹⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 373, Положение о прокурорском надзоре в СССР ст. 17 п. 1, Ведомости Верховного Совета СССР № 9 ст. 222.

Создание условий для активного участия советской общественности в борьбе с преступными антиобщественными элементами путем включения соответствующих норм в уголовный и уголовно-процессуальный кодексы республики сделает излишним существование специальных норм закона, устанавливающих право подвергать этих элементов наказанию уголовного характера, как например ссылке, самими гражданами помимо суда, как это допускается по Закону Верховного Совета республики от 12 октября 1957 года.¹⁵

Сам по себе этот Закон, как устанавливающий определенные формы участия населения в борьбе с антиобщественными, паразитическими элементами правильный. Общие положения этого Закона и предусмотренное в нем право наложения на лиц уклоняющихся от общественно-полезного труда, таких взысканий, как общественное предупреждение, очень полезны и необходимы. Такие нормы, предусматривающие общественное воздействие, можно установить и по другим случаям антиобщественных проявлений, как например, — непристойное поведение на службе и в быту, на улице или в общественных местах, ругань, сквернословие и т. д., подобно тому, как это делают товарищеские суды на предприятиях и в учреждениях при нарушении трудовой дисциплины.

Но Закон Верховного Совета Латв. ССР от 12 октября 1957 года представляет право собрания населения подвергать лиц, незанимающихся общественно-полезным трудом, ведущих паразитический образ жизни, ссылке на срок до пяти лет. По действующему и проектируемому уголовному законодательству такая мера является уголовным наказанием. Мы полагаем, что когда на собраниях населения района возникает вопрос о применении к подобным лицам уголовного наказания, материал должен передаваться судебно-следственным органам, для расследования и привлечения к ответственности в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным и уголовным Кодексами республики. Это ни к какой мере не умалит роль общественности населения района в борьбе с антиобщественными, паразитическими элементами. Инициатива возбуждения дела, принятия мер борьбы с этими элементами сохранится за населением. При этих условиях будет обеспечено больше возможностей для всестороннего и тщательного расследования дела, правильного применения

---

¹⁵ Закон Верховного Совета Латв. ССР «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» от 12 X 1957 года.

Закона, что должно положительно сказаться на эффективности борьбы с антиобщественными проявлениями.

Исключение из системы мер общественного воздействия таких мер как ссылка, которая входит в систему уголовных наказаний, укрепит существующий в нашем Советском государстве принцип, что никто не может быть подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и за деяние, содержащее состав преступления, предусмотренный Законом и установленный судом. Это крайне важно с точки зрения проведения советской социалистической законности.

При обсуждении и рассмотрении проектов уголовного и уголовно-процессуального кодексов республики надо так сформулировать соответствующие положения о борьбе с преступными антиобщественными, паразитическими элементами, чтобы отпала необходимость включать в Закон о мерах общественного воздействия на подобные элементы, меры входящие в систему уголовных наказаний. С изданием уголовного и уголовно-процессуального кодексов придется пересмотреть и уточнить Законы о мерах общественного воздействия на эти элементы.

Вопрос о мерах общественного воздействия на нарушителей Советского правопорядка и участия самих масс в борьбе с преступными проявлениями, как мы видим из сказанного, тесно связан с вопросом о наказании: понятии и целях наказания в Советском уголовном праве, порядке его применения.

В. И. Ленин еще в первые годы существования Советского государства дал ясное и четкое определение уголовного наказания как принуждения и воспитания, осуществляемого органами суда. В наброске статьи «Очередные задачи Советской власти» в 1918 году он указывал: «Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения».¹⁶

В этом определении уголовного наказания содержится не только понятие наказания, но указаны также его цели, заключающиеся в принуждении и воспитании и то что оно применяется судом.

Эти ленинские принципы уголовного наказания были закреплены в действующих законах Советской власти, в ст. 4 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и

---

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 191.

союзных республик и ст. 9 УК РСФСР. В этих законодательных актах указывается, что наказание применяется в целях:

а) предупреждения и лишения возможности совершения новых преступлений со стороны совершивших их;

б) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся;

в) воздействия на других неустойчивых членов общества¹⁷.

Предупреждение новых преступлений может быть осуществлено путем применения таких мер принуждения, как исправительные работы, штраф и другие не очень жесткие меры наказания. Но иногда, когда совершены тяжкие преступления, для предупреждения новых преступлений или лишения возможности совершить их нужно прибегнуть к таким мерам принуждения, как лишение свободы, а в исключительных случаях по особо тяжким умышленным преступлениям даже смертная казнь, сохраненная в советском уголовном законодательстве как временная мера. Однако, какая бы из этих мер принуждения не применялась, целью ее применения является прежде всего предупреждение, или лишение возможности совершить новое преступление, так называемое специальное предупреждение. Вместе с тем в отношении лиц, совершивших преступления, если к ним не применяется исключительная мера наказания — смертная казнь, ставится цель приспособления их путем принуждения к условиям общежития государства трудящихся, исправление и перевоспитание.

Меры наказания применяемые советским судом играют огромную воспитательную роль.

В ст. 3 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик сказано, что «всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития».¹⁸

Некоторые советские юристы пытаются обосновать положение, что наказание в советском уголовном праве преследует цель кары. Профессор М. М. Исаев, пытаясь дать такое обоснование цели наказания в советском уголовном

¹⁷ Ст. 4 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик от 31 X 1924 г., и ст. 9 УК РСФСР.

¹⁸ Закон о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 г., Ведомости Верхов. Совета СССР, 1938 г., № 11.

праве, пишет, что «при лишении свободы на 15—20 лет... вряд ли... преследуется цель исправления преступника».¹⁹ Профессор М. Д. Шаргородский, правильно критикуя эти взгляды Исаева, сам высказывает неясные, расплывчатые мысли о наказании в советском уголовном праве, рассматривая его как орудие подавления, устрашения и воспитания.²⁰

Нельзя сказать, что эти мысли правильно характеризуют сущность наказания в советском уголовном праве, особенно на современном этапе развития Советского государства. Трактовка наказания в советском уголовном праве как средства устрашения, хочет того или не хочет профессор Шаргородский, сводит цель наказания к возмездию, каре.

Мысли о том, что целью наказания является кара, высказывались некоторыми юристами и на совещаниях, происходящих по вопросам кодификации уголовного законодательства.

Вносились предложения дать понятие сущности наказания как кары за совершенное преступление.

На наш взгляд нет никаких оснований признавать неправильным прежнее понятие наказания в советском уголовном праве, в котором наказание по своей сущности и целям характеризуется как средство принуждения и воспитания. Это понятие находится в полном соответствии с действующим законом, в котором отвергается такая цель наказания как возмездие, кара.²¹

Характеристика наказания как средства подавления, устрашения и т. п., как мы полагаем не улучшает, принятое в настоящее время понятие наказания в советском уголовном праве, а ухудшает это понятие.

Если раньше, в первые годы Советской власти, со всей решительностью подчеркивалась именно воспитательная роль наказания, то теперь, когда неизмеримо возросла сознательность советских людей, эта сторона наказания приобретает еще большее значение.²²

Главное в наказании по советскому уголовному праву — воспитательная сторона.

---

¹⁹ М. М. Исаев, История советского уголовного права, стр. 428.

²⁰ М. Д. Шаргородский, Вопросы наказания в проекте уголовного кодекса СССР, «Сов. госуд. и право» 1955 год, № 1.

²¹ Ст. 4 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31 X 1924 г., С. 3 1924 г., ст. 24 и ст. 9 УК РСФСР.

²² См. статью доцента А. Лиеде, «Проблема осуществления воспитательных целей судебного производства по уголовным делам», Ученые записки ЛГУ т. XII, 1957 г., юридические науки, выпуск I, стр. 213.

Воспитательная сторона наказания в советском уголовном праве является ее основной, действенной силой.

Эта сторона наказания ни в какой мере не умаляется тем, что другой стороной наказания является принуждение, которое наряду с решением воспитательных задач призвано обеспечить цель предупреждения или лишения возможности совершить новые преступления, а также приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития трудящихся.

Сущность принуждения в советском уголовном праве исчерпывающе разъяснены в работах В. И. Ленина. Он считал, что — «пролетарское принуждение во всех своих формах начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».²³

Как мы видим из этого разъяснения, В. И. Ленин рассматривал принуждение в Советском государстве, как одно из средств переделки общества, а не как кару, возмездие.

Поэтому мы полагаем, что при определении понятия наказания в нашем республиканском уголовном кодексе не следует указывать в качестве признаков наказания или его целей такие свойства как кару, возмездие, устрашение и т. п.

В проекте кодекса твердо проводится мысль, что уголовное наказание является государственным принуждением, применяемым судом в воспитательных целях.

Никакие другие учреждения или организации, кроме суда, не могут применять уголовное наказание. Это со всей решительностью подчеркивается в проекте уголовного кодекса республики и мы полагаем, что это правильно.

III

С вопросом о назначении судом наказания за совершение преступления неразрывно связаны вопросы советской исправительно-трудовой политики: проблема максимального предела лишения сво-

---

²³ В. И. Ленин, Ленинский сборник, т. II, стр. 396.

боды, порядок досрочного освобождения от наказания, в частности освобождения от наказания по зачету рабочих дней.

Существующий порядок освобождения от наказания по зачету рабочих дней ослабляет незыблемый принцип советского уголовного права о применении уголовного наказания только по приговору суда тем, что допускается освобождение от определенного судом наказания в порядке зачета рабочих дней администрацией исправительно-трудовых учреждений, в которых осужденные отбывают наказания.

Получается так, что суд, разобрав в коллегиальном порядке уголовное дело и признав обвиняемого виновным в совершении преступления, с учетом тяжести этого преступления и личности осужденного определяет ему в соответствии с Законом ту или другую меру наказания, но администрация исправительно-трудового учреждения в порядке зачета рабочих дней может без решения суда уменьшить срок этого наказания в 2—3 раза и таким путем освободить осужденного от наказания за-долго до отбытия срока наказания.

Некоторые юристы и работники, ведающие исправительно-трудовыми учреждениями, предлагают не только сохранить права администрации исправительно-трудовых учреждений на сокращение по зачету рабочих дней сроков назначенного судом осужденному наказания, но расширить эти права.²⁴ Они указывают, что такой порядок освобождения от наказания по зачету рабочих дней стимулирует исправление лиц отбывающих наказание.

С этим никак нельзя согласиться. Этот порядок сокращения срока наказания администрацией исправительно-трудовых учреждений осужденным не является должным стимулом к исправлению осужденных и в значительном числе случаев используется в качестве одного из способов уклонения от отбытия назначенного судом наказания. Имеются факты, когда такие «исправившиеся» после досрочного освобождения в порядке зачета рабочих дней, вскоре вновь совершают преступления, надеясь опять путем использования зачета рабочих дней уклониться от отбытия срока назначенного им наказания.

Вопрос об освобождении от наказания по зачету рабочих дней, как и в других случаях может допускаться как и опре-

---

²⁴ См. доклад Б. С. Утевского на научной конференции по советскому исправительно-трудовому праву. «Сов. государство и право» 1957 год, № 12, стр. 130.

деление наказания только судом, примерно в том же порядке как это установлено при условно-досрочном освобождении.²⁵ Разумеется здесь не имеется ввиду затрагивать право высших органов власти освобождать от наказания в порядке общей амнистии или помилования (частной амнистии). Речь идет о регулировании вопросов назначения наказания и досрочного освобождения от отбытия наказания вообще, и прежде всего досрочного освобождения по зачету рабочих дней.

С нашей точки зрения рассмотрение вопроса о досрочном освобождении осужденного от наказания по зачету рабочих дней, как и в других случаях, судом в коллегиальном порядке с учетом всех обстоятельств дела, личности осужденного и его поведения во время отбытия наказания всегда будет иметь большее исправительное воздействие, чем при решении вопроса об освобождении от наказания администрацией исправительно-трудового учреждения.

Поэтому в разрабатываемом республиканском уголовном кодексе следует предусмотреть, что за исключением случаев общей амнистии и помилования вопрос о досрочном или условно-досрочном освобождении, в том числе и по зачету рабочих дней может решать только суд.

Этой точки зрения придерживаются и ряд других юристов.²⁶ При этом необходимо установить, что освобождение осужденного от наказания досрочно, по зачету рабочих дней, также может иметь место как и при условно-досрочном освобождении не иначе, как после отбытия осужденным определенного срока назначенного ему наказания, по крайней мере половины срока. Но и тогда суд не механически должен решить вопрос о досрочном освобождении осужденного от отбытия наказания, а по существу, исходя из всех обстоятельств дела. Суд может и отказать в досрочном освобождении осужденного, если придет к выводу, что осужденного не следует освобождать от наказания досрочно.

Нельзя признать нормальным имеющее иногда место такое положение, когда то или другое лицо за совершение тяжкого преступления осуждается, например, к длительному лишению свободы, однако наказание фактически почти не отбывает,

---

²⁵ См. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 24 4 1954 г. и от 14 VI 1954 г., приложения к УК РСФСР, изд. 1957 г., стр. 134—135.

²⁶ См. А. Любавин, А. Ременсон, Досрочное освобождение в порядке зачета рабочих дней. «Соц. законность» 1957 года, № 6.

Д. Юровский, Кодификация уголовного законодательства. «Соц. законность» 1957 год, № 12.

т. к. по зачету рабочих дней может уклониться от отбытия наказания.

Такое положение ослабляет авторитет судебного приговора, подрывает принципы советской политики наказания. Лучше уменьшить максимальный предел наказания, предусмотренный Законом, т. е. установить в уголовном кодексе республики менее длительные сроки лишения свободы чем те, которые действуют сейчас, и создать реальность этих наказаний, нежели сохранять в Законе и применять по суду большие сроки лишения свободы, допуская нереальность практического их проведения в жизнь.

В республиканском уголовном кодексе намечается значительно сократить максимальный предел лишения свободы, установить этот предел в десять лет, с повышением по особо опасным преступлениям и при неоднократном совершении преступлений до пятнадцати лет, вместо двадцати пяти лет по действующему уголовному законодательству.

Мы считаем безусловно правильным сокращение максимального предела лишения свободы в проектируемом уголовном законодательстве до десяти лет. Нельзя согласиться с профессором Ромашкиным и прокурором Тамбовской области В. Жгутовым, которые считают, что необходимо сохранить максимальный срок лишения свободы в двадцать — двадцать пять лет.²⁷ В современных социально-экономических и политических условиях, характеризующихся материальным и культурным подъемом нашей страны, высокой сознательностью подавляющего большинства советских людей, когда особенно большую роль приобретает воспитательная сторона наказания, нет необходимости сохранять такие сроки лишения свободы как двадцать — двадцать пять лет.

Установление сокращенных сроков лишения свободы, должно сопровождаться упорядочением вопроса о порядке досрочного освобождения осужденных, обеспечением большей реальности предусмотренных Законом и применяемых судом наказаний.

Существенным мероприятием в этом отношении явится установление правила, что досрочное освобождение осужден-

---

²⁷ П. Ромашкин, Основные проблемы кодификации сов. уголов. законодательства, «Сов. госуд. и право» 1957 год, № 5.

В. Жгутов, Кодификация уголов. законодательства. С. 3 1957 г., № 7.

ных от наказания, помимо амнистии и помилования, может осуществляться только через суд, т. е. орган который применяет уголовное наказание.

В деле обеспечения реальности назначенного судом уголовного наказания важное значение имеет также установление в законе твердых основ силы, выносимых судами приговоров, их стабильности.

Советский уголовно-процессуальный Закон проникнут высокими принципами социалистического демократизма. Он предусматривает широкие возможности кассационной и надзорной (ревизионной) проверки законности и обоснованности приговоров с целью исправления допущенных при их вынесении ошибок. Нет нигде такой простой демократической системы проверки и исправления ошибочных судебных решений как у нас. Это одно из многих преимуществ нашего судебного процесса перед буржуазным.

Но некоторые наши юристы неправильно понимают эту систему, становятся на путь «исправления» правильных, вынесенных в соответствии с требованием Закона, основанных на материалах дела, приговоров и не всегда исправляют ошибочные приговора.

Пленум Верховного суда СССР уже обратил свое внимание на это в специальном постановлении от 1 XII 1950 года «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке».²⁸

В материалах отчетов и анализа работы судебных органов нашей республики за 1956—1957 годов также зафиксированы случаи неосновательной отмены и изменения приговоров.

Очевидно одной из причин этого является недостаточно исчерпывающие и ясные положения действующего уголовно-процессуального Закона, регламентирующие основания отмены и изменения приговоров. Задачей судов высших инстанций является проверка законности и обоснованности приговоров, вынесенных судами I инстанции и отмена или изменение необоснованных, вынесенных с нарушением Закона приговоров. Наш закон устанавливает когда и при каких обстоятельствах приговор считается незаконным и необоснованным и подлежит отмене или изменению.²⁹

---

²⁸ См. Постанов. Пленума Верховного суда СССР от 1 XII 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению дел в кассац. порядке».

²⁹ См. Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик от 31 X 1924 года, «Собрание законов» № 24 за 1942 год, ст. 206 и ст. 413—419 УПК РСФСР.

Согласно положений советского закона основаниями к отмене приговора являются:

а) недостаточность и неправильность проведенного следствия;

б) существенное нарушение форм судопроизводства.

Основаниями к отмене или изменению приговора наш Закон считает:

1) Нарушение или неправильное применение Закона и

2) Явную несправедливость приговора.

Положения, касающиеся нарушения форм судопроизводства, неправильного применения Закона или его нарушения при вынесении приговора ясны, сформулированы четко, не вызывают каких-либо разноречий в судебной практике и без существенных уточнений могут быть включены в республиканский уголовно-процессуальный кодекс.

Нарушение форм судопроизводства, неправильное понимание или нарушение Закона столь определенные положения, что в практике судебной работы наличие этих обстоятельств легко установить. Достаточно обратиться к соответствующим нормам Закона, как материального, так и о формах судопроизводства, чтобы решить вопрос, допущено или нет их нарушение или неправильное применение.

Гораздо более сложным является дело, когда речь идет о недостаточности и неправильности проведения следствия или несправедливости приговора.

Прежде всего нам кажется, что неправильное проведенное следствие входит в понятие нарушения форм судопроизводства. Поэтому включать это положение в норму о недостаточности проведенного следствия не следует, это излишнее повторение. Для уточнения, поскольку может возникнуть возражение, что судопроизводство не охватывает предварительное расследование, следует в п. «б» сказать: «Существенное нарушение уголовно-процессуального Закона во время предварительного следствия и судебного разбирательства дела» или «Существенное нарушение форм предварительного и судебного следствия».

В пункте «а» в этом случае останется лишь — «недостаточность проведенного следствия». Но этим вопрос не решается.

Вопрос о том — проведено ли следствие достаточно или недостаточно в ряде случаев по конкретным делам принимает характер субъективного мнения. В то время как на взгляд одного юриста следствие проведено достаточно полно, с точки зрения другого юриста оно проведено недостаточно исчерпы-

вающе. Закон, разъясняющий понятие недостаточности следствия, сформулирован в слишком общей форме и не дает нужный критерий для разрешения вопроса.

В Законе говорится, что недостаточно (в нем сказано и неправильно) следствие считается проведенным, если на предварительном и на судебном следствии остались невыясненными обстоятельства, выяснение коих необходимо должно повлиять на приговор.³⁰

Это положение безусловно правильно. Из него видно, что здесь речь должна идти только о неполноте следствия. Но оно очень обще и дает возможность субъективному подходу к разрешению вопроса о полноте проведенного следствия. С точки зрения одного юриста, имеющиеся недостатки следствия должны были повлиять на вынесение приговора, а на взгляд другого нет. Поэтому указанное положение следует развить и уточнить.

При определении критерия для решения вопроса о полноте или недостаточности проведенного следствия, в разрабатываемом уголовно-процессуальном кодексе нужно исходить из предмета доказывания. Полнота следствия с точки зрения предмета доказывания может определяться с учетом необходимости исследования тех вопросов, которые упоминаются, например, в ст. 111, 112, 320 УПК РСФСР, как-то:

1) Имело ли место деяние, приписываемое обвиняемому (подсудимому);

2) Содержит ли это деяние состав преступления и если содержит то как оно должно квалифицироваться;

3) Совершил ли означенное деяние обвиняемый (подсудимый);

4) Подлежит ли обвиняемый (подсудимый) наказанию за совершенное деяние;

5) Личность обвиняемого, степень его социальной опасности, для решения вопроса о мере наказания;

6) Подлежит ли удовлетворению гражданский иск;

7) Как поступить с вещественными доказательствами;

8) Какие понесены по делу судебные издержки и на кого они должны быть возложены.

Поскольку эти вопросы будут затронуты в других статьях УПК республики, можно сделать на них ссылку, не повторяя перечисление.

---

³⁰ См. Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик от 31 X 1924 г., С. 3. № 24, ст. 206 и ст. 414 УПК РСФСР.

Не с меньшими трудностями в судебной практике приходится встречаться при решении вопроса о справедливости или несправедливости приговора. В Законе говорится, что приговор признается явно несправедливым, когда назначенное судом наказание хотя и не выходит за законные пределы, но по размеру своему резко не соответствует содеянному.³¹

На первый взгляд эта формулировка представляется достаточно ясной. Однако в практике имеют место случаи различного подхода к решению вопроса о том — является ли приговор справедливым или несправедливым, т. к. понятие приговора как справедливого или явно несправедливого, резко не соответствующего содеянному, во многом зависит от субъективного взгляда юриста.

Взгляд на этот вопрос по отдельным делам не редко различный у судей, рассматривающих дело в первой инстанции и у судей второй инстанции, рассматривающих дело по находящимся в деле документальным материалам.

Этот разный подход к уяснению справедливости или несправедливости приговора в некоторых случаях приводит к оставлению в силе ошибочного приговора и отмене или изменению правильного приговора.

Одной из причин такого различного подхода к разрешению вопроса о справедливости или несправедливости приговора является недостаточно конкретная формулировка в действующем Законе понятия явной несправедливости приговора. Указание в Законе, что под явной несправедливостью приговора следует понимать резкое несоответствие наказания содеянному не вносит достаточной ясности в этот вопрос.

В республиканском кодексе этот вопрос должен получить более конкретное разрешение. Мы полагаем, что при разработке формулировки положений об основаниях отмены или изменения приговора по мотивам его несправедливости в уголовно-процессуальном кодексе республики нужно исходить из требований действующего Закона, предъявляемых к приговору в этом отношении.

При определении наказания суд обязан руководствоваться:

- а) общими положениями Закона о принципах назначения наказания;
- б) пределами наказания, предусмотренными в норме Закона характеризующими данное преступление;
- в) своим социалистическим правосознанием, исходя из учета общественной опасности совершенного преступления,

---

³¹ Ст. 417 УПК РСФСР.

обстоятельств дела и личности совершившего преступление. При этом Закон указывает на необходимость учитывать при определении наказания отягчающие и смягчающие обстоятельства.³²

В уголовно-процессуальном кодексе республики, по нашему мнению, критерий решения вопроса о справедливости приговора надо расширить положениями вытекающими из материального Закона. Соответствующую статью уголовно-процессуального кодекса республики можно было бы сформулировать, примерно, так:

«Приговор признается явно несправедливым, когда назначенное судом наказание хотя и не выходит за законные пределы, но определено с нарушением положений Закона, устанавливающих принципы назначения наказания, и вследствие этого по размеру своему резко не соответствует содеянному».

Такая формулировка уголовно-процессуального кодекса республики, уточняя положение о праве высшей судебной инстанции отменять или изменять приговор, ввиду явной несправедливости, вместе с тем обязывает суд сослаться в обоснование отмены или изменения приговора на Закон, указать, что назначение осужденному несоответствующего содеянному наказания является нарушением Закона и какой именно Закон нарушен. Это будет в известной мере способствовать устранению субъективного подхода при решении вопроса о справедливости или несправедливости назначенного судом осужденному наказания.

Обеспечение широкого участия советской общественности в борьбе с преступными проявлениями, строгое и справедливое наказание преступных нарушителей советского порядка, исправление и перевоспитание лиц совершивших преступления и предупреждение новых преступлений, это важнейшие задачи уголовного и уголовно-процессуального законодательства республики.

---

³² См. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31 октября 1924 года, «Собрание законов» № 24 и ст. 45, 46, 47 и 48 УК РСФСР.

Зам. председателя Верховного суда Латвийской ССР

В. А. Кауке.

Кандидат юридических наук М. И. Блум

ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Указания XX съезда КПСС о расширении прав союзных республик нашли свое воплощение в законах, принятых на шестой сессии Верховного Совета СССР IV созыва в феврале 1957 года. Среди этих законов наиболее существенное значение имеют Закон «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов» и Закон об утверждении нового Положения о Верховном суде СССР: первый из них значительно расширил права союзных республик в области законодательства; второй повысил роль Верховных судов союзных республик в осуществлении судебного надзора. Разработка союзными республиками законодательства об устройстве судов, гражданского, уголовного и процессуальных кодексов даст возможность отразить в нем национальные особенности республик, особенности их экономического, исторического и культурного развития.

В. И. Ленин в наброске статьи «Очередные задачи советской власти» указывал, что «централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели».¹

В то же время основные положения кодексов союзных республик, основные принципы, диктуемые сущностью и особенностями советского государственного и общественного строя,

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 181.

должны быть едиными, что и будет обеспечено изданием Основ гражданского и уголовного законодательства и судостройства, отнесенного к ведению Союза ССР.

Разработка проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР является значительным событием для нашей республики, ибо речь идет о создании первого социалистического уголовного кодекса Латвийской ССР.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1940 г. на территории Латвийской Советской республики было введено временно уголовное, гражданское и трудовое законодательство РСФСР.²

На основании Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года органы правосудия Латвийской ССР в течение 17 лет успешно осуществляют борьбу с преступными посягательствами на интересы строительства социализма в Латвийской республике, обеспечивая охрану советского государственного и общественного строя, прав и интересов граждан и всего социалистического правопорядка. Однако многие нормы этого кодекса и даже целые разделы не нашли применения в нашей республике, значительная часть норм устарела и должна быть отменена, ибо была принята в совершенно других исторических условиях, некоторые следует изменить и заменить в связи с изменениями в общественных отношениях.

Новый уголовный кодекс Латвийской ССР должен быть на уровне современных задач, осуществляемых в области хозяйственного и культурного строительства. Он должен служить гарантией прав и интересов граждан, способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, содействовать коммунистическому воспитанию граждан нашей республики.

Разработка проекта уголовного кодекса Латвийской ССР поставила на повестку дня целый ряд принципиальных и спорных вопросов. Круг этих вопросов весьма значителен, а поэтому не может быть предметом рассмотрения только данной статьи, однако некоторые, на наш взгляд, наиболее существенные вопросы Общей и Особенной части уголовного кодекса мы считаем необходимым осветить.

* * *

1. В нашей литературе уделялось явно недостаточное внимание вопросу системы общей части уголовных кодексов

² См. Вестник Верховного Совета СССР 18-го ноября 1940 г., № 46.

союзных республик, хотя это один из тех вопросов, с которым сопряжены наибольшие затруднения при разработке проектов уголовных кодексов. Предложенная некоторыми авторами система общей части уголовного права³, в которой выделяются самостоятельные разделы — «Основания уголовной ответственности» и «Субъект преступления», может быть и пригодна для построения учебников по общей части советского уголовного права и программы по социалистическому уголовному праву, но не может быть принята для построения общей части уголовного кодекса союзной республики.

Как известно, Общая часть действующего на территории Латвийской ССР Уголовного кодекса РСФСР, как и большинства уголовных кодексов других союзных республик, состоит из шести разделов: 1. О задачах уголовного законодательства; 2. Пределы действия УК; 3. Общие начала уголовной политики; 4. О мерах наказания, применяемых по УК в отношении лиц, совершивших преступления; 5. О порядке применения мер наказания; 6. Об условном осуждении.⁴

Разработанные в течение длительного времени проекты УК СССР отказались от этой системы Общей части, предусматривая в основном следующие главы: 1. Основные начала; 2. Условия уголовной ответственности и обстоятельства ее исключаютые; 3. Виды наказания; 4. Порядок применения наказания.

В этой системе Общей части наименее удачной является ее первая глава, в которой объединены различные по своему содержанию и принципиальному значению нормы. Одни из этих норм определяют задачи уголовного кодекса, понятие преступления, основание уголовной ответственности, понятие и цели наказания, другие — определяют пределы действия закона во времени и пространстве, третьи — декларируют привлечение к уголовной ответственности только за преступления, предусмотренные уголовным кодексом и применение наказания только по приговору суда. Такое построение первой главы затрудняло бы пользование кодексом. Оно вызывает и целый ряд принципиальных возражений.

Во-первых, нет никакого основания для отрыва понятия

---

³ См. Вопросы системы общей и особенной частей социалистического уголовного права. «Советское государство и право», 1950, № 10, стр. 26—30.

⁴ В УК БССР все нормы, относящиеся к общей части, включены в раздел «Общие положения»; УК Узб. ССР содержит в Общей части всего четыре раздела.

преступления, даваемого в первой главе Общей части уголовного кодекса, от условий уголовной ответственности и обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, которым посвящается вторая глава; во-вторых, нет основания для отрыва понятия и целей наказания от системы наказаний и принципов назначения наказания, которые даются в третьей и четвертой главе; в-третьих, нет оснований включать в эту же главу нормы, определяющие пределы действия уголовного закона.

Если исключить все указанные нормы из первой главы кодекса, в ней останутся лишь нормы, определяющие задачи уголовного кодекса и принцип — «нет преступления, нет наказания без указания о том в законе». Эти общие нормы, определяющие задачи уголовного кодекса республики, как и применение наказания только за деяние, предусмотренное уголовным законом, и только по приговору суда, с нашей точки зрения, и должны быть выделены в самостоятельную и первую главу или раздел уголовного кодекса Латвийской ССР, в зависимости от того, будет ли уголовный кодекс Латвийской ССР строится по главам или разделам. Как будет показано ниже, второй путь представляется более правильным.

Выделение в самостоятельный и первый раздел только норм, определяющих задачи уголовного кодекса и устанавливающих применение наказания лишь за деяния, содержащие состав преступления, и только судом, обуславливается тем, что эти нормы являются основополагающими. Они определяют систему общей и особенной части кодекса, построение отдельных разделов и глав. Включение указанных норм в уголовный кодекс обязывает к последовательным выводам по всей системе уголовного кодекса. Каждый институт уголовного кодекса, конструкция каждой статьи должна отражать принципы, заложенные в основополагающих нормах. Это воплощение принципов основополагающих норм в самой системе Общей и Особенной части кодекса и во всех институтах уголовного кодекса является в свою очередь гарантией незыблемости декларируемых принципов.

Определяя задачу уголовного кодекса Латвийской республики и метод ее осуществления, следует учесть органическую связь и единство положений Общей и Особенной части кодекса. Это означает, что норма, в которой записано, что задачей уголовного кодекса Латвийской ССР является охрана советского общественного и государственного строя, социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, охрана личности, ее политических, трудовых, имущест-

венных и иных прав и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств, должна predetermined в известной мере построение Особенной части кодекса, расположение ее разделов и глав. Построение Особенной части кодекса, исходя из его задачи, наилучшим образом обеспечит осуществление этой задачи.

В норме, определяющей задачу уголовного кодекса, следует указать, что эта задача осуществляется путем определения составов преступления, установления мер наказания и применения их к лицам, совершившим преступления. Эта норма вместе с двумя другими нормами первого раздела Общей части кодекса, устанавливающими, что никто не может быть подвергнут наказанию за деяние, которое не содержит состава преступления, предусмотренного уголовным законом, и что уголовное наказание может быть применено только по приговору суда в соответствии с законом, полностью отражают задачи обеспечения социалистической законности в области уголовного правосудия. Это их особое качество обуславливает необходимость и дает основание для выделения этих норм в качестве общих положений в самостоятельный и первый раздел.

Второй раздел должен быть, как нам представляется, посвящен пределам действия уголовного кодекса, как это имеет место и в ныне действующем УК РСФСР. Мы не находим основания для отказа от такого раздела. Больше того, мы считаем необходимым его расширить, включив в него и нормы, определяющие действие уголовного закона во времени, которые содержатся в ст. 2 ныне действующего на территории Латвийской ССР УПК РСФСР. Норма, определяющая действие уголовного закона во времени, в том числе и его обратную силу, регулирует уголовно-правовые, а не процессуальные отношения и ее место, безусловно, в уголовном кодексе. Таким образом, мы полагаем, что в Общей части Уголовного кодекса Латвийской ССР второе место должно быть отведено разделу, посвященному пределам действия уголовного кодекса. Этот раздел должен состоять из норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления, совершенные на территории Латвийской ССР гражданами СССР, иностранцами и лицами без гражданства, ответственность граждан Латвийской ССР за преступления, совершенные или за границей, а также норм, определяющих действие уголовного закона во времени и случаи обратной силы уголовного закона.

Третий раздел общей части Уголовного кодекса Латвий-

ской ССР должен содержать определение понятия преступления, условий уголовной ответственности и обстоятельств ее исключающих. В этом разделе следует определить формы вины, возраст, с которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, дать понятие невменяемости, понятие стадий преступной деятельности и соучастия, определить виды соучастников, перечислить обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния.

Четвертый раздел Общей части УК Латвийской ССР должен быть посвящен определению понятия наказания и его видов. В последнем, пятом разделе следует определить принципы и порядок назначения наказания и освобождения от него.

Такое построение Общей части Уголовного кодекса, на наш взгляд, дает возможность в логической последовательности излагать институты общей части уголовного права, наилучшим образом учесть взаимосвязь этих институтов. Этому должно способствовать и размещение норм в каждом из перечисленных разделов. Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, следует ли выделить в отдельный раздел меры медицинского и медико-педагогического характера. Нам представляется, что они могут быть изложены и в третьем разделе Общей части уголовного кодекса, в котором дается понятие невменяемости и определяется возраст, с которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности.

2. Как уже было указано, включение в первый раздел принципиального положения о наказуемости лишь деяния, запрещенного законом, предопределяет отношение уголовного кодекса к институту аналогии, к действию уголовного закона во времени, к конструкции статей Особенной части и другим вопросам.

При разработке проекта УК Латвийской ССР встал вопрос об отношении уголовного кодекса республики к институту аналогии.

Как известно, этот вопрос в течение последних лет был предметом дискуссии в нашей юридической печати. Многие авторы, учитывая положительную роль этого института в течение десятков лет, склонны сохранить его и впредь, мотивируя это необходимостью оперативно реагировать на любые формы преступлений и вести с ними успешную борьбу и невозможностью даже в большом количестве статей Уголовного кодекса предусмотреть все социально-опасные проявления,

оставлять без наказания которые было бы вредно для общества.⁵

Большинство теоретиков и практических работников считает институт аналогии исторически оправданным, но находят, что необходимость в нем теперь уже миновала.⁶

В целях дальнейшего укрепления социалистической законности и усиления охраны прав и свобод советских граждан эти авторы предлагают отказаться от института аналогии при разработке новых уголовных кодексов. Это означает, что в уголовных законах должен быть дан исчерпывающий перечень преступлений, чтобы каждый гражданин мог знать, какие действия влекут за собой уголовную ответственность. По этому пути пошли все страны народной демократии, за исключением Албании, еще сохранившей в Уголовном кодексе институт аналогии.

На основании изучения практики применения аналогии в судебных органах Латвийской ССР можно сделать вывод о том, что к институту аналогии судебные органы нашей республики прибегали очень редко, в большинстве случаев, применяя по аналогии ст. 59³ УК РСФСР, когда как бандитизм квалифицировалось особо жестокое убийство, совершенное одним лицом (дело Наглис 1954 г.) и ст. 79² УК РСФСР, когда путем неосторожных действий лица причинялся значительный ущерб государственному или общественному имуществу. В первом случае применение аналогии вызывалось не пробелом в законодательстве, а имевшей место диспропорцией в санкциях за некоторые преступления, в том числе и за умышленное убийство, которая с изданием Указа от 30 апреля 1954 года была ликвидирована. Применение ст. 79² по аналогии вызывалось действительно пробелом в законодательстве⁷, который может быть и должен быть восполнен путем внесения соответствующей нормы в уголовный кодекс.

⁵ См. В. С. Тадевосян, К разработке проекта УК СССР, «Советское государство и право», 1954, № 4 стр. 76—77; А. Н. Васильев, К вопросам проекта УК СССР», «Советское государство и право», 1954, № 7, стр. 119—120.

⁶ П. С. Ромашкин, Проблемы кодификации уголовного законодательства, «Советское государство и право», 1957, № 5, стр. 76; А. А. Пионтовский, В. М. Чхиквадзе, Некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса, «Советское государство и право», 1956, № 4, стр. 30—31; Л. Смирнов, К основам уголовного законодательства СССР, «Социалистическая законность», 1957, № 6, стр. 6.

⁷ Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 4 декабря 1953 г., действия, сопряженные с причинением по неосторожности истребления порчи или повреждения пожаром имущества колхозов, совхозов и МТС, не могут квалифицироваться по ст. 16—79² УК РСФСР.

Сказанное В. И. Лениным о том, что «... если бы мы нашу собственную практику, наш опыт, хотя бы в маленьких размерах, изучали детально, подробно, то мы сотни лишних «разногласий» и принципиальных ошибок... избежали бы»,⁸ полностью относится и к институту аналогии.

К институту аналогии на практике прибегают все реже и реже. Практика встречается с явно ошибочным применением закона по аналогии, что вряд ли способствует укреплению законности, а поэтому и следует отказаться от института аналогии. Возможные пробелы в уголовном законодательстве можно всегда восполнить путем издания новых уголовных законов.

Закрепление в самом законе принципа ответственности только за деяние, содержащее состав преступления, предусмотренного уголовным законом, диктует и соответствующее решение вопроса о действии уголовного закона во времени.

В ст. 3 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» указывается, что применение судом наказания определяется уголовными законами, действовавшими в момент совершения преступления. В ст. 2 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик это же положение нашло более четкое выражение. В этих статьях указывается, что преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, действовавшим в момент совершения преступления. Это положение является бесспорным и не может вызвать никаких возражений. Только такое решение этого вопроса следует признать приемлемым для уголовного кодекса Латвийской ССР.

При этом следует установить момент вступления уголовного закона в силу, продолжительность его действия и момент прекращения его силы, то есть, дать ключ к разрешению вопроса о том, какие законы действовали в момент совершения преступления.

Представляется правильным в Уголовном Кодексе Латвийской ССР установить, что, если в законе отсутствует специальное указание о сроке введения его в действие, то он вступает в силу со дня получения населением на месте соответствующего номера официального центрального или местного органа печати, в котором опубликован данный закон, ибо момент обнародования закона — предоставления реальной возможности повсеместно ознакомиться с законом — должен рассматриваться как момент вступления его в силу.

---

⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 5.

В уголовном кодексе необходимо указать, что вступивший в силу закон действует до его отмены специальным законом или заменяющим его законом. Это положение обязывало бы законодателя, издавая новые уголовные законы, указывать в самом законе, какие из ранее действовавших законов утратили силу.

Должен быть рассмотрен вопрос об обратном действии уголовного закона. В уголовно-процессуальном законодательстве (статья 3 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» и ст. 2 УПК РСФСР) указывается, что только законы, исключаяющие преступность совершенного деяния или смягчающие его наказуемость, имеют обратную силу. Однако следует идти еще дальше и указать, что уголовный закон во всех прочих случаях не имеет обратной силы. На данном этапе развития нашего государства нет никакого основания для допущения даже в виде исключения обратного действия уголовного закона, вновь устанавливающего преступность и наказуемость деяния или усиливающего тяжесть наказания. В уголовном кодексе республики следует прямо указать, что закон, устанавливающий преступность деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет. Это положение вытекает из декларированного в первом разделе принципа, согласно которому деяние наказуемо только в случае указания на то в соответствующем законе.

4. Одним из наиболее спорных вопросов при разработке проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР является вопрос о целесообразности изменения уголовной ответственности для стадии приготовления к совершению преступления.

Статья 11 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» не дает определения приготовления и покушения, а только указывает, что если начатое преступление не было доведено до конца, т. е. если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе наказания, предусмотренного уголовным законом за данный вид преступления, руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения.

Действующее уголовное законодательство союзных республик уточняет это положение, более четко разграничивая две стадии предварительной преступной деятельности: приготовления и покушения.

Ст. 19 действующего на территории Латвийской ССР УК РСФСР определяет приготовление как действия, выражающиеся в прискании или приспособлении орудий и создания

условий преступления. По смыслу ст. 19 УК РСФСР уголовную ответственность влекут любые приготовительные действия. Однако в практике случаи привлечения к ответственности за приготовление к преступлениям встречаются довольно редко и только в тех случаях, когда само преступление, для совершения которого лицо создавало необходимые условия, представляет значительную опасность. Такими являются контрреволюционные преступления, посягательства на жизнь человека, причинение тяжких телесных повреждений, хищение социалистического имущества.

Приготовительные действия сами по себе не создают опасности для правоохраненного объекта, поэтому приготовительные действия к общественно малоопасному преступлению подпадают под примечание к ст. 6 УК РСФСР, т. е. рассматриваются как малозначительные и лишены вредных последствий. Возьмем такой пример: лицо приобрело тачку, чтобы привести домой сено, которое намеревалось самоуправно косить на колхозных угодьях. Приготовление к самоуправству налицо; однако, вряд ли можно говорить о наличии общественно-опасного действия. Приготовительные действия остаются безнаказанными, ибо не подпадают под понятие преступления. Поэтому многие криминалисты считают целесообразным в уголовных кодексах союзных республик установить ответственность за приготовление не в общей форме в статье общей части уголовного кодекса, а только в специальных случаях, особо указанных в статьях особенной части, предусматривающих наиболее опасные преступления.⁹ Эти авторы считают, что такое решение вопроса исключит возможность неправильного привлечения к ответственности за приготовительные действия, не представляющие общественной опасности.

Следует отметить, что оценка степени общественной опасности приготовительных к преступлению действий не вызывает никаких затруднений. Эти, как и все прочие случаи, подпадающие под признаки примечания к статье 6 УК РСФСР, с точки зрения их общественной опасности могут быть в каждом

---

⁹ См. *Н. В. Лясс*, Понятие и основания наказуемости приготовления и покушения. В сборнике «Вопросы уголовного права и процесса», Издательство Ленинградского Университета, 1956, стр. 63; *М. Ковалев*, Ответственность за приготовительные к преступлению действия, «Социалистическая законность», 1954, № 8, стр. 20—23. *Т. Церетелли*, Наказуемость приготовления к преступлению по советскому уголовному праву, «Социалистическая законность», 1954, № 12, стр. 10—14. *А. Пионтковский*, Основные вопросы проекта Уголовного кодекса СССР, «Социалистическая законность», 1954, № 1, стр. 33.

конкретном случае оценены следственно-прокурорскими органами и судом.

Мы присоединяемся к мнению тех советских криминалистов, которые считают, что попытки внести формалистические критерии для разграничения, когда можно и когда нельзя карать за приготовление к преступлению, способны лишь внести значительные трудности в отправление социалистического правосудия.¹⁰

Если установить наказуемость приготовления в особых, заранее законом указанных случаях, то суду во многих случаях придется разграничивать не влекущее наказание приготовление и наказуемое покушение и, как справедливо указывал проф. А. Н. Трайнин, начнутся дискуссии о том, где грань, лежащая между приготовлением и покушением, и по какую сторону этой грани следует расположить подлежащие оценке действия подсудимого.¹¹

Совершенно прав проф. А. Трайнин, утверждая, что указание в норме общей части уголовного кодекса о том, что уголовная ответственность за приготовление допускается лишь в особо законом указанных случаях способно привести не к сужению, а к расширению ответственности за приготовление к преступлению, ибо суд «применяя статью, в которой законодателем прямо указано: приготовление наказуемо, — не без основания увидит стимул покарать приготовительные действия во всех случаях, как бы ни были далеки эти приготовления от совершения преступления и какова бы ни была личность подсудимого... Если закон содержит специальное указание на то, что приготовление наказуемо в особо указанных случаях, то отсюда неизбежен вывод, что покушение, в отношении которого в законе нет этой оговорки, наказуемо всегда, во всех случаях».¹²

Кроме всех выше высказанных соображений, следует отметить, что общественная опасность приготовления к преступлению определяется не только опасностью того преступления, которое подготавливается действиями лица, но и характером этих подготовительных действий, а также близостью действия к преступному результату, а поэтому установление заранее круга преступных деяний, приготовление к которым наказу-

¹⁰ См. А. Трайнин, Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия, «Социалистическая законность», 1953. № 12, стр. 30.

¹¹ Там же, стр. 31.

¹² Там же, стр. 33.

емо, затруднительно и нецелесообразно.¹³ В этом случае всегда будет превалировать формальная сторона, т. е. установление признаков приготовления без должного учета степени общественной опасности конкретных приготовительных к преступлению действий. Это может привести к тому, что оговоренные в законе случаи приготовления по своему характеру и степени общественной опасности могут не нуждаться в уголовной репрессии, и, наоборот, не предусмотренные в законе случаи приготовления могут обладать такой степенью общественной опасности, которая требует применения уголовного принуждения. Поэтому следует признать правильным сохранение *status quo*.

Единственным критерием для решения вопроса об ответственности за приготовление к преступлению должна быть степень общественной опасности конкретных приготовительных к преступлению действий, устанавливаемая судом по каждому конкретному делу.

Проведем параллель между приготовительными действиями и действиями пособника.

Практика показывает, что привлечение к уголовной ответственности за пособничество имеет место тоже только в случаях, когда пособничество свидетельствует о значительной степени общественной опасности лица, которая определяется в основном опасностью того преступления, которому оказывается содействие, а затем уже и характером оказываемого содействия, однако никто еще не предлагал указать в особенной части уголовного кодекса, в каких случаях пособничество наказуемо. Этот вопрос в каждом конкретном случае решается судом, ибо, только оценивая всю совокупность условий конкретного дела, можно решить вопрос, насколько конкретная форма пособничества могла содействовать и фактически содействовала наступлению преступного результата, т. е. можно ли и в какой мере можно говорить о том, что конкретный пособник своими действиями причинил общественно-опасный результат.

Так, Косенков и Якушин, получив на хранение в колхозе зерно, присвоили его и в колхоз не вернули. Их жены Косенкова и Якушина пересыпали по предложению своих мужей высушенное зерно в мешки и сложили мешки в клеть. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР не

---

¹³ См. *Н. Ф. Кузнецова*, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, «Советское государство и право», 1955, № 5, стр. 118.

признала их пособниками, так как их действия не способствовали несдаче Косенковым и Якушиным полученного ими зерна, которое они обязаны были сдать независимо от того, находилось ли оно в мешках или в другой таре, в доме или в клети.¹⁴

Так же следует решать и вопрос о наказуемости приготовительных действий.

В то же время мы считаем, что в уголовном кодексе Латвийской ССР должно быть дано определение приготовления к преступлению и покушения, что облегчит разграничение этих двух стадий осуществления преступного умысла.

Наряду с этим уголовный кодекс Латвийской ССР должен дать определение понятия добровольного отказа от доведения преступления до конца, под которым следует понимать окончательный отказ от осуществления преступления при наличии реальной возможности доведения преступного намерения до конца.

5. Большое значение имеет разрешение некоторых вопросов, связанных с понятием соучастия в преступлении. Одним из спорных вопросов учения о соучастии является само определение понятия соучастия. Действующее законодательство союзных республик не дает определения понятия соучастия. В теории этот вопрос разрешается различно. Некоторые авторы в той или иной форме допускают возможность соучастия в неосторожном преступлении.¹⁵

Нам представляется, что признание возможности подстрекательства и пособничества к неосторожному преступлению означает неоправданное расширение сферы наказуемого, ибо ответственность за неосторожную деятельность должна наступать только в строго предусмотренных законом случаях. Спорным является и вопрос, можно ли усмотреть подстрекательство в действиях пассажира, который настаивает на увеличении скорости, не допускаемой правилами уличного движения, если в результате повышенной скорости движения произошла авария, которую он не предвидел.

Более убедительной нам представляется точка зрения тех авторов, которые рассматривают соучастие как совместную умышленную преступную деятельность двух или нескольких

¹⁴ См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1942, в. II, стр. 11.

¹⁵ См. проф. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, М., 1941 г., стр. 109—118; А. Трайнин, Некоторые вопросы учения о соучастии, «Социалистическая законность», 1957, № 2, стр. 26—29; М. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права (законодательство и судебная практика), Изд. Ленинградского Унив., 1955, стр. 142—143.

лиц. Мы считаем, что этот спорный в теории и судебной практике вопрос необходимо разрешить в законодательном порядке. В уголовном кодексе Латвийской ССР следует дать определение понятия соучастия в преступлении.

6. Продолжительное время в юридической литературе дискутируется вопрос о природе заранее не обещанного укрывательства: является ли заранее не обещанное укрывательство видом соучастия в преступлении или формой прикосновенности к преступлению, т. е. самостоятельным преступлением, ответственность за которое должна быть предусмотрена в Особенной части уголовного кодекса. Этот вопрос различно разрешен в законодательстве союзных республик. Уголовные кодексы большинства союзных республик считают пособничеством заранее обещанное, а также заранее не обещанное укрывательство. Уголовные кодексы Украинской ССР и Грузинской ССР иначе разрешили этот вопрос. Только заранее обещанное укрывательство они рассматривают в качестве соучастия в преступлении.

Заранее не обещанное укрывательство считается самостоятельным преступлением, ответственность за которое наступает только в случаях, предусмотренных законом.

Поскольку на территории Латвийской ССР в течение 17 лет действует Уголовный кодекс РСФСР, в нашей судебной практике глубоко укоренилось отношение к любой форме укрывательства как к соучастию в преступлении. При разработке уголовного кодекса республики этот вопрос должен быть разрешен со всей принципиальностью, ибо укоренившаяся практика не может не влиять на взгляды многих практических работников. Некоторые практические работники справедливо считают, что заранее не обещанное укрывательство является весьма распространенным явлением и по своему характеру в некоторых случаях может быть весьма опасным, и потому полагают, что непризнание такого лица соучастником будет означать послабление борьбы с этими явлениями. Впрочем, с такой точкой зрения мы встречаемся и в юридической периодике¹⁶.

Утверждают, что выделение особого понятия заранее не обещанного укрывательства защищает укрывателей тяжких преступлений, что деление укрывательства на «заранее обещанное» и на «заранее не обещанное» затрудняет работу органов следствия, обязывая их доказывать трудно доказуемое.

---

¹⁶ См. *Л. Смирнов*, К основам уголовного законодательства СССР, «Социалистическая законность», 1957, № 6, стр. 11.

М. Меркушев считает, что теоретически мыслимы два варианта оценки сущности укрывательства: признание заранее обещанного и заранее не обещанного укрывательства продолжением укрываемого преступления или признание любого укрывательства самостоятельным преступлением, не имеющим ничего общего с совершенным преступлением. Считая второй вариант оторванной от жизни юридической конструкцией, М. Меркушев решительно отвергает его.¹⁷

Однако нам представляется, что конструирование указанных двух вариантов является необоснованным.

Если лицо содействовало совершению преступления, т. е. если существовала причинная связь между его деятельностью и наступившим преступным результатом, и при этом оно действовало умышленно, сознавало наличие связи между собственными действиями и действиями исполнителя преступления, то такое укрывательство является продолжением укрываемого преступления.

Если действие укрывателя не содействовало деятельности исполнителя, если отсутствует причинная связь между деятельностью укрывателя и причиненным деятельностью исполнителя результатом, то нет и продолжения укрываемого преступления.

Однако, решительная борьба с укрывателями опасных преступников — убийц, бандитов, расхитителей — вовсе не требует отнесения их к соучастникам. В качестве примера уместно привести дело Сапрыкина. Сапрыкин, являясь милиционером линейного поста ст. Никель Оренбургской ж. д., во время дежурства на путях станции 11 июня 1955 г. задержал Кузнецова с похищенными им у Федоровой личными вещами. Милиционер Сапрыкин задержанного незаконно отпустил, а изъятые у него краденые вещи присвоил.

В определении Транспортной коллегии Верховного суда СССР от 25 января 1956 г. говорится, что «Сапрыкин не только допустил злоупотребление служебным положением, но и явился соучастником хищения личных вещей у Федоровой, поскольку он, скрыв преступника Кузнецова, осужденного по этому же делу по ст. 1 ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», присвоил похищенные вещи».¹⁸

¹⁷ См. М. Меркушев, Ответственность за укрывательство, «Социалистическая законность», 1955, № 1, стр. 19—24.

Разве могут действия Сапрыкина рассматриваться в качестве продолжения кражи личного имущества, совершенного Кузнецовым? Когда Кузнецов задуманное им преступление полностью выполнил, Сапрыкин даже не знал о нем и ничем не способствовал ему в совершении кражи. Весьма сомнительно, чтобы интересы борьбы с такими и подобными преступлениями требовали признания их совершенными в соучастии. В данном случае опасность содеянного милиционером Сапрыкиным, пожалуй, больше, чем воров Кузнецовым.

Заранее не обещанное укрывательство лишено признаков, образующих сущность института соучастия, ибо оно не является фактором, влияющим на формирование и осуществление исполнителем преступного умысла. Оно совершенно изолировано от факторов, которые в своей совокупности и взаимодействии приводят к осуществлению того или другого состава преступления.

Следует отметить, что заранее не обещанное укрывательство вполне возможно и в отношении преступления, совершенного по неосторожности.

Не предвещая вопроса о необходимости предусмотреть наказуемость укрывательства преступлений, совершенных в результате неосторожности, мы хотим подчеркнуть здесь только специфику, особый характер заранее не обещанного укрывательства в отличие от заранее обещанного укрывательства.

Поэтому мы и предлагаем этот вопрос в Уголовном кодексе Латвийской ССР разрешить следующим образом: в общей части уголовного кодекса дать определение укрывательства и указать, что заранее обещанное укрывательство является пособничеством и влечет ответственность по правилам о соучастии, а заранее не обещанное укрывательство влечет ответственность только в случаях, специально предусмотренных уголовным кодексом.

7. На страницах юридических журналов была высказана мысль о том, что в Общей части уголовного кодекса союзной республики следовало бы указать на то, что деяние, совершенное по неосторожности, влечет уголовную ответственность только в случаях, специально предусмотренных в Особенной части кодекса. Таким образом имеется в виду устранить возможность ответственности в уголовном порядке за неосторожные действия, которые либо вообще не должны влечь

---

¹⁸ См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1956 г., № 2, стр. 7.

ответственности, либо должны влечь за собой ответственность в дисциплинарном, административном или гражданском порядке.¹⁹

Нам представляется, что такое положение не внесет необходимой определенности в уголовный кодекс, больше того, оно создаст превратное впечатление будто бы умышленно совершенные деяния наказуемы во всех случаях, даже специально не указанных в законе. Такое положение противоречило бы установленному принципу, что никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и подвергнут наказанию иначе, как за деяния, содержащие состав преступления, предусмотренный законом. Речь идет о любом преступлении: умышленном и неосторожном. В силу этого соображения сделанное в литературе предложение следует отвергнуть.

В то же время мы считаем целесообразным предусмотреть в уголовном кодексе Латвийской ССР следующее положение: не является виновным и не признается преступлением деяние, если лицо, его совершившее, не предвидело и не могло предвидеть и предотвратить наступление общественно-опасных последствий этого деяния. Такое положение будет способствовать искоренению случаев объективного вменения. Оно явится, таким образом, правовой гарантией от неосновательного привлечения к уголовной ответственности.

В данной статье мы смогли затронуть только некоторые вопросы, возникшие при разработке проекта Общей части уголовного кодекса Латвийской ССР. Эти и целый ряд других вопросов должны быть со всей тщательностью обсуждены юристами нашей республики — научными и практическими работниками.

* *
*

Мы намерены затронуть и некоторые вопросы Особенной части проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР, сосредоточить на них внимание юристов нашей республики, чтобы совместными усилиями найти наиболее правильное их разрешение.

8. Важной проблемой Особенной части Уголовного кодекса является его архитектоника. В создании нового кодекса целе-

---

¹⁹ См. А. Лионтковский, Основные вопросы проекта Уголовного кодекса СССР, «Социалистическая законность», 1954 г., № 1, стр. 32—33.

сообразно исходить из ныне действующего на территории Латвийской ССР уголовного кодекса, но необходимо уяснить, какие главы этого кодекса должны быть сохранены и в каком объеме, какие главы, учитывая происшедшие в стране перемены и особенности Латвийской ССР, должны быть исключены и какие по тем же соображениям должны быть созданы вновь.

Система нового кодекса должна отразить социалистическую сущность и современные задачи советского уголовного законодательства. Нельзя допустить, чтобы она была произвольной, оторванной от жизни, от политических и хозяйственных задач, выдвигаемых Коммунистической партией и Советским правительством в интересах строительства коммунистического общества.

С этих позиций вопрос о системе Особенной части уголовного кодекса уже обсуждался на страницах юридической печати в связи с разработкой проектов УК СССР и уголовных кодексов некоторых союзных республик. Выдвигались различные точки зрения и по целому ряду вопросов достигнуто известное единство взглядов.

подавляющее большинство советских юристов считает необходимым предусмотреть в уголовном кодексе новые главы, каких не имеют ныне действующие уголовные кодексы союзных республик. Рекомендуются включить следующие новые главы: преступления против политических и трудовых прав граждан, преступления против правосудия. С таким предложением следует полностью согласиться при построении Особенной части уголовного кодекса Латвийской ССР. Указанные новые главы не предусматривают новых составов преступлений, не известных действующему законодательству, а подчеркивают лишь большую значимость охраны политических и трудовых прав граждан и интересов правосудия на современном этапе развития нашего государства, когда все более расширяется социалистическая демократия.

Нет необходимости сохранить главу о нарушениях правил отделения церкви от государства. Глава о преступлениях, составляющих пережитки родового быта и раньше не имела никакого значения в Латвийской ССР и должна быть в новом кодексе исключена.

Спорным является вопрос о необходимости выделения в особую главу преступных нарушений обязанностей по обороне СССР. Большинство криминалистов не усматривает необходимости в такой главе, считая, что эти преступления не выходят

за рамки посягательства на порядок управления, с чем следует согласиться.

Наибольшие разногласия вызывает вопрос о главе об имущественных преступлениях. Имеются две точки зрения по этому вопросу. Одни предлагают восстановить примерно в прежнем объеме в уголовных кодексах союзных республик главу об имущественных преступлениях, включая в нее уголовную ответственность как за хищения государственного и общественного имущества, так и за посягательства на личную собственность граждан. Другие же предлагают создать новую главу, объединяющую все преступления против социалистической собственности. Последняя точка зрения нам представляется наиболее приемлемой для Уголовного кодекса Латвийской ССР.²⁰

Таким образом, мы полагаем, что в Особенной части Уголовного кодекса Латвийской ССР необходимо предусмотреть следующие одиннадцать глав: Государственные преступления, Преступления против социалистической собственности, Преступления против социалистической системы хозяйства, Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, Преступления против политических и трудовых прав граждан, Преступления против личной собственности граждан, Должностные преступления, Преступления против правосудия, Преступления против порядка управления, Преступления против общественной безопасности и общественного порядка, Воинские преступления.

Этим вопрос о системе Особенной части уголовного кодекса еще не разрешен. Следует еще определить, в каком порядке должны быть размещены предусмотренные в кодексе главы. На этот счет также нет единого мнения. Наибольшие разногласия при разработке проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР, а также на страницах юридической печати вызывает вопрос о месте преступлений против личности в системе Особенной части уголовного кодекса. Высказываются вполне заслуживающие внимания и уважения соображения о том, что при построении системы особенной части следует исходить из необходимости подчеркнуть особое значение охраны жизни, здоровья, достоинства, политических и трудовых прав советских граждан, поэтому эти главы следует поместить вслед за главой о государственных преступлениях. Другая точка зре-

---

²⁰ См. подробнее статью *М. И. Блум* «Система и место преступлений против социалистической собственности в проекте уголовного кодекса Латвийской ССР, стр. . . . настоящих Ученых Записок.

ния сводится к тому, чтобы второе место в системе Особенной части уголовного кодекса было бы отведено преступлениям против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства. Эта вторая точка зрения нам представляется наиболее правильной²¹.

Мы считаем целесообразным разместить все одиннадцать глав Особенной части уголовного кодекса Латвийской ССР по шести разделам, а именно:

Раздел первый. Государственные преступления;

Раздел второй. Преступления против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства (в данном разделе две самостоятельные главы);

Раздел третий. Преступления против личности, политических, трудовых и имущественных прав граждан (в данном разделе три самостоятельные главы);

Раздел четвертый. Должностные преступления и преступления против правосудия и порядка управления (в данном разделе три самостоятельные главы);

Раздел пятый. Преступления против общественной безопасности и порядка;

Раздел шестой. Военские преступления.

Говоря о системе Особенной части кодекса, следует обсудить и вопрос о том, каким образом уголовный кодекс Латвийской ССР должен инкорпорировать общесоюзное законодательство.

Этот вопрос не возникает в отношении государственных, контрреволюционных и военных преступлений, ибо им отводятся самостоятельные разделы в системе Особенной части уголовного кодекса.

Однако группа так называемых «Иных государственных преступлений» по существу слагается из различных посягательств на социалистическую систему хозяйства и порядок управления. Следует согласиться с теми авторами, которые высказываются против расширения круга государственных преступлений²². Однако, мы не считаем возможным включить эти нормы в различные разделы особенной части уголовного кодекса республики, ибо этим самым будет создана коллизия между оценкой этой категории преступлений общесоюзным за-

---

²¹ См. подробно об этом в статье *М. И. Блум*, Система и место преступлений против социалистической собственности в проекте уголовного кодекса Латвийской ССР, стр. 147 настоящих Ученых Записок.

²² См. *Д. Юровский*, Кодификация уголовного законодательства Украинской ССР, «Социалистическая законность» 1957 г., № 12, стр. 15.

конодательством, причисляющим их к государственным преступлениям, и законодательством союзной республики, относящим эти преступления к различным разделам кодекса. Поэтому мы считаем, что, в случае расширения понятия государственных преступлений и отнесения к этой группе кроме контрреволюционных еще и иных преступлений, возникает необходимость в первом разделе Особенной части нового кодекса предусмотреть две главы: контрреволюционные преступления и иные государственные преступления.

Однако мы полагали бы целесообразным отказаться от понятия иных государственных преступлений в общесоюзном масштабе.

9. Таким образом, мы разрешили только один из вопросов архитектоники Особенной части кодекса. С вопросом о системе Особенной части уголовного кодекса непосредственно связан и второй вопрос — о размещении норм в рамках каждой из глав.

Не подлежит сомнению, что в одну главу могут быть включены только нормы, предусматривающие различные виды и способы посягательства на один и тот же специальный (родовой) объект. Однако размещение многих норм вызывает значительные затруднения. Так спорным является вопрос о том, в какую главу следует поместить норму, предусматривающую ответственность за нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины. Объектом этого преступления является правильная деятельность советского транспорта, как одной из отраслей народного хозяйства. Но вместе с тем, нарушение нормальной деятельности транспорта причиняет существенный ущерб развитию какой-либо отрасли социалистического хозяйства, может повлечь срыв планов производства. Это все говорит за то, что нарушение дисциплины работниками транспорта должно рассматриваться как преступления, посягающие на социалистическую систему хозяйства. Такую точку зрения заняли составители проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР.

Высказывалась и другая точка зрения. Поскольку нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины посягает на безопасность движения и зачастую приводит к несчастным случаям с людьми, это преступление предлагалось отнести к группе преступлений, посягающих на общественную безопасность и порядок. Но эта точка зрения не учитывает главного — что транспорт это отрасль народного хозяйства.

Споры вызывает и вопрос о месте преступного нарушения правил безопасности движения на транспорте лицами, не

являющимися работниками транспорта. Составители проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР отнесли это преступление к посягательствам на общественную безопасность и порядок, хотя высказывалось мнение и о том, что оно является преступлением против личности, наряду с убийством, телесным повреждением и другими.

Действующий на территории Латв. ССР УК РСФСР содержание притонов разврата и сводничество причисляет к преступлениям против личности, тогда как настоящее место этого вида преступлений среди преступлений против общественной безопасности и порядка.

Отнесение преступления к одной или другой главе часто меняет и саму оценку преступления. По действующему законодательству РСФСР и других союзных республик нарушение авторских и изобретательских прав рассматривается в качестве имущественного преступления (ст. 177 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Однако, свести эти права только к категории имущественных — значит обеднить их, не отразить их сущности. Кроме того, как совершенно справедливо отмечалось в юридической литературе²³, в уголовном порядке защищаются не имущественные, а личные права автора и изобретателя. Поэтому это преступление должно быть отнесено к группе преступлений против политических и трудовых прав граждан.

Или такое преступление, как оставление родителями детей до их совершеннолетия без всякой поддержки, предусмотренное ст. 158 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов УССР, Аз. ССР и Арм. ССР. Другие союзные республики также знают аналогичный состав преступления, но только в отношении малолетних детей. Уголовный кодекс Узб. ССР уточняет этот состав преступления путем включения в него еще одного признака: оставление несовершеннолетних детей без надлежащего надзора и поддержки. Следует согласиться с авторами комментария к уголовному кодексу РСФСР, что поддержка состоит не только в материальной, но и во всякой иной помощи, необходимой для нормального физического и морального воспитания ребенка, т. е. для подготовки его к общественно полезной деятельности (например, отказ родителей от воспитания ребенка, повлекший его беспризорность)²⁴.

²³ См. Б. В. Здравомыслов, Уголовно-правовая охрана прав автора и изобретателя в СССР, М. 1957 г., стр. 5.

²⁴ См. А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий, М. 1946 г., стр. 203.

Практика почти не знает применения этой статьи, хотя такие явления имеют место. О них сообщает пресса, с ними встречаются детские комнаты отделов милиции, суды, рассматривая дела о преступлениях несовершеннолетних, однако лица, ответственные за воспитание несовершеннолетних правонарушителей, остаются в стороне.

Мы считаем, что одной из причин является неполнота действующего закона. Объединение в одной статье составов злостного неплатежа алиментов с составом оставления родителями детей без всякой поддержки привело к тому, что «оставление без всякой поддержки» рассматривается только в качестве отказа от материальной поддержки, а такие случаи действительно охватываются составом злостного неплатежа средств на содержание детей.

В самом законе необходимо подчеркнуть ответственность родителей перед обществом и государством за воспитание своих детей. Оставление детей без надлежащего надзора должно рассматриваться в качестве одного из посягательств на общественную безопасность, ибо это преступление перед социалистическим обществом и его гражданами. В связи с этим в проект Уголовного кодекса Латвийской ССР предлагается включить норму, предусматривающую уголовную ответственность родителей и других лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, если в результате невыполнения обязанностей по воспитанию и надзору за ними или безнравственного воспитания несовершеннолетними совершено преступление. Нам представляется, что ответственность нашей республики положительно отнесется к включению такой нормы в главу, предусматривающую ответственность за посягательства на общественную безопасность.

Таким образом, при разработке Особенной части уголовного кодекса вопрос о размещении норм внутри глав должен разрешаться с особой тщательностью, согласно социально-политической сущности и юридическим признакам описанных в нормах преступлений.

10. Следующим вопросом, на котором мы считаем необходимым остановиться, является вопрос о том, какие из действующих на территории Латвийской ССР норм уголовного кодекса должны быть сохранены, какие изменены и какие нормы должны быть созданы вновь.

Этот вопрос заслуживает не меньшего внимания, чем вопрос о построении системы уголовного кодекса. По существу речь идет о пределах наказуемого, о грани между преступлением и административным или дисциплинарным правонарушением

и гражданским проступком. Это вопрос, во-первых, о том, за какие должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления уголовная ответственность может быть уже сегодня заменена мерами административного, дисциплинарного и общественного воздействия, исходя из положений Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии.

Это вопрос, во-вторых, о том, за какие преступления возможно и целесообразно смягчение уголовной ответственности и, в-третьих, о том, допустимо ли расширение рамок уголовно-наказуемых деяний в будущем уголовном кодексе Латвийской ССР.

Нам представляется, что всякое стремление к расширению сферы применения уголовного закона не соответствует общей тенденции развития нашего законодательства.

Объективные условия не диктуют необходимости расширения рамок уголовно-наказуемого. В особенности это относится к преступлениям не корыстным, лишенным низменных мотивов, а также совершенным по неосторожности.

Однако это положение не должно быть понято таким образом, что ни один состав преступления, ныне не предусмотренный действующим на территории Латвийской ССР уголовным законодательством, не может быть включен в проект будущего Уголовного кодекса Латвийской ССР.

Нам представляется необходимым предусмотреть в специальной норме среди посягательств на социалистическую собственность ответственность за неосторожное уничтожение и повреждение социалистического имущества, причинившее значительный материальный ущерб государственным и общественным учреждениям или организациям.²⁵

---

²⁵ По ныне действующему на территории Латвийской ССР уголовному закону (ст. 79^а УК РСФСР) предусматривается уголовная ответственность за порчу и поломку принадлежащих совхозам, машинно-тракторным станциям и колхозам тракторов и сельскохозяйственных машин, если порча или поломка вызваны преступно-небрежным отношением к этому имуществу. В течение последних 20 лет этот закон по аналогии применялся ко всем прочим случаям неосторожного повреждения государственного, общественного и кооперативно-колхозного имущества, причинившего значительный ущерб. Если необходимость в специальной норме вызывалась особой обстановкой 1931 года, то сегодня нет оснований выделять в качестве наиболее опасного посягательства среди прочих случаев неосторожного уничтожения и повреждения социалистического имущества порчу и поломку тракторов и сельскохозяйственных машин.

Такое решение вопроса нам представляется правильным, целесообразным и вытекающим из судебной практики нашей республики.

Так же должен быть разрешен в будущем уголовном кодексе Латвийской ССР вопрос в отношении уголовной ответственности за преступно-небрежное отношение к охране государственного или общественного имущества.

Наше действующее законодательство такого состава преступления не знает, однако, судебная практика всегда считала общественно-опасным и наказуемым преступно-небрежное отношение к охране государственного или общественного имущества со стороны лиц, которым поручена охрана этого имущества, повлекшее расхищение, повреждение, порчу или гибель этого имущества.

Такие преступления судебной практикой рассматривались в качестве должностных и квалифицировались по ст. 111 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Так, определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР оставлен в силе приговор, согласно которому сторож Ремстройконторы Л. осуждена по ст. 111 УК РСФСР за то, что она перепоручила охрану мастерской своей малолетней дочери, по неосторожности которой возник пожар, причинивший ущерб на сумму 25672 рублей.²⁶

Так же этот вопрос разрешался и судебной практикой Верховного суда СССР.²⁷

Такое решение вопроса не противоречит действующему законодательству, ибо согласно примечанию к ст. 109 УК РСФСР любой служащий рассматривается как должностное лицо.

Нужно только внести ясность в определение понятия должностного лица. Этому будет способствовать также создание специальной нормы, предусматривающей ответственность за преступно-небрежное отношение к охране государственного и общественного имущества.

В то же время мы не согласны с теми авторами, которые хотят идти дальше и предусмотреть уголовную ответственность за неосторожное повреждение или уничтожение личного имущества граждан. Нет никакой необходимости переносить неосторожное повреждение или уничтожение личного имущества граждан из области гражданского правонарушения в область уголовно-наказуемых деяний.

Следует поставить вопрос и о том, допустимо ли расшире-

²⁶ См. определение по делу № 264 за 1956 г.

²⁷ См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1951 г., № 2, стр. 18.

ние сферы применения уголовного закона за заранее не обещанное укрывательство и недоносительство.

Как известно, вопрос о наказуемости недоносительства разрешен в ныне действующем общесоюзном законодательстве — в Положении о государственных преступлениях (ст. ст. 12 и 23), Законе об измене Родине (ст. 1³ и 1⁴), в Указах Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» (ст. 3) и «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» (ст. 5), которые предусматривают уголовную ответственность за недоносительство о совершенном или готовящемся контрреволюционном преступлении, массовых беспорядках, бандитизме, фальшивомонетничестве, хищении государственного и общественного имущества при отягчающих обстоятельствах и разбое.

Вопрос сводится к тому, следует ли в новом кодексе Латвийской ССР идти по пути расширения или сужения пределов наказуемого недоносительства.

Этот вопрос нужно решать, исходя из интересов охраны государства и граждан, интересов обеспечения успешной борьбы с наиболее опасными преступлениями. В кодексе необходимо точно указать случаи, когда лицо несет уголовную ответственность за недоносительство.

Недоносительство о достоверно известном готовящемся или совершенном убийстве при отягчающих обстоятельствах должно влечь уголовную ответственность, ибо является весьма тяжким преступлением, и кроме того этот вид преступлений трудно поддается раскрытию. Число нераскрытых убийств все еще значительно. Вполне понятно, что следует сохранить и уголовную ответственность за недоносительство о готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении, разбое, хищении социалистического имущества при отягчающих обстоятельствах и фальшивомонетничестве. Но расширять дальше рамки наказуемого недоносительства нам представляется ненужным.

Поэтому мы не согласны с высказываемыми предложениями — установить ответственность за недонесение об изнасиловании, тяжких телесных повреждениях и других преступлениях.

Дела об изнасиловании, как известно, возбуждаются только по жалобе потерпевшей, а поэтому сообщение лица об имевшем место изнасиловании может противоречить воле потерпевшей. Нанесение тяжких телесных повреждений редко совершается по заранее обдуманному плану; наоборот, оно

обыкновенно совершается открыто и не составляет особых трудностей при раскрытии и расследовании.

Разрешая вопрос о мере наказания за недонесение о преступлении, следует его обусловить характером и опасностью того преступления, о котором лицо не доносит, считая недонесение о достоверно известных, готовящихся или совершенных преступлениях против государства более опасными, чем недонесение о прочих преступлениях.

Несколько в иной плоскости следует разрешить вопрос об ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступлений, преступника, средств или следов преступления, которое, как мы выше показали, не должно рассматриваться как соучастие в преступлении. Круг преступлений, укрывательство которых должно влечь уголовную ответственность, должен быть шире, по сравнению с недонесительством, ибо укрывательство преступления является активным содействием преступнику в его стремлении избежать справедливого наказания и поэтому является опасным преступлением против правосудия. Степень опасности заранее не обещанного укрывательства в основном определяется опасностью укрываемого преступления, затем мотивами, побуждающими к укрыванию преступления, и только потом прочими условиями объективного и субъективного порядка. Различную степень общественной опасности заранее не обещанного укрывательства необходимо отразить в самом законе. За заранее не обещанное укрывательство контрреволюционных преступлений, убийства, разбоя, хищения и других тяжких преступлений в уголовном кодексе Латвийской ССР следует предусмотреть более строгое наказание, чем за укрывательство прочих преступлений. С этой точки зрения нам представляется неудачной ст. 72 ныне действующего Уголовного кодекса УССР, в которой за укрывательство преступника или следов преступления, не являющегося содействием выполнению преступления, в случаях, если за такое преступление судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше одного года или определено в законе лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, предусмотрено лишение свободы на срок до одного года. Санкция статьи явно не дает возможности учесть различную степень опасности укрывательства и не способствует борьбе с укрывательством наиболее тяжких преступлений.

Могут быть два пути разрешения этого вопроса: предусмотреть в различных разделах Особенной части уголовного кодекса ответственность за укрывательство соответствующей группы преступлений (укрывательство государственных

преступлений, укрывательство убийства и тяжких телесных повреждений, укрывательство имущественных преступлений и т. д.) или же рассматривать состав укрывательства как одно из преступлений против интересов правосудия, наказуемость которого поставить в зависимость от наказуемости укрываемого преступления. Последний путь нам представляется более приемлемым для уголовного кодекса Латвийской ССР.

По этому пути пошел Уголовный кодекс Чехословацкой республики²⁸, Уголовный кодекс Народной республики Албании²⁹, Уголовный кодекс Народной республики Болгарии³⁰ и другие.

Целесообразно отказаться от уголовной ответственности за укрывательство преступлений, за которые предусмотрено лишение свободы на срок до двух лет или более мягкие меры наказания, а наказуемость укрывательства всех прочих преступлений поставить в зависимость от опасности и наказуемости укрываемого преступления и мотивов укрывательства (наличия или отсутствия корыстных или иных низменных мотивов).

Особого внимания заслуживает вопрос об ответственности близких родственников за заранее не обещанное укрывательство и недоносительство.

Этот вопрос нашел определенное разрешение в уголовных кодексах стран народной демократии. Так, Уголовный кодекс Чехословацкой республики в § 163 освобождает родственников от ответственности за укрывательство, за исключением случаев, когда это совершено с целью: оказания помощи лицу, совершившему государственную измену, саботаж или шпионаж, а также получения для себя или для другого имущественной выгоды, или для уклонения от конфискации имущества или исполнения принудительных мер. В ст. 226 Уголовного кодекса Народной республики Болгарии сказано, что заранее не обещанное укрывательство преступления наказывается лишением свободы на срок до 3 или 5 лет в зависимости от того, преследовал ли укрыватель цель получения имущественной выгоды, однако вышеуказанные положения не распространяются на супругов, родственников по нисходящей и восходящей линии, братьев и сестер укрывшегося лица и их супругов.

---

²⁸ См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств, Чехословацкая республика. §§ 7 и 163.

²⁹ Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Народная республика Албания, Народная республика Болгария, Германская Демократическая республика ст. ст. 13 и 225.

³⁰ Там же, ст. ст. 18 и 226.

На страницах нашей юридической печати также высказывалось мнение о том, что советское законодательство должно пойти по этому же пути, сохранив ответственность близких родственников только за укрывательство и недоносительство о наиболее тяжких преступлениях или совершенное в корыстных целях.³¹

Подготавливаемый проект Уголовного кодекса Латвийской ССР не предусматривает исключений в смысле ответственности родственников, однако при обсуждении проекта этот вопрос не должен быть снят с повестки дня.

11. Серьезного обсуждения заслуживает вопрос об отношении будущего уголовного кодекса Латвийской ССР к так называемым конкретизированным составам преступления.

Является ли выделение некоторых конкретизированных составов преступления расширением пределов уголовно-наказуемого? Нам представляется, что ответ должен быть только отрицательный. Создание обобщенных составов в уголовном кодексе безусловно более целесообразно, однако некоторые конкретизированные составы не только допустимы, но и весьма желательны. Наличие соответствующих конкретизированных составов преступления в уголовном кодексе является весьма существенным фактором в организации общей превенции. Провозглашение наказуемости определенного конкретного, наиболее часто встречающегося преступления, хотя и охватываемого уже имеющимися иными нормами, является существенным стимулом к предупреждению преступлений. С этой точки зрения хотелось бы остановиться на таких составах, которые, с нашей точки зрения, должны найти место в УК Латвийской ССР. К таким составам следует отнести угон и незаконное использование автомашин и мотоциклов. Такое явление встречается довольно часто. Это по существу действие самоуправное или хулиганское. Изменив соответствующим образом признаки состава самоуправства, можно создать такую норму, которая охватила бы любое самовольное действие. правомерность которого оспаривается другими лицами или государственными или общественными учреждениями или предпрятиями. Такой состав мог бы охватить угон и незаконное использование без разрешения собственника или уполномоченного на то лица автомашины или мотоциклета, если эти действия не являются хулиганством.

---

³¹ См. М. И. Ковалев, Об ответственности за укрывательство и недоносительство, «Советское государство и право», 1957 г., № 2, стр. 106—107.

Целесообразно в этом и некоторых других случаях предусмотреть в Уголовном кодексе Латвийской ССР конкретизированные составы преступления наряду с обобщенными составами, так как такие нормы являются серьезным фактором, предупреждающим совершение преступлений и способствующим единообразному применению советского закона.

Как показывает судебная практика Латвийской ССР, незаконное использование и угон автомашин квалифицируется и как самоуправство, и как хулиганство (простое и квалифицированное).

Так, Д. 28 июля 1957 года, будучи в нетрезвом состоянии, угнал со стадиона «Даугава» автомашину «Победа», принадлежащую спортивному обществу «Даугава», и бросил ее на улице. Народный суд 4-го участка Пролетарского района гор. Риги 8-го сентября 1957 года квалифицировал действия Д. по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР отклонила кассационную жалобу адвоката, просившего о переквалификации действий обвиняемого на ст. 90 УК РСФСР, и своим определением от 30 сентября 1957 года оставила приговор в силе.³²

Как хулиганство по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР были квалифицированы народным судом 1-го участка города Резекне 22 июня 1957 года действия П., который, будучи курсантом автошколы, самовольно взял учебную автомашину школы и поехал по городу и району для тренировки, так как на следующий день у него был экзамен по езде на этой же машине, однако, проезжая по деревне с превышенной скоростью, врезался в дом, принадлежащий гражданке Бойковой, причинил материальный ущерб Бойковой и школе.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР своим определением от 11 июля 1957 года приговор народного суда в этой части отменила, указав на то, что действия П. являются самоуправными.³³

Эти и многочисленные другие примеры из нашей судебной практики диктуют необходимость создания конкретизированного состава самоуправства, в частности — состава незаконного использования или угона автомашин и мотоциклов.

Совершенно прав проф. Трайнин, указывавший, что конкретизация составов преступления не образует новых понятий преступного. Действия были наказуемы и до издания нового

³² См. определение № 3039 от 30 сентября 1957 г.

³³ См. определение № 2107 от 11 июля 1957 г.

закона, предусматривающего отдельный вполне конкретный вид этих действий.³⁴

Это относится в полной мере к составу мысленной поправки посевов, умышленного повреждения или уничтожения мелиоративных сооружений и другим составам. Эти конкретные составы умышленного повреждения государственного или кооперативно-колхозного имущества охватываются обобщенным составом умышленного уничтожения или повреждения государственного или общественного имущества, однако их включение в Уголовный кодекс Латвийской ССР будет способствовать искоренению этих конкретных явлений, часто встречающихся в практике нашей республики. Конкретизированные составы не противоречат обобщенным, как и специальные составы не противоречат общим, родовым составам, а предполагают, что обобщенными и общими составами будут охвачены все те преступные действия, которые не охватываются конкретизированными и специальными составами. Против конкретизированных составов выдвигается соображение технического порядка: конкретизированные составы увеличивают количество статей в кодексе. Ничем не может быть оправдано стремление во что бы то ни стало сократить количество статей. Ныне действующие уголовные кодексы союзных республик являются наиболее краткими из всех кодексов мира, однако вряд ли сокращение количества статей должно стать самоцелью при разработке новых уголовных кодексов.

12. Судебная практика республики показывает, что число осужденных по некоторым статьям действующего на территории Латвийской ССР УК совсем незначительно, а иногда имеются только единичные случаи осуждения. Естественно, возникает вопрос, целесообразно ли сохранение этих или аналогичных статей в будущем уголовном кодексе Латвийской ССР.

Редко применяются статьи, которые предусматривают посяательства на политические и трудовые права граждан, на национальное равноправие граждан, на законные права профсоюзов и другие.

Эти явления почти не имеют места в современных условиях нашего государства, однако было бы, бесспорно, глубоким заблуждением делать отсюда вывод, что нормы УК, предусматривающие соответственные составы, излишни и могут быть вовсе исключены из УК. Следует согласиться с проф.

---

³⁴ См. проф. А. Трайнин, Учение о составе преступления, М. 1946 г., стр. 120.

А. Н. Трайниным, что в системе социалистического правосудия имеет самостоятельное политическое значение провозглашение общего положения о наказуемости определенного рода действий, независимо от масштаба применения соответственных норм судами.³⁵

С этих позиций следует рассматривать и целый ряд других статей проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР, кроме выше перечисленных.

С этих же позиций следует дать оценку тем статьям проекта уголовного кодекса Латвийской ССР, которые предусматривают уголовную ответственность не только в случае наступления тяжких последствий, но и в случае возможности наступления этих последствий. Существенный вопрос уголовной политики заключается в том, чтобы установить, в каких случаях следует допущение возможности наступления тяжких последствий рассматривать как уголовно-наказуемое деяние. Как известно, действующее на территории Латвийской ССР законодательство знает целый ряд составов преступлений, в которых предусматривается уголовная ответственность за возможность наступления тяжких последствий.

Таким образом конструирована ч. 3 ст. 133 УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за поставление работника, с нарушением правил об охране труда, в такие условия работы, при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность; в ч. 1 и ч. 3 ст. 108¹ УК РСФСР предусматривается уголовная ответственность за нарушение технического режима, производственно-технической дисциплины или условий работы, обеспечивающих безопасность производства, не повлекших за собой взрыв или пожар; ст. 59^{3в} УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, если это нарушение повлекло или могло повлечь перечисленные в законе последствия; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1953 г. «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил безопасного ведения работ в угольных и сланцевых шахтах» также предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил технической эксплуатации и правил безопасности в действующих и строящихся угольных и сланцевых шахтах,

---

³⁵ Прóf. А. Трайнин, Учение о составе преступления, М. 1946 г., стр. 124.

если в результате такого нарушения могут наступить тяжелые последствия (ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 2 Указа).

Этим перечнем не исчерпаны все составы, в которых возможность наступления тяжких последствий рассматривается как достаточный признак для применения наказания. При решении вопроса, в каких случаях в УК Латвийской ССР должна быть предусмотрена уголовная ответственность за нарушение соответствующих правил и невыполнение обязанностей, могущие повлечь, но не повлекшие тяжких последствий, следует исходить вовсе не из того, насколько часто эти нормы находят применение на практике, не из числа осужденных за эти преступления, а из интересов предупреждения соответствующих преступлений, из интересов охраны общественной безопасности и общественного порядка.

За исключением ст. 59^{3в} УК РСФСР, предусматривающей ответственность за нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, могущее повлечь тяжкие последствия, в практике почти не применяются нормы, предусматривающие ответственность за нарушения правил техники безопасности, технического режима и производственно-технической дисциплины и других установленных законом правил, если они не повлекли за собой тяжких последствий. Несмотря на это, проект Уголовного кодекса Латвийской ССР не может и не должен отказаться от этих норм.

13. Разработка проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР поставила перед ее составителями и вопрос о том, насколько признаки составов преступления должны быть раскрыты в диспозициях статей.

Конструкция составов преступления может быть различна: в одном случае в диспозиции соответствующей статьи может быть дано исчерпывающее описание всех признаков конкретного состава преступления, в другом — может быть дано описание некоторых признаков и, в третьем — только название преступления (кража, убийство, провокация взятки, получение взятки и т. д.).

Этот вопрос, с нашей точки зрения, должен быть разрешен с позиций укрепления законности в деятельности судебно-прокурорских органов. Наибольшая гарантия соблюдения законности возможна в случае внесения в диспозицию соответствующей статьи всех признаков, характеризующих в своей совокупности конкретное деяние как преступление. Мы согласны с высказанным в литературе мнением, что «... точное описание признаков преступлений в статьях УК служит

гарантией единообразного применения закона и помогает нашей судебной практике».³⁶

Иного мнения придерживается В. С. Тадевосян, который полагает, что всем известно, что такое кража, а поэтому понятие кражи не должно быть раскрыто в законе; определение понятия должностного лица приводит, якобы, к возникновению многих вопросов и ошибок в практике из-за неточности, неясности и неудовлетворительности такого определения. Автор почему-то считает эти определения неизбежно расплывчатыми, неточными, а, следовательно, и неправильными.³⁷

При составлении проекта УК Латвийской ССР следует руководствоваться стремлением добиться большей определенности в описании конкретных составов преступлений и отказаться от высказанных в юридических журналах соображений, что в уголовном кодексе нет надобности давать определений «общеизвестных» понятий, нецелесообразно детализировать составы преступлений.

Составители проекта УК Латвийской ССР исходят из того, что возможно дать вполне четкое определение кражи, разбоя, хищения и других составов преступления, что не только возможно, но и необходимо дать четкое определение понятия должностного лица. Никакие трудности, связанные с определением того или иного понятия, не могут освободить от обязанности разработать эти понятия. В их разработке должна принять участие вся юридическая общественность нашей республики. Четкое описание составов преступлений имеет большое значение для укрепления социалистической законности в деятельности судебно-прокурорских органов, гарантирует от неосновательного привлечения граждан к уголовной ответственности, обеспечивает успешность борьбы с действительными преступниками.

В четкой конструкции составов преступления следует усмотреть конкретное воплощение основополагающего принципа социалистической законности — никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и наказан за деяние, которое не содержит состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

Установленные в Общей части уголовного кодекса положения «могут в полной мере получить практическое значение

³⁶ Я. М. Браинин, К вопросу о составе преступления как основании уголовной ответственности по советскому уголовному праву, «Советское государство и право», 1954 г., № 7, стр. 70.

³⁷ См. В. С. Тадевосян, К разработке проекта УК СССР, «Советское государство и право», 1954 г., № 4, стр. 76—78.

лишь в том случае, если выраженный или заложенный в этих положениях принцип получает адекватное выражение или реализуется в нормах Особенной части».³⁸

Составители проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР стремятся описать объективные и субъективные признаки конкретных составов преступления и дать исчерпывающий перечень отягчающих признаков преступления: признаков квалифицированного убийства, квалифицированного хищения, изнасилования, тяжкого телесного повреждения, хулиганства и др. Это особенно необходимо в тех случаях, когда санкция статьи предусматривает за квалифицированный вид соответствующего преступления высшую меру наказания или лишение свободы на длительные сроки. Закон и только закон может и должен устанавливать допустимость применения высшей меры наказания. Эта область не должна быть спорной, не должна быть предметом судебного толкования. Расширительное толкование отягчающих признаков противоречит идее законности, которой должен быть проникнут новый уголовный кодекс нашей республики. Поэтому мы категорически отвергаем точку зрения, согласно которой при определении ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах должен быть дан не исчерпывающий перечень этих обстоятельств, а только примерный перечень, который ориентировал бы суд, в каких случаях какие признаки и общие свойства умышленного убийства придают преступлению характер повышенной опасности.³⁹

Серьезное внимание нужно уделить конструкции так называемых составных или сложных преступлений, слагающихся из двух или более разнородных действий, каждое из которых из отдельности составляет самостоятельное преступление. Таким составом является разбой (состоит из двух самостоятельных преступлений: открытого похищения и преступления против здоровья человека), квалифицированное хулиганство (хулиганство и посягательство на неприкосновенность и здоровье граждан или имущество), квалифицированное превышение власти и др.

Эти составные преступления следует конструировать с

---

³⁸ Б. С. Никифоров, Некоторые вопросы кодификации советского уголовного законодательства. Тезисы докладов Межвузовского научного совещания «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки», Изд. Ленинградского Университета 1957 г., стр. 40.

³⁹ См. Н. Загородников, Ответственность за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, «Социалистическая законность», 1957 г., № 9, стр. 19.

большой тщательностью, чтобы их можно было отграничить от совокупности преступлений.

Действующая судебная практика встречается с ошибочной квалификацией преступлений, являющейся результатом недостаточного четкого описания признаков составного преступления. Так, квалифицированное хулиганство зачастую квалифицируется как хулиганство и нанесение легких телесных повреждений, хулиганство и нанесение побоев и т. д.

Чтобы избежать этих и многих других трудностей, возникающих в практике, проект Уголовного кодекса Латвийской ССР должен детально описывать признаки составных преступлений.

Так, состав квалифицированного хулиганства должен быть описан таким образом, чтобы он охватывал все виды нанесения телесных повреждений (кроме тяжких) побоев, уничтожение имущества и иные проявления бесчинства и буйства, и таким образом исключал бы наличие совокупности соответствующих преступлений.

Состав разбоя, например, должен описываться таким образом, чтобы он не охватывал признаков убийства с тем, чтобы разбой, сопряженный с убийством, составлял совокупность двух преступлений.

Ныне действующая практика разбой, сопряженный с убийством, рассматривает как совокупность двух преступлений, однако такая квалификация не вытекает из закона. Состав разбоя в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года конструирован таким образом, что он охватывает и состав убийства.

Не менее существенным вопросом, по сравнению с вопросом о конструкции диспозиций, описывающих составы преступления, является вопрос о конструкции санкций.

В интересах обеспечения возможности индивидуализации наказания новый Уголовный кодекс Латвийской ССР должен отказаться от абсолютно определенных санкций, должен предусмотреть более широкие рамки относительно определенных санкций, значительно снизить минимальный предел наказания, за большинство преступлений предусмотреть альтернативные санкции.

Изменения в конструкции санкций сократит случаи назначения наказания ниже низшего предела санкции соответствующей статьи, предусмотренной для исключительных случаев, но по некоторым категориям преступлений ставшей слишком частым явлением (по делам о хищении социалистического имущества, о краже личного имущества, хулиганства и др.).

Такой корректив действующего законодательства судебной практикой вряд ли может быть признан допустимым с точки зрения укрпления социалистической законности, однако нельзя не согласиться с тем, что судебные органы руководствуются интересами обеспечения индивидуализации наказания, интересами вынесения справедливого приговора. Санкции в статьях будущего уголовного кодекса Латвийской ССР должны быть сконструированы таким образом, чтобы исключить коллизию между законным и справедливым наказанием. Поэтому в проекте уголовного кодекса Латвийской ССР отсутствуют абсолютно определенные санкции и расширены рамки относительно-определенных санкций. Сохраняя строгое наказание за наиболее тяжкие преступления против социалистического государства, социалистической собственности, личности и общественной безопасности, необходимо обеспечить суду возможность учесть индивидуальные особенности конкретного преступления и совершившего его лица.

14. Необходимо коснуться и некоторых конкретных составов преступлений в проекте Уголовного кодекса Латвийской ССР под углом зрения их соответствия потребностям борьбы с этими преступлениями на современном этапе.

Значительные разногласия вызывает при разработке проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР вопрос о принципиальном отношении будущего уголовного законодательства Латвийской ССР к оценке убийства матерью своего новорожденного ребенка непосредственно после его рождения.

В действующих уголовных кодексах союзных республик этот вопрос разрешен различно. Большинство союзных республик не рассматривает это убийство в качестве менее опасного вида умышленного убийства. В п. «д» ст. 136 УК РСФСР умышленное убийство, совершенное лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом, причислено к квалифицированному убийству. По этому пункту статьи 136 УК РСФСР квалифицируется убийство матерью своего новорожденного ребенка.

Действующий УК УССР знает специальный состав убийства матерью новорожденного ребенка, за который предусматривает менее строгое наказание.

Ставится вопрос о включении аналогичной статьи в УК Латвийской ССР с тем, чтобы не считать этот вид умышленного убийства убийством при отягчающих обстоятельствах, исключить возможность применения за него высшей меры наказания и высшего предела лишения свободы. Обобщение судебной практики по этой категории преступлений свидетель-

ствуем о том, что нет необходимости рассматривать убийство матерью своего новорожденного ребенка в качестве квалифицированного убийства со всеми вытекающими из этого последствиями, потому что эти преступления совершаются матерью в состоянии душевного волнения или болезненного состояния или в результате стечения тяжелых личных обстоятельств.

Мы полагаем, что Уголовному кодексу Латвийской ССР следует отказаться от двухчленной системы деления телесных повреждений на тяжкие и легкие, принятой в действующем уголовном кодексе РСФСР. Следует признать более правильной позицию УК РСФСР 1922 года и ныне действующих уголовных кодексов Украинской ССР и Белорусской ССР, которые предусматривают три вида телесных повреждений: тяжкие, менее тяжкие (средней тяжести) и легкие.

Можно спорить о терминах, которыми следует обозначить различные по тяжести телесные повреждения (менее тяжкое или средней тяжести) но нельзя не признать, что к группе легких телесных повреждений в ныне действующем законодательстве относят различные по характеру и опасности телесные повреждения, на что неоднократно указывалось на страницах нашей печати⁴⁰.

В Уголовном кодексе Латвийской ССР к тяжким повреждениям следует отнести телесные повреждения, опасные для жизни или повлекшие потерю какого-либо органа, либо утрату его функций, неизгладимое обезображение лица, душевную болезнь или значительную стойкую утрату трудоспособности.

Следует уточнить также признаки тяжкого телесного повреждения при отягчающих обстоятельствах. Ничем не оправдан разницей между отягчающими обстоятельствами, характеризующими квалифицированное убийство, и отягчающими обстоятельствами, характеризующими умышленное тяжкое телесное повреждение.

Хулиганские побуждения при нанесении тяжкого телесного повреждения следует специально подчеркнуть как отягчающее обстоятельство, наиболее часто встречающееся на практике по делам этой категории и не охватываемое составом квалифицированного хулиганства.

К телесным повреждениям средней тяжести следует отнести телесные повреждения, не опасные для жизни, но повлекшие длительное лечение, соединенное с временной потерей трудоспособности, временную утрату функций какого-либо

---

⁴⁰ См. В. Владимиров, А. Игнатов, Понятие телесных повреждений следует уточнить, «Советская юстиция», 1957 г., № 3, стр. 57.

органа, незначительную, но стойкую утрату трудоспособности, а также прерывание беременности.

В Уголовном кодексе Латвийской ССР следует определить легкие телесные повреждения как телесные повреждения, причинившие расстройство здоровья, но не повлекшие последствий, предусмотренных в статьях, определяющих тяжкое телесное повреждение и телесное повреждение средней тяжести, ибо прав проф. М. Авдеев, что не существует повреждений, не причиняющих расстройства здоровья: повреждение и есть расстройство здоровья»⁴¹.

Необходимо восполнить также имеющиеся в действующем законодательстве пробелы в отношении телесного повреждения, нанесенного в результате превышения пределов необходимой обороны и под влиянием сильного душевного волнения.

Значительному изменению должен быть подвергнут также состав преступления, содержащийся в ст. 98 ныне действующего на территории Латвийской ССР уголовного кодекса, предусматривающий ответственность за продажу и покупку квартир и комнат.

В нашей практике все еще встречаются случаи, когда недобросовестные квартиросъемщики используют в корыстных целях жилищные затруднения других граждан, вступают с ними в незаконные сделки и за вознаграждение уступают им жилплощадь, в обход существующего порядка предоставления жилплощади гражданам в порядке установленной очередности.

Признавая необходимость уголовно-правовой борьбы с этим весьма опасным явлением, мы в то же время категорически возражаем против той правовой оценки, которая дана этому незаконному явлению в ныне действующем законодательстве — продажа и покупка квартир и комнат. Этот состав преступления в учебной литературе именуется спекуляцией жилплощадью.

Жилая площадь, занимаемая гражданами в коммунальных домах на правах личного пользования не является предметом гражданского оборота и поэтому не может быть отчуждена. Совершенно очевидно, что нельзя говорить о продаже и покупке квартир и комнат в домах коммунального владения. Сущность этого общественно-опасного деяния заключается в получении и даче частными лицами платы за уступку жилплощади в коммунальных и ведомственных домах.

---

⁴¹ М. Авдеев, Определение степени тяжести телесных повреждений, «Социалистическая законность», 1954 г., № 7, стр. 31.

Исходя из этих соображений, и должен быть сформулирован соответствующий состав преступления, место которого среди преступлений, посягающих на порядок управления.

Новым содержанием должны быть заполнены многие нормы действующего на территории нашей республики уголовного кодекса. Речь идет об уголовно-правовых нормах, которые в судебной практике получили новое значение, не отвечающее их словесному выражению. Эти нормы приспособлены судебной практикой к происшедшим в общественной жизни изменениям, что и привело к изменению содержания соответствующих составов⁴².

В судебной практике нашей республики довольно часто применяется ст. 129а УК РСФСР, предусматривающая ответственность за учреждение лжекооператива, руководство им и участие в нем.

В этой статье речь идет об организациях, которые прикрываются кооперативными формами, а хозяйственная деятельность которых имеет исключительно частно-предпринимательский характер.

Таким образом, сущность описанного в законе преступления заключается в создании путем обмана кооперативной формы организации для частно-предпринимательской деятельности.

Некоторые проявления частно-предпринимательской деятельности сохранились и в условиях нашей республики, но частно-предпринимательская деятельность в корне изменила свои формы. Практика давно уже не знает таких случаев, когда дельцы с целью развернуть собственное производство объединились бы в такие хозяйственные единицы как лжекооперативы.

Теперь эти преступные элементы пытаются проникнуть в действующие хозяйственные организации — как государственные, так и кооперативные — и использовать условия производства с тем, чтобы производить для сбыта в целях личной наживы неучтенную продукцию.

Этим лицам нельзя вменить в вину учреждение или руководство лжекооперативом, что является главной чертой ст. 129а УК РСФСР. Общественно-опасный характер их деятельности заключается в том, что они используют подлинные государственные или общественные хозяйственные организации для лично-корыстных целей в ущерб общественному производству.

---

⁴² См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, М. 1957 г., стр. 256.

Ярким примером такой деятельности может служить дело по обвинению работников артели инвалидов «Дзиркстеле», которое в 1955 году рассматривалось Верховным судом республики. Характерным для этого дела является то, что деятельность артели как бы разделилась на две части: одна официальная, законная, т. е. выпуск учтенной по документам продукции на законно приобретенном сырье, за которую артель неоднократно получала переходящее Красное знамя, другая — скрытая, незаконная, т. е. выпуск неучтенной продукции из сырья, приобретенного путем преступления.

Хотя в целях производства неучтенной продукции объединилась большая группа лиц, в том числе и руководство артели, тем не менее этот факт не мог изменить легальный статус самой артели. Поэтому нет никакого основания говорить о лжекооперации. Сущность состава преступления и в данном случае заключается в использовании предприятия — государственного или кооперативного — для частно-предпринимательской деятельности в целях личной наживы, что и должно найти отражение в уголовном кодексе Латвийской ССР.

Новое значение в практике нашей республики получил и состав преступления, описанный в ст. 99 ныне действующего кодекса — изготовление и сбыт запрещенных продуктов и материалов. Судебной практикой давно уже разработан состав преступления, не совпадающий с описанным в ст. 99 УК РСФСР.

Руководящим постановлением Пленума Верховного суда СССР от 25 июня 1948 г. дано указание квалифицировать по ст. 99 УК РСФСР только занятие промыслами, которые запрещены правилами регистрации некооперированных кустарей и ремесленников, утвержденными правительством.

Кроме занятия запрещенным промыслом широкая диспозиция ст. 99 по существу не применяется и в этой части потеряла свое значение.

Нам представляется, что в условиях нашей республики должна быть сохранена уголовная ответственность за занятие запрещенным промыслом, так как имеет довольно широкое распространение и является одним из видов частно-предпринимательской деятельности, представляющей значительную общественную опасность.

Однако в уголовном кодексе Латвийской ССР следует этот состав сохранить как занятие промыслом, запрещенным постановлением Совета Министров СССР и Латвийской ССР.

В нашей юридической печати в последнее время уделяется внимание составу грабежа. Вопрос ставился в такой плоско-

сти: следует ли сохранить понятие грабежа, существовавшее в законодательстве союзных республик до 4 июня 1947 года, или же следует сохранить ныне действующее положение, установленное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан», отказавшимся от этого состава.

В проекте Уголовного кодекса Латвийской ССР этот вопрос разрешен в свете положений Указа от 4 июня 1947 года. Следует отметить, что на латышском языке одним термином (*laupīšana*) охватываются понятие грабежа и разбоя, и поэтому даже терминологически невозможно провести грани между этими понятиями. В официальном тексте — переводе УК РСФСР 1944 года на латышский язык — грабеж в статье 165 был переведен как открытая кража (*atklātā zādzība*), но поскольку грабеж возможен и с применением насилия (ч. 2 ст. 165), то приходилось в латышском тексте говорить об открытой краже с применением насилия, что создавало путаницу в понятиях и усложняло разграничение понятий кражи, грабежа и разбоя.

Поэтому, мы считаем, что сохранение понятия грабежа в отличие от понятия разбоя не приемлемо для уголовного кодекса Латвийской ССР.

* *
*

В рамках этой статьи мы смогли коснуться только некоторых вопросов проекта Уголовного кодекса Латвийской ССР.

Широкое и деловое обсуждение всех положений проекта работниками правовой науки, суда, прокуратуры и милиции, адвокатуры, советскими и партийными работниками и широкими массами трудящихся даст возможность совершенствовать проект.

Надо помнить указания В. И. Ленина, что «... законодательствовать надо с тройной оглядкой»⁴³, что «закон, — есть мера политическая, есть политика»⁴⁴.

⁴³ Ленинский сборник, XXXV, стр. 327.

⁴⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 36.

Александр Паварс
Доцент, канд. юрид. наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ СОЮЗНОГО И РЕСПУБЛИКАНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

I.

Уже свыше 40 лет существует Советское социалистическое государство, впервые открывшее всему миру пути к построению свободного от эксплуатации общества. Идя по указанному великим Лениным пути, советский трудовой народ под руководством КПСС достиг невиданных доселе высот как в области материальной, так и в области духовной культуры.

В этих великих достижениях свое неотъемлемое место принадлежит советскому социалистическому праву, как одному из важных рычагов в руках государства, для проведения в жизнь воли народа¹.

Что забота Коммунистической партии о благе народа находит свое юридическое выражение в обеспечении прав и законных интересов советских людей², — доказать это, главным образом, призвано советское гражданское право, в чем и состоит исключительно великая значимость этой отрасли права.

Вместе с тем перед советским гражданским правом ставится ответственная задача в регламентировании своих институтов: найти правильное соотношение при сочетании интересов гражданина с интересами всего социалистического общества.

Нормы гражданского кодекса касаются любого гражданина, каждого из нас. Но так как гражданское право является такой правовой отраслью, которая, наряду с гражданином,

¹ См. «Коммунист», 1957, № 3, Передовая «Знаменательная веха в укреплении СССР», стр. 8.

² См. Н. Александров, Укрепление социалистической законности, «Коммунист», 1957, № 11, стр. 52.

как субъектом права, нуждается еще в другой категории субъектов — юридических лицах, — то понятно, с одной стороны, то крупнейшее значение, которое присуще гражданско-правовым институтам в любой отрасли как материальной, так и духовной культуры, и, с другой стороны — вся сложность предстоящего труда по созданию такого кодекса, нормы которого действительно способствовали бы всестороннему развитию как производительных сил, так и производственных отношений в период постепенного перехода к коммунизму.

XX съезд КПСС отметил, что при жизни В. И. Ленина, равно как и в ближайшие годы после его кончины, советская юридическая мысль, а также и законодательство были активнее, чем в последующее время, и XX съезд в качестве одной из основных задач дальнейшего советского строительства выдвинул быстрее упорядочение и совершенствование действующего законодательства путем его кодификации.

Законом от 11 февраля 1957 года Верховный Совет СССР отнес к ведению Союза ССР установление Основ гражданского законодательства; принятие же кодексов гражданских законов отнесено к ведению союзных республик.

Проведение этого закона в жизнь потребовало и требует еще усиленной деятельности как в центре — в отношении разработки проекта Основ гражданского законодательства, так и в союзных республиках — в отношении разработки проектов самых кодексов. В печати уже отмечено, что, в силу расширения законодательных полномочий союзных республик, по всей нашей стране ведется большая работа в области кодификации советского законодательства³, и правильно подчеркивается, что расширение этих полномочий является важнейшим событием в их жизни. Правильно указывается также, что не следует приуменьшать сложность и трудности предстоящей работы⁴ и что практическая и политическая значимость кодификации состоит в том, что она служит обеспечению единства и полноты законодательства, создает внутреннюю согласованность его, стабильность законов и удобство их использования и применения на практике, и что, таким образом, кодификация выступает в качестве важного условия осуществления социа-

³ См. «Социалистическая законность», 1957, № 5, Передовая «Работу по кодификации советского законодательства — на уровень новых задач», стр. 1; А. Круглов, Расширение прав союзных республик в области законодательства, «Социалистическая законность», 1957, № 7, стр. 5.

⁴ См. В. Чиквадзе, Вопросы кодификации советского законодательства в работе VI сессии Верховного Совета СССР. «Советское государство и право», 1957, № 3, стр. 15.

листической законности⁵. Осуществление этой чрезвычайно важной и ответственной задачи требует большого труда и повышения юридической культуры в работе всех звеньев государственного аппарата. Если в 1922 году В. И. Ленин в своей речи по поводу обсуждения проекта гражданского кодекса считал нужным подчеркнуть, что «при той политике, которую мы ведем твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний, этот вопрос для широкой массы населения самый важный»⁶, то и поныне — в 1958 году, при создании новых гражданских кодексов, по-прежнему ценны и верны слова В. И. Ленина, что для широких масс населения сегодняшнего дня этот вопрос также является самым важным.

Поскольку содержание социалистического законодательства всецело определялось и определяется задачами коммунистического строительства⁷, вполне правилен вывод, что во время глубочайшего развития науки, ее широкого внедрения во все стороны жизни и быта народа, во все стороны государственной деятельности, необходима высокая научная обоснованность законопроекта, его высокое теоретическое совершенствование. Законодательная работа является не только одним из высших критериев состояния юридической науки, но и одним из важнейших стимулов дальнейшего развития теории советского права. Вполне уместно требование, чтобы ученые-юристы и другие работники теоретического фронта смелее ставили и более глубоко теоретически обосновали решение вопросов, связанных с подготовкой новых законопроектов⁸. Правильное решение вопроса о кодификации требует и точнейшего соблюдения законодательной техники, так как резкой границы между законодательной техникой и наукой права нет и не может быть. Законодательная техника основана на науке права и правовая наука входит в законодательную технику как неотъемлемый от нее элемент⁹.

⁵ См. *О. С. Иоффе и М. О. Шаргородский*, Сорок лет советского социалистического права и задачи его кодификации. «Тезисы докладов межвузовского научного совещания». «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки», Л., 1957, стр. 7—8.

⁶ *В. И. Ленин*, «Речь на IV Сессии ВЦИК IX созыва», Соч., т. 33, изд. 4-е, стр. 356.

⁷ См. «Коммунист», 1957, № 3, Передовая «Знаменательная веха в укреплении СССР», стр. 9.

⁸ См. *С. Г. Новиков*, Вопросы организации работы Комиссии законодательных предположений Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Известия высших учебных заведений, «Правоведение», 1957, № 1, стр. 23—24.

⁹ См. *И. Л. Брауде*, Вопросы законодательной техники. «Советское государство и право», 1957, № 8, стр. 56.

1957 год отмечен в развитии советской юридической мысли тем, что в нем имели место — притом во всесоюзном масштабе — три научных совещания. Если пальма первенства по созыву первого из них принадлежит Всесоюзному Институту Юридических Наук в Москве, то нужно воздать должное Министерству Высшего Образования СССР за организацию межвузовского научного совещания в марте 1957 года, посвященного вопросам социалистической законности и задачам советской юридической науки, и за организацию межвузовского научного совещания в декабре 1957 года в Ленинграде, посвященного 40-летию советского государства и права и развития правовой науки. На всех трех научных совещаниях вопросы кодификации занимали видное место.

Правильное решение вопроса кодификации гражданского законодательства зависит, главным образом, от решения двух проблем: системы самого кодекса и соотношения между нормами общесоюзного и нормами республиканского законодательства.

II.

В отношении системы кодекса следует, прежде всего, указать на его теснейшую связь с системой самого права.

Поскольку гражданский кодекс есть кодекс законов, относящихся к системе самого гражданского права, от нового кодекса мы и вправе ожидать и требовать, чтобы он соответствовал и выражал в нормах систему гражданского права в действии. Если про ныне действующий ГК мы вправе сказать, что он уже самой системы действующего советского гражданского права, то такой недостаток не должен быть присущим новому гражданскому кодексу, тем более, что новый гражданский кодекс должен иметь стабильный характер, поскольку он, в известной степени, должен быть кодексом не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

Если про проведенную в 1939 и в 1940 годах дискуссию о системе советского социалистического права, в которой главное внимание было уделено вопросу о предмете гражданского права, можно сказать, что эта дискуссия «не привела к единой общепризнанной точке зрения по этому вопросу»¹⁰, то приходится и в 1958 году констатировать, что на этот счет нет единства и поныне.

¹⁰ Р. О. Халфина, О предмете советского гражданского права. «Советское государство и право», 1954, № 8, стр. 82.

Вряд ли можно согласиться с таким утверждением, что «система права не зависит от усмотрения законодателя и законодательных традиций, от характера научных воззрений и других аналогичных факторов; она представляет собой одну из объективных закономерностей, характеризующих исторически определенный тип права»¹¹. Более убедительным представляется вывод, что «Система права, как и содержание отдельных ее отраслей меняется в зависимости от изменения общественных отношений, обусловленных производственными отношениями данного общества»¹². Несомненно, при изменении системы права известную роль играет и усмотрение законодателя: те цели, которые он перед собой ставит, далее — законодательные традиции, и не последнее место принадлежит характеру научных воззрений данной эпохи.

Обращаясь непосредственно к вопросу об определении системы советского гражданского права, мы встречаемся с большим разнообразием выводов. Редакция журнала «Советское государство и право», подводя итоги дискуссии о предмете советского гражданского права, пришла к выводу, что «Определение предмета советского гражданского права является одним из наиболее сложных вопросов нашей правовой науки, постоянно привлекающим к себе внимание советских цивилистов»¹³. Более того, по-прежнему в редакцию журнала «Советское государство и право» продолжают поступать статьи, заметки и письма, связанные с дискуссией о системе советского социалистического права, в том числе и гражданского¹⁴.

Всякая наука о данной отрасли права должна изучать закономерности, присущие только этой отрасли права¹⁵.

Общепринятым считается определение советского гражданского права, как совокупности норм, регулирующих имущественные и связанные с ними личные неимущественные правоотношения: а) между социалистическими организациями; б) между социалистическими организациями и гражданами; в) между гражданами.

Анализируя относящиеся к советскому гражданскому праву

¹¹ С. С. Алексеев, О теоретических основах классификации отраслей советского права. «Советское государство и право», 1957, № 7, стр. 99.

¹² Д. М. Генкин, К вопросу о системе советского социалистического права. «Советское государство и право», 1956, № 9, стр. 81.

¹³ «Советское государство и право», 1955, № 5, Редакционная статья «О предмете советского гражданского права» (К итогам дискуссии), стр. 51.

¹⁴ «Советское государство и право», 1958, № 1, «О системе советского социалистического права (Обзор)», стр. 101.

¹⁵ См. Л. И. Дембо, О принципах построения системы права. «Советское государство и право», 1956, № 8, стр. 92.

правоотношения, все же необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что советское гражданское право регулирует как имущественные, так и личные неимущественные правоотношения, причем последние отнюдь нельзя рассматривать лишь как производные от имущественных отношений.

Если мы обратимся к двум таким разделам советского гражданского права как авторское право и изобретательское право, то следует сказать, что советское гражданское право с полным основанием может гордиться ими, как самостоятельными разделами во всей системе. Ни в авторском, ни в изобретательском праве мы не можем не подчеркнуть главенствующую значимость личных неимущественных правоотношений. Кто станет утверждать, что советский писатель, например, как автор своих произведений, является субъектом правоотношения потому, что в первую очередь его интересуют имущественные отношения! Такой же упрек нельзя отнести и по адресу советского автора изобретения, технического усовершенствования или рационализаторского предложения.

Совершенно правильно подчеркивается, что личные права автора служат индивидуализации результатов его труда¹⁶. Правда, в литературе встречается указание, согласно которому имущественные права автора не являются производными из его личных неимущественных прав. Так, В. И. Серебровский находит, что «каждое принадлежащее автору право (правомочие) призвано в той или иной мере, в большей или меньшей степени, охранять как его имущественные, так и неимущественные интересы»¹⁷. Но далее — В. И. Серебровский, полемизируя с Б. С. Мартыновым и Е. А. Флейшиц относительно того, что примарными являются личные права автора, указывает, что «сначала автор решает вопрос, созрело ли его произведение для того, чтобы можно было передать его на суд общества, и сделать ли это от собственного имени или выступить под псевдонимом или анонимно. Затем автор приступает к изданию или иному виду опубликования произведения, с чем связывается непосредственное получение «материальной выгоды». В итоге В. И. Серебровский приходит к выводу, что «принятое в советской юридической литературе резкое разграничение личных и имущественных прав автора не подтверждаются практикой реализации авторских прав»¹⁸.

¹⁶ См. М. В. Гордон, Советское авторское право. М., 1955, стр. 16.

¹⁷ В. И. Серебровский, Вопросы советского авторского права, М., 1956, стр. 101.

¹⁸ В. И. Серебровский, Вопросы советского авторского права, М., 1956, стр. 107.

Главенствующее значение личных неимущественных правоотношений так или иначе заключается и в сказанном В. И. Серебровским, что «с н а ч а л а» автор и создает и решает вопрос о дальнейшей судьбе своего произведения и только «з а т е м» он придает реализации своего произведения характер имущественных правоотношений.

Также и то большое внимание, которое уделяется деятельности по развитию советской социалистической культуры¹⁹, имеет своим объектом, в первую очередь, личные неимущественные правоотношения автора, из которых имущественные правоотношения являются лишь производными.

Но и помимо авторского и изобретательского права — разве личные неимущественные права советского гражданина, его права на имя, честь, достоинство не являются объектом советского гражданского права?

Более того, разве в институте производственной марки или товарного знака, что относится к области юридических лиц — государственных предприятий, — также не коренятся в достаточной степени элементы личных неимущественных правоотношений?

Совокупность личных неимущественных прав столь значительна, что это никоим образом нельзя оставлять вне поля зрения при кодификации гражданского законодательства.

В настоящее время в печати встречается ряд выступлений, указывающих на значимость личных неимущественных правоотношений. Так, совершенно правильно В. И. Корецкий отмечает, что «Нельзя согласиться с теми высказываниями, в свое время опубликованными в печати, которые ограничивали предмет советского гражданского права только имущественными отношениями»²⁰.

Вывод поэтому может быть лишь один, что советское гражданское право регулирует как имущественные, так и личные неимущественные правоотношения, и последние отнюдь не являются производными из первых. Таковой вывод облегчает, являясь руководящим критерием, дальнейшую систематику гражданско-правовых институтов.

Памятуя этот вывод, остается решить вопрос, какова специфика тех имущественных и личных неимущественных право-

¹⁹ См. *Н. С. Хрущев*, За тесную связь литературы и искусства с жизнью. «Коммунист», 1957, № 12, стр. 1.

²⁰ *В. И. Корецкий*, Вопросы системы гражданского кодекса Таджикской ССР. Труды юридического факультета Таджикского государственного университета, выпуск 7, том IV, «Вопросы кодификации законодательства Таджикской ССР», стр. 28.

отношений, которые в своей совокупности через гражданско-правовые институты составляют систему советского гражданского права.

Как в итогах дискуссии, открытой на страницах журнала «Советское государство и право» о предмете советского гражданского права, так и на научных совещаниях, имевших место в 1957 году, можно считать установленным то положение, что, как это отметил С. Н. Братусь, подавляющее большинство советских цивилистов пришло к тому выводу, что гражданско-правовые нормы регулируют такие имущественные отношения, участники которых находятся в равном по отношению друг к другу положении²¹. Эта точка зрения С. Н. Братусем развита и в ряде других его трудов.

Равенство участников гражданско-правового отношения подчеркивает в своих трудах ряд цивилистов. Так, Д. М. Генкин отмечает, что «Для гражданского права в основном характерно равноправное положение сторон правоотношения, когда ни одна из сторон не подчинена другой, ни одна из сторон не имеет властных правомочий в отношении другой стороны»²².

Правда, признак равноправия подвергается и оспариванию. Так, Г. И. Петров указывает, что «Признак равноправия сторон не специфичен для имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, ибо многие имущественные отношения, регулируемые иными отраслями права, также обладают этим признаком»²³. Но в таковом возражении вряд ли учтена оговорка, сделанная ранее также Д. М. Генкиным, что «установливая критерий для определения предмета советского гражданского права, необходимо отметить, что при этом мы исходим из основных черт, характеризующих гражданское право, памятуя, что никакое определение не может охватить полностью всех явлений»²⁴.

Ю. К. Толстой подчеркивает, что равенство участников получает свое юридическое выражение «в равноправии субъектов гражданских правоотношений, как в специфическом ме-

---

²¹ См. С. Н. Братусь, О кодификации республиканского гражданского законодательства. Доклад ВИЮН «Научная сессия, посвященная вопросам кодификации советского республиканского законодательства, М., 1957, стр. 53.

²² Д. М. Генкин, Предмет советского гражданского права. «Советское государство и право», 1955, № 1, стр. 104.

²³ Г. И. Петров, Место административного права в системе советского права. «Советское государство и право», 1957, № 1, стр. 97.

²⁴ Д. М. Генкин, Предмет советского гражданского права. «Советское государство и право», 1955, № 1, стр. 108.

тоде правового регулирования». И далее: особенно важно отметить, что метод равноправия, во-первых, специфичен для гражданско-правового регулирования; во-вторых, универсален: общественные отношения, составляющие предмет гражданского права, никаким другим методом регулироваться не могут». Соответственно этому советское гражданское право Ю. К. Толстой определяет как совокупность норм, регулирующих на началах равноправия имущественные и личные неимущественные отношения равностоящих, не подчиненных друг другу субъектов, характеризуя гражданско-правовые отношения как обусловленные действием закона стоимости при социализме и закона распределения по труду²⁵.

III.

Структура системы советского гражданского права требует расчленения ее на соответствующие главные разделы. Эти разделы уже предусмотрены в проектах Основ гражданского законодательства СССР. Так, и последний проект Основных начал гражданского законодательства СССР, созданный в конце 1957 года, предусматривает следующие разделы:

- I. Общая часть.
- II. Право собственности.
- III. Обязательственное право.
- IV. Авторское право.
- V. Изобретательское право.
- VI. Наследственное право.

Семейному праву самостоятельного раздела в системе гражданского права не предусмотрено, так как его кодифицирование ведется отдельно.

В течение долгого времени семейное право трактовалось, как один из разделов советского гражданского права. Указывалось, что советское социалистическое семейное право является органической частью советского социалистического гражданского права²⁶.

Преподавание семейного права долгое время велось, да и в ряде вузов ведется еще в качестве раздела курса советского гражданского права. Лишь начиная с 1949 г. Министерство Высшего Образования СССР включило в учебные планы юри-

---

²⁵ Ю. К. Толстой, О теоретических основах кодификации гражданского законодательства. Известия высших учебных заведений, «Правоведение», 1957, № 1, стр. 43.

²⁶ См. ВИЮН, Гражданское право, ч. II. М., 1937, стр. 417.

дических факультетов университетов преподавание советского семейного права в качестве самостоятельной правовой дисциплины. Однако то же Министерство Высшего Образования по сию же пору продолжает издавать учебные программы курса советского гражданского права, в которых семейное право значится лишь темой советского гражданского права.

В юридической литературе главенствует тенденция, что семейное право есть самостоятельная отрасль советского социалистического права. Так, Г. М. Свердлов подчеркивает, что «в Советском государстве отдельное от гражданского права существование семейного права носит принципиальный характер. Предметом гражданского права являются, главным образом, имущественные отношения. Предметом же семейного права являются отношения другого рода — отношения, вытекающие из брака, родства, усыновления, принятия детей на воспитание. В области социалистических семейных отношений имущественные отношения хотя и имеют известное значение, но не они являются главными и основными...»²⁷. Но далее Г. М. Свердлов отмечает: «Тот факт, что советское семейное право представляет собой отдельную от гражданского права отрасль социалистического права, не означает однако, что никакие нормы советского гражданского права вообще не применимы к семейным отношениям. Такой вывод был бы неправильным. Некоторые нормы и положения советского гражданского права применимы и к брачно-семейным отношениям»²⁸.

Однако, по мнению Г. М. Свердлова, применяемые гражданско-правовые нормы относятся, главным образом, к семейным имущественным отношениям и — почему-то — не имеют большого распространения. Другое дело — гражданско-правовые нормы из наследственного права. В отношении этих норм Г. М. Свердлов находит, что «очень тесно соприкасается семейное право с правом наследования, с той частью гражданского права, которая регулирует переход имущества» в случае смерти его собственника. «В социалистическом обществе право наследования, как способ распоряжения личной собственностью, служит в значительной мере целям укрепления семьи, укрепления семейных связей. Это получает свое выражение в трех важнейших чертах, характеризующих наше наследственное законодательство: 1) в ограничении основного круга лиц, призываемых к наследованию по закону, принадлежностью к семье (дети, в том числе усыновленные, пережив-

²⁷ Г. М. Свердлов, Советское семейное право, М., 1951, стр. 17.

²⁸ Там же, стр. 18.

ший супруг, родители, внуки и правнуки, братья и сестры); 2) в невозможности при наличии наследников по закону завещать имущество кому бы то ни было (исключая государственные органы и общественные организации), кроме наследников по закону, и 3) в запрещении лишать наследства по завещанию несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников.

Тесная связь наследственного права с семейным выражается, в частности, и в том, что как законы о наследовании широко оперируют понятиями из области семейных отношений, так и в семейно-брачном законодательстве мы встречаем положения, относящиеся к наследственному праву»²⁹.

Далее Г. М. Свердлов отмечает, что семейное право близко соприкасается с институтом опеки и попечительства, и совершенно правильно подчеркивает, что институт опеки и попечительства в целом охватывает собой более широкий круг отношений, так как опека и попечительство учреждаются не только в связи с семейными отношениями, но и в связи с такими обстоятельствами, как безвестное отсутствие лица, объявление его умершим, наличие болезни. Отсюда Г. М. Свердлов делает вывод: «Все это приводит к тому, что институт опеки и попечительства в целом рассматривается наукой гражданского права (в связи с вопросом о дееспособности физического лица). В семейном же праве вопросы опеки и попечительства рассматриваются лишь в той мере, в какой они касаются детей в семье».

Относительно актов гражданского состояния Г. М. Свердлов указывает, что вопрос семейного права находится в тесной связи с вопросами регистрации актов гражданского состояния. «Но нормы советского права, посвященные актам гражданского состояния, регулируют более широкий круг вопросов, чем тот, который касается семьи. Актами гражданского состояния определяются не только семейное состояние гражданина, но и его возраст, перемена имени и фамилии; актами гражданского состояния фиксируется смерть человека. Всё это такие факты и обстоятельства, которые характеризуют статус физического лица безотносительно к его семейному положению.

Вопрос об актах гражданского состояния в целом рассматривается поэтому в науке гражданского права (в учении о физическом лице)»³⁰.

---

²⁹ Там же, стр. 19.

³⁰ Там же, стр. 20.

К выводам Г. М. Свердлова в отношении теснейшей связи семейного права с наследованием, как гражданско-правовым институтом, с тем, что опека и попечительство действительно являются гражданско-правовым институтом в первую очередь, и что правовое регулирование актов гражданского состояния также в целом должно быть отнесено к советскому гражданскому праву, — остается только присоединиться.

Как уже было отмечено выше, советское гражданское право призвано регулировать не в меньшей степени личные неимущественные правоотношения, чем имущественные. Исходя из такого основного положения, не является оправданным изъятие семейного права из гражданского права.

На теснейшую связь семейного права с наследованием по закону указал уже К. Маркс, обозначив право наследования без завещания семейным правом наследования³¹.

Возражая против объединенного в одном кодексе регламентирования этих разделов, отмечается, что «наследственное право ближе к институту личной собственности, чем к семейному праву, что институт права личной собственности, бесспорно, гражданско-правовой институт. Поэтому наследственное право должно остаться в гражданском кодексе»³². Но при этом забывается, что личная раздельная собственность, равно и совместная собственность супругов тоже относятся к институту права личной собственности, стало быть, к «бесспорно, гражданско-правовому институту». Что же, в конце концов, чаще всего наследуют супруги, как не личную собственность умершего супруга? Или же, если супруги стали родителями, то их личная собственность по наследованию переходит к их детям, становясь объектом наследования.

Что же касается опеки и попечительства, то, в частности, А. И. Пергамент даже находит, что «в СССР опека и попечительство давно утратили характер гражданско-правового института, целью которого являлось, в первую очередь, обеспечение охраны имущественных интересов подопечных»³³.

Вряд ли столь категорически можно квалифицировать гражданско-правовой институт опеки и попечительства, как

---

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, ч. 1, стр. 338.

³² С. М. Братусь, Заключительное слово, ВИЮН, Научная сессия, посвященная вопросам кодификации советского республиканского законодательства, стр. 159; А. И. Пергамент, Заключительное слово, там же, стр. 166.

³³ А. И. Пергамент, К проекту кодекса законов РСФСР о браке и семье. «Советская юстиция», 1957, № 4, стр. 36.

угасающий и значение теряющий. Не будет ли правильнее придти к выводу, что в сфере советского гражданского права он нуждается в значительно большем практическом применении, как заменяющий и восполняющий дееспособность таким субъектам гражданского права, которые обладают одной лишь правоспособностью или неполной дееспособностью, да и не имеют других членов семьи.

Вполне справедливо указание С. И. Вильнянского, что нет никаких оснований исключать из гражданского права семейное право³⁴.

Ведь гражданский кодекс адресован, в первую очередь, гражданину. Он ищет в нем ответы на все вопросы его правового статуса, он будет в нем находить таковые, например, по наследственному праву, из норм которого он легко усмотрит и тесную связь наследственного права с его собственным семейным положением. Почему же ему отказать в этом кодексе в ответах по семейному праву, почему и в силу чего отсылать его к другому кодексу?

Если обратиться и к вопросу воспитания, если посмотреть на проблему воспитания через призму гражданского права, то разве воспитание есть что-нибудь другое, как не развитие дееспособности подрастающего поколения? Поскольку дееспособность зиждется на созревшем и окрепшем волеизъявлении, развитие этого волеизъявления и есть сущность того воспитания, в результате которого из молодого человека образуется полезный член социалистического общества и строитель коммунизма.

Монолитность всей архитектоники кодификации значительно выиграла бы от включения семейного права в качестве раздела в систему советского гражданского права. То, что Советское социалистическое государство и его революционное законодательство уже в 1918 году создало семейный кодекс — первый социалистический кодекс, — объясняется тем, что новое социалистическое право не могло мириться с реакционными архаичными нормами прежнего законодательства. Но это вовсе не означает, что семейное право чуждо гражданскому праву. Поэтому дуализм в регламентировании законодательством правовых позиций советского гражданина как гражданина и как члена семьи — вряд ли правилен и необходим.

---

³⁴ С. И. Вильнянский, К вопросу о системе советского права. «Советское государство и право», 1957, № 1, стр. 107.

Проблему соотношения общественного и республиканского законодательства полезнее всего проследить и проверить, обращаясь к проекту основ гражданского законодательства СССР. Выработанный в конце 1957 года новейший проект Основных начал гражданского законодательства СССР отличается от предшествовавшего меньшим количеством статей. Создается впечатление, будто республиканскому законодательству при составлении проекта гражданского кодекса отведено еще большее место, чем в предыдущем проекте.

Вынося на обсуждение Верховного Совета СССР вопрос о разграничении законодательства, Председатель Комиссии законодательных предположений Совета Национальностей М. А. Гедвилас в своем докладе Верховному Совету указал, что Союз ССР устанавливает общесоюзные основы гражданского законодательства; союзные республики в соответствии с этими основами принимают республиканский гражданский кодекс.

В частности, М. А. Гедвилас подчеркнул, что «не может быть и не должно быть в различных союзных республиках различного понимания наказания и его цели. Не могут по-разному в союзных республиках решаться вопросы об ответственности за воинские преступления и т. д. В гражданском праве не могут по-разному разрешаться коренные вопросы пользования государственной собственностью, поскольку она согласно Конституции СССР является всенародным достоянием.» Такое же указание М. А. Гедвилас дал и в отношении расчетно-кредитных отношений и перевозок железнодорожного, водного и воздушного транспорта³⁵.

В печати указывалось, что исключительно важное значение имеет правильное решение вопроса о разграничении полномочий СССР и союзных республик в области законодательства³⁶, что это соотношение должно отвечать требованиям социалистического строительства³⁷.

Как уже было отмечено, структура основных начал гражд-

³⁵ «Правда» № 41 от 10 февраля 1957 г., стр. 3.

³⁶ В. Н. Суходрев, Систематизация законодательства СССР и союзных республик — дело государственного значения. «Советское государство и право», 1957, № 9, стр. 83.

³⁷ Е. А. Флейшиц, ВИЮН, Научная сессия, посвященная вопросам кодификации советского республиканского законодательства, М., 1957, стр. 115.

данского законодательства СССР предопределяет и структуру республиканских гражданских кодексов.

В этом отношении по поводу 1 раздела Общей части Основных начал следует лишь отметить, что 1 глава «Общие положения» в вводной статье по-прежнему трактует, что «Советское гражданское законодательство регулирует имущественные и связанные с ними неимущественные отношения», низводя личные неимущественные отношения на ступень производных лишь от имущественных.

В разделе II «Право собственности» правильно дана норма, трактующая об обеих формах социалистической собственности. В этом отношении действительно необходимо, чтобы этот институт одинаково был регламентирован во всех союзных республиках, так как, в особенности, роль государственной социалистической собственности исключительно велика. Но при этом нельзя не обратить внимания на то, что проект Основных начал уголовного законодательства СССР, к сожалению, не знает общесоюзной нормы, охраняющей от посягательств на социалистическую собственность. Там, в проекте Основных начал уголовного законодательства СССР, унифицирование норм соблюдено лишь в отношении государственных и воинских преступлений. Представляется необходимым, во всяком случае, государственную социалистическую собственность охранять от посягательств также при помощи Основных начал уголовного законодательства, так как в противном случае неунифицированные в этом отношении нормы могли бы привести к увеличению нарушений права государственной социалистической собственности.

В отношении III раздела «Обязательственное право» следует отметить, что среди глав о конкретных договорах и обязательственно-правовых институтах в Основных началах все же отсутствует ряд глав о существенных конкретных договорах. В печати указывалось, что в «Основы» должны быть включены также принципиальные статьи, относящиеся ко всем важнейшим институтам гражданского права»³⁸.

В свое время на необходимость включения в будущем ГК СССР всех конкретных правовых институтов указал и А. В. Венедиктов³⁹. Этот принцип оказался в Основных началах несоблюденным; нет, например, норм о договоре хранения,

³⁸ См. И. Б. Новицкий, Соотношение союзного и республиканского законодательства. Тезисы: «Социалистическая законность и задачи советской юридической науки», М., 1957, стр. 10.

³⁹ А. В. Венедиктов, О системе гражданского кодекса СССР. «Советское государство и право», 1954, № 2, стр. 27.

о безвозмездном пользовании имуществом, о займе и об обязательствах из получения неждолжного.

Поскольку все эти институты, несомненно, являются гражданско-правовыми, нет и оснований не давать им общесоюзного фундамента в виде нормы.

В отношении некоторых конкретных договоров общесоюзная норма ставит одну договаривающуюся сторону в более привилегированное положение. Так, например, в отношении договора государственной закупки и договора контрактации сельскохозяйственной продукции мало учтено то, что встречающаяся продажа промышленных товаров колхозу является существенным его правом, из этого договора вытекающим. Однако Основные начала в обоих договорах предусматривают, что на заготовителя лишь «может быть также возложена обязанность обеспечить встречную продажу товаров». В печати уже было отмечено, что ни заготовительные органы, ни организации потребительской кооперации не несут никакой ответственности в случае невыполнения этого обязательства и что необходимо предусмотреть материальную ответственность перед колхозом за невыполнение подобных обязательств⁴⁰. Закрепить ныне существующий порядок безответственности за невыполнение своих обязательств вряд ли признаны Основные начала гражданского законодательства.

В отношении договора поставки, договора подряда на строительство центр тяжести прав и обязанностей договаривающихся сторон до сих пор сосредоточен в подзаконных актах, в Основных и Особых условиях.

В печати правильно указывалось, что необходимо в кодификации решить вопрос об установлении критерия относительно того, что следует регулировать в порядке законодательном и что — в порядке подзаконных актов⁴¹.

Нормы об этих договорах, также как и нормы, посвященные расчетно-кредитным отношениям и договору перевозки, заканчиваются ссылкой на акты, устанавливаемые Советом Министров СССР, или же на типовые договора или уставы. В таком случае по сути дела заключительной статьей и исчерпывается гражданско-правовое регулирование, и ряд норм об этих договорах становится излишним не только в кодексах, но и в Основах.

⁴⁰ См. Б. С. Лисковец, Договор государственной закупки. «Советское государство и право», 1954, № 2, стр. 51.

⁴¹ См. В. А. Туманов, ВИЮН, Научная сессия, посвященная вопросам кодификации советского республиканского законодательства, М., 1957, стр. 151.

V раздел «Авторское право» заканчивается нормой, отводящей место и республиканскому законодательству.

VI раздел «Изобретательское право» не предусматривает в этом отношении ничего для республиканского законодательства, ограничиваясь в этом институте лишь общесоюзными нормами.

В этом отношении справедливо указывается, что нет оснований здесь обойти республиканское законодательство. «На проходивших совещаниях по вопросам кодификации высказывались мнения относительно необходимости включения в гражданский кодекс авторского права и оставления за пределами данного кодекса изобретательского права, мотивируя это тем, что последнее лучше будет регулировать в общесоюзном законодательстве.

С нашей точки зрения такое решение вопроса о месте авторского и изобретательского права в гражданском законодательстве является противоречивым. Почему один вид отношений, связанных с творческой деятельностью (отношений авторского права) будет регулироваться в республиканском, а другой вид аналогичных отношений (отношений изобретательского права) — в союзном законодательстве? Отвечая на этот вопрос, обычно указывают на сложившуюся практику регулирования, на то, что изобретательское право связано с технической стороной жизни общества, с техникой, требующей распространения в масштабе всей страны»⁴².

Нужно сказать, что технические трудности поддаются устранению. Равным образом, то, что имеется общесоюзный центр, выдающий, например, изобретателю авторское свидетельство, не может быть препятствием для того, чтобы в республиканском масштабе развивалось законодательство, поощряющее изобретения, технические усовершенствования или рационализаторские предложения. В этом отношении не может быть принципиальных препятствий в республиканском регулировании изобретательского права по сравнению с авторским.

В отношении VI раздела «Наследственное право» последний проект основных начал совершенно правильно включил родителей в качестве наследников по закону, независимо от их трудоспособности. Но, казалось бы, прошедшее после 14 марта 1945 года время, когда братья и сестры стали наследниками по закону, вполне достаточно, чтобы их таковыми

---

⁴² О. А. Красавчиков, Вопросы системы особенной части ГК РСФСР. «Вопросы кодификации советского законодательства». Свердловск, 1957, стр. 129—130.

почитать и в общесоюзных нормах. Вряд ли есть основание допускать мысль, что какая-либо союзная республика предпочла бы эту категорию близких родственников исключить из числа наследников по закону.

Основные начала предусматривают также некоторые коллизийные нормы. Нужно все же сказать, что их число и содержание потребуются значительно большее при развитии республиканском законодательстве. Но, в конечном итоге, этот отдел Общей части Основных начал можно отредактировать лишь после того, как будут созданы республиканские гражданские кодексы.

Прошло уже более года после принятия Верховным Советом СССР Закона 11-го февраля 1957 г. «О союзном и республиканском законодательстве». Выполнение этого закона вызвало развернутую работу по кодификации как в центре, так и в союзных республиках.

Завершение этой работы и ее результаты в высокой степени зависят от построения и содержания Основных начал гражданского законодательства СССР.

Доцент Артур Лиёде
Кандидат юридических наук.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ РАЗРАБОТКИ УПК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

После полутора лет кропотливого труда закончен первоначальный вариант проекта Уголовно-процессуального Кодекса Латвийской ССР. Вполне понятно, что до завершения разработки и редактирования проекта, желательно узнать мнение юридической общественности, работников суда, прокуратуры, адвокатуры Латвийской ССР и других республик по отдельным более или менее спорным вопросам нового уголовно-процессуального законодательства. Поэтому целью данной статьи является ознакомление читателей Ученых Записок ЛГУ с системой, отдельными институтами и статьями проекта УПК Латвийской ССР в разрезе отличий от ныне на территории Латвии действующего УПК РСФСР.

Прежде всего нужно отметить, что проект Уголовно-процессуального кодекса Латвийской ССР можно пока рассматривать лишь как первоначальный вариант, ибо до сих пор еще не принят общесоюзный закон — Основы уголовного судопроизводства СССР, — долженствующий стать прочным фундаментом Кодекса.

Составители рассматриваемого проекта руководствовались теми основными положениями, которые были выражены в последнем проекте Основ уголовного судопроизводства СССР (1958 год), полагая, что изменение этих основных начал в дальнейшем может иметь место лишь в узких границах.

Составители проекта далее руководствовались теми правилами на территории Латвии действующего УПК РСФСР, которые выдержали испытание времени и должны быть признаны вполне соответствующими требованиям сегодняшнего дня и ближайшего будущего. Учитывалось требование дальнейшего укрепления советской социалистической законности

и расширения и укрепления правовых гарантий личности в уголовном процессе.

По всем вопросам проекта учтены соображения не только общесоюзной, но и местной судебной и прокурорско-следственной практики.

При создании УПК Латвийской ССР было признано целесообразным в качестве опыта кодификационной работы учитывать проект нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (1957 г.). Однако ряд вопросов в проекте УПК ЛССР получил иное решение. Это относится как к системе кодекса, так и отдельным процессуальным институтам и нормам.

Система проекта УПК Латвийской ССР в основном сохраняет построение действующего на территории Латвийской ССР УПК РСФСР, сообразуя правила судопроизводства применительно к судебной системе, действующей на территории Латвии.

Сохраняются два вида предварительного расследования: дознание и предварительное следствие.

В отличие от действующего УПК, для судебного рассмотрения уголовных дел предусмотрен единый процессуальный порядок во всех судах первой инстанции.

Это значительно упрощает построение кодекса, однако проект не приводит к созданию абсолютно единого порядка производства, ввиду сохранения института частного обвинения, установления некоторых новых правил производства по делам несовершеннолетних, регламентирования особой процедуры по применению принудительных мер медицинского характера и создания особого порядка рассмотрения дел о мелких несложных преступлениях, не требующих предварительного расследования. В целях упрощения основных разделов кодекса и внесения большей ясности и полноты в эти виды производства, составители проекта решили выделить их в особый раздел, назвав «особыми производствами».

Таким образом в системе УПК ЛССР появляется раздел, в котором регулируются четыре вида особого производства: 1) производство по делам несовершеннолетних, 2) производство по делам частного обвинения, 3) производство по применению принудительных мер медицинского характера и 4) производство по делам о мелких несложных преступлениях, не требующих предварительного расследования.

Итого в первоначальном варианте проекта кодекса 8 разделов, 35 глав, 459 статей.

Система проекта имеет следующий вид:

Раздел первый — Основные начала и общие положения. (гл. I. Основные начала, гл. II — Общие положения, гл. III — Подсудность, гл. IV — О составе суда, сторонах, отводах и потерпевшем, гл. V — О доказательствах, гл. VI — Меры пресечения, гл. VII — О протоколах, гл. VIII — О сроках и судебных издержках).

Раздел второй — Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. (гл. IX — Возбуждение производства по уголовному делу, гл. X — Дознание, гл. XI — Общие условия предварительного следствия, гл. XII — Предъявление обвинения и допрос обвиняемого, гл. XIII — Допрос свидетелей, гл. XIV — Очная ставка и предъявление для опознания, гл. XV — Выемка, обыск, опись имущества, гл. XVI — Осмотр и освидетельствование, гл. XVII — Производство экспертизы, гл. XVIII — Приостановление и окончание предварительного следствия, гл. XIX — Действия прокурора по делу, поступившему от следователя с обвинительным заключением, гл. XX — Обжалование действий следователя и прокурора).

Раздел третий — Предание суду. (гл. XXI — Разрешение вопроса о предании обвиняемого суду и подготовительные действия к судебному заседанию).

Раздел четвертый — Производство в суде первой инстанции. (гл. XXII — Общие условия судебного разбирательства, гл. XXIII — Подготовительные действия суда, гл. XXIV — Судебное следствие, гл. XXV — Судебные прения и последнее слово подсудимого, гл. XXVI — Постановление приговора).

Раздел пятый — Производство в суде второй инстанции. (гл. XXVII — Обжалование и опротестование приговоров и определений, не вступивших в законную силу, гл. XXVIII — Кассационное производство).

Раздел шестой — Исполнение приговора. (гл. XXIX — Исполнение приговора).

Раздел седьмой — Пересмотр приговора и определений, вступивших в законную силу. (гл. XXX — Производство в порядке надзора, гл. XXXI — Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам).

Раздел восьмой — Особые производства. (гл. XXXII — Производство по делам несовершеннолетних,

гл. XXXIII — Производство по делам частного обвинения, гл. XXXIV — Производство по применению принудительных мер медицинского характера, гл. XXXV — Производство по делам о мелких несложных преступлениях, не требующих предварительного расследования).

Первый раздел проекта в первых двух главах регламентирует основные начала и общие положения судопроизводства.

Одним из первых вопросов, которые следовало решить, излагая основные начала судопроизводства в проекте УПК ЛССР, был вопрос о соотношении текстов основных начал с текстами проекта Основ уголовного судопроизводства СССР. Считая нецелесообразным буквальное повторение положений, выраженных в «Основах», все же было признано правильным не только руководствоваться «Основами», но принципы и правила, закрепленные в этом общесоюзном законодательном акте, непосредственно выражать в соответствующих разделах и главах проекта. Поэтому все положения проекта «Основ», в том или ином словосочетании, нашли место и в проекте УПК ЛССР.

Что касается выше названных основных начал, проект не пошел по пути воспроизведения лишь принципов текстуально указанных в Конституции (так называемых конституционных основ советского уголовного процесса). Проект не повторяет буквально и текстов проекта Основ уголовного судопроизводства СССР или «Основных начал» проекта УПК РСФСР.

Важнейшие отличия следующие.

Особо указано на воспитательную цель уголовного процесса. Сказано, что уголовный процесс имеет своей целью избличение, обоснованное и справедливое наказание лиц, совершивших преступление, ограждение невиновных от обвинения, предупреждение преступлений, перевоспитание лиц, совершивших преступление, и воспитание граждан в духе советского социалистического правосознания.

Воспитательная цель судопроизводства подчеркивается и в ряде статей других разделов кодекса.

Среди принципов уголовного процесса, непосредственно закрепленных в проекте¹, особо указывается на презумпцию невиновности.

---

¹ Принцип охраны неприкосновенности личности в уголовном процессе (ст. 3);

Этот до последнего времени спорный в нашей литературе вопрос проект решает следующим образом: «Обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет установлена судебным приговором, вступившим в законную силу.

Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность».
(ст. 2 — Презумпция невиновности).

Конечно, составители проекта поступили правильно, не скрывая презумпцию невиновности под производными вывесками, как это имеет место в проекте УПК РСФСР, где презумпция невиновности выражена как «Обеспечение обвиняемому права на защиту». Однако нельзя признать правильным и такое решение вопроса, когда в одной статье закона выражен и самый принцип (презумпция невиновности) и правовые последствия, вытекающие из этого принципа. Правило о том, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, тесно связано с презумпцией невиновности, но оно относится к другому вопросу — к обязанности доказывания. Казалось бы правильным в случае помещения в кодекс отдельной статьи о презумпции невиновности, в отдельной статье выразить и такое правовое последствие этой презумпции, как обязанность доказывания.

В основные начала проект включает и правило о прокурорском надзоре за исполнением законов в уголовном процессе: «Прокурор в уголовном процессе осуществляет надзор за законностью производства дознания и предварительного следствия, опротестовывает незаконные и необоснованные приговоры, определения и постановления суда, а также осуществляет надзор за исполнением приговоров суда».

Вряд ли можно признать удачными и редакцию статьи и помещение ее в первую главу Кодекса, посвященную основ-

---

Принцип публичности процесса (ст. 4);

Осуществление судопроизводства на началах равенства всех граждан перед законом и судом (ст. 5);

Осуществление правосудия только судом (ст. 6);

Рассмотрение уголовных дел выборными судами (ст. 7);

Национальный язык судопроизводства (ст. 9);

Гласность судебного разбирательства (ст. 10);

Независимость судей и подчинение их только закону (ст. 8);

Презумпция невиновности (ст. 12);

Обеспечение обвиняемому права на защиту (ст. 13);

Равенство процессуальных прав сторон (ст. 14);

Непосредственность и устность судебного разбирательства (ст. 11);

Объективность и всесторонность исследований обстоятельств уголовного дела (ст. 15).

ным началом процесса. В этой статье очерчены права прокурора в судопроизводстве (и очерчены неполно). Но о правах прокурора в отдельных стадиях процесса уместнее говорить именно при регламентации производства соответствующих стадий. Если в основных началах кодекса не говорится о полномочиях суда, то совсем неуместно говорить о полномочиях одной из сторон процесса — о полномочиях прокурора. Тем самым прокурор как орган надзора за законностью признается как бы стоящим над судом.

Принцип состязательности непосредственно не выражен, но в основных началах есть статья, трактующая равенство процессуальных прав сторон (ст. 14). Принцип объективной истины выражен как требование объективности и всесторонности исследования обстоятельств уголовного дела в целях установления истины (ст. 15).

Принцип защиты нашел отражение в ст. 13 проекта. Это важное правило выражено следующим образом: «Обвиняемому обеспечивается право на защиту на протяжении всего производства по делу. Во всех стадиях процесса ему предоставляется право иметь защитника.

Следовательно, прокурор и суд обязаны обеспечить обвиняемому возможность защищаться всеми установленными настоящим Кодексом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав».

Все еще спорный вопрос о допущении защитника (адвоката) в стадию предварительного расследования ожидает окончательного решения в Основах уголовного судопроизводства СССР. Большинство составителей проекта УПК ЛССР высказались за допущение защитника с момента предъявления обвинения, при условии ясно очерченных его полномочий. Объем этих полномочий должен соответствовать примерно кругу прав, какие на предварительном следствии в настоящее время принадлежат обвиняемому.

Мнения проф. М. Чельцова² и проф. М. Шифмана, наиболее резко высказывающихся за допущение защитника только с момента выполнения ст. 206 УПК РСФСР, вряд ли можно признать достаточно обоснованными. Они сводятся к тому, что в случае участия защитников на предварительном следствии, нормальное ведение следствия станет невозможным, оно будет осложнено, исчезнет негласность производства, ибо, как

---

² М. Чельцов, Советский уголовный процесс, 1956, стр. 111—112.

говорит проф. М. Шифман — «камеры следователей будут вскоре заполнены адвокатами»³.

Проф. М. Шифман в своих суждениях исходит из того предположения, что «защитник будет мешать следователю производить допросы свидетелей», ибо адвокату будет предоставлено право изучать все материалы дела вместе с обвиняемым, «делать по ходу изучения материалов предварительного следствия нужные выписки из дела»⁴.

Но ведь никто не собирается делать из защитника (адвоката) параллельного следователя по делу. Таких предположений не выдвигают ни те процессуалисты, которые выступают за введение защитника в процесс с момента предъявления обвинения, ни проект Основ уголовного судопроизводства СССР, и, на сколько нам известно, ни один из разрабатываемых проектов УПК союзных республик.

Введение защитника в стадию предварительного расследования необходимо как мера дальнейшей демократизации советского уголовного процесса, как гарантия реального осуществления прав и законных интересов обвиняемого в досудебном производстве, как дополнительная гарантия объективности и полноты следствия и успешного выявления истины по делу.

По отдельным категориям уголовных дел, например, по делам несовершеннолетних, либо по делам немых, глухих, слепых защитник просто необходим ввиду того, что эти лица в ряде случаев не в состоянии сами справиться с защитой своих законных интересов и осуществлением своих процессуальных прав.

Но во всех этих случаях защитнику (адвокату) могут и должны быть предоставлены права только в объеме законной помощи обвиняемому справиться с осуществлением своих прав на определенной стадии процесса. Следовательно, практическое решение вопроса сводится к объему процессуальных полномочий защитника. В стадии предварительного расследования эти полномочия не должны противоречить интересам успешности следствия, ущемлять негласность следственного производства.

Нам представляется, что ст. 16 проекта Основ уголовного судопроизводства СССР (1957 г.) вполне правильно решала этот вопрос, указав, что защитник имеет право участвовать

---

³ М. Шифман, Дискуссионные вопросы уголовного судопроизводства, Ж. Социалистическая законность, 1957 г., № 7, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 17.

в производстве следственных действий и знакомиться с материалами дела во время предварительного следствия в пределах, устанавливаемых законодательством союзных республик.

Нам представляется в общих чертах правильным также решение этого вопроса в проекте УПК РСФСР, которому в этом отношении следует и проект УПК ЛССР. Защитнику обвиняемого на предварительном следствии предоставлено право: 1) присутствовать при допросе обвиняемого и, с разрешения следователя, задавать вопросы; 2) с разрешения следователя присутствовать при производстве других следственных действий; 3) возбуждать ходатайства о производстве следственных действий, истребовании и приобретении к делу доказательств, и по всем иным вопросам, имеющим значение для дела; 4) заявлять отвод следователю; 5) знакомиться по окончании предварительного следствия со всеми материалами дела.

К этому перечню на наш взгляд можно было бы добавить право защитника на свидание с обвиняемым, находящимся под стражей, и право защитника присутствовать при выполнении тех следственных действий, о которых обвиняемый ходатайствовал. Такие дополнительные правила, исходя из презумпции добросовестности советского адвоката, заслуживали бы внимания в целях способствования успешному выявлению по делу истины.

По крайней мере эти правила следовало бы признать целесообразными при расследовании дел о несовершеннолетних (см. Особые производства).

Общие положения проекта в большинстве правил соответствуют «Основным положениям» действующего УПК РСФСР. Наиболее существенные отличия: более детализированы обстоятельства, исключаящие производство по уголовному делу. Без обстоятельств, указанных в ст. 4 УПК РСФСР, предусмотрены еще следующие. Уголовное дело может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению во всякой стадии процесса: 1) если деяние хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи особенной части Уголовного Кодекса ЛССР, но лишено общественно-опасного характера в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий; 2) если деяние было совершено в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны и если при этом не были нарушены требования, установленные соответствующими статьями УК ЛССР; 3) если деяние, хотя и подпадает под признаки какой-либо статьи особенной части УК ЛССР, но утратило общественно-опасный характер в силу изменения общественно-политической обстановки в стране, а

также если лицо, привлеченное или подлежащее привлечению к уголовной ответственности, не может быть к моменту расследования или рассмотрения уголовного дела признано общественно опасным; 4) если деяние совершено лицом, не достигшим возраста, по наступлении которого возможна уголовная ответственность и 5) если деяние совершено лицом, находившимся в состоянии невменяемости, или если лицо, совершившее деяние, заболело неизлечимой душевной болезнью, исключаяющей вменяемость.

Уже при беглом взгляде на эти дополнительные правила видно, что они буквально взяты из ряда статей действующего УК РСФСР. Эти нормы материального права трансплантированы из уголовного кодекса, где их место по предмету правового регулирования, в процессуальный кодекс, отнюдь не занимающийся, например, вопросами необходимой обороны и крайней необходимости и т. д. Ведь, кажется бесспорно, что это вопросы материально-правовые и им совершенно не место в процессуальном кодексе.

Во всех без исключения выше перечисленных «дополнительных» случаях прекращения уголовного дела, с точки зрения процессуальной, мы имеем дело с отсутствием состава преступления либо в силу отсутствия общественной опасности деяния, либо по другим материально-правовым соображениям.

Таким образом получается, что с точки зрения процессуальной необходимое и единое понятие отсутствия состава преступления, заменяется изложением материально-правовых причин, обосновывающих отсутствие такого состава.

На наш взгляд это совершенно излишнее и ненужное украшение уголовно-процессуального кодекса. С точки зрения распределения норм права по отраслевым кодексам по предмету правового регулирования, этому «дополнительному» перечню обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, не место среди правил судопроизводства.

Этот сложный перечень можно было бы заменить двумя простыми правилами:

1) «Если несомненно, что действие обвиняемого не является преступным деянием» и

2) «если несомненно, что обвиняемый не подлежит уголовной ответственности».⁵

---

⁵ См. § 89 УПК Чехословацкой республики (Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических государств. М., 1956, стр. 512).

Преимущество таких правил не только в том, что они не имеют явно выраженного материально правового содержания, очень просты и понятны, но и в том, что в них имеется требование несомненности наличия указанных оснований для прекращения уголовного преследования. Это требование очень важно для допустимости прекращения дел в стадии предварительного расследования. Действительно, ведь такие обстоятельства как отсутствие общественно опасного характера деяния, состояние крайней необходимости и необходимой обороны в качестве оснований для исключения производства по делу, как правило, подлежат судебной проверке. Прекращение дела на предварительном следствии по таким основаниям допустимо лишь в случае их несомненности.

Правила о частном обвинении, как уже указывалось изъятые из общих положений и других глав Кодекса и сосредоточены в его последнем разделе, в главе о производстве по делам частного обвинения. Однако уже здесь, касаясь общих положений, к которым относится известная ст. 10 действующего УПК РСФСР, — хочется указать на яркую новеллу института частного обвинения, меняющую до некоторой степени его консервативное существо. Эта новелла, какой мы не находим ни в «Основах», ни в проекте УПК РСФСР, гласит:

«Если прокуратурой или народным судом в целях охраны государственного или общественного интереса или прав отдельных граждан будет признано необходимым, дело расследуется и рассматривается на общих основаниях и, в случае примирения потерпевшего с обвиняемым, прекращению не подлежит».

Это правило представляет собой мост от частного к публичному обвинению, который народный суд или прокурор в публичном интересе в любое время может перекинуть через пропасть, до сих пор отделявшую обе названные категории уголовных дел.

Нам представляется, что такое правило лучше обеспечит законные интересы общества и граждан и будет способствовать более правильному и справедливому решению отдельных дел частного обвинения.

Что касается предложений об изъятии мелких дел частного обвинения из судебного производства и передачи их рассмотрения общественным судам, то этот вопрос, хотя в комиссии и обсуждался, но большинство составителей проекта высказалось против такого порядка, считая, что более правильно привлекать общественность к судопроизводству, а не передавать расследование и решение дел о преступлениях органу, не

связанному никакими процессуальными гарантиями выявления истины и обеспечения обоснованного и справедливого наказания лиц, совершающих преступления.

В общих положениях более детально, чем это имеет место в действующем праве, регламентируются правила о гражданском иске, его предъявлении и обеспечении. Дается более подробное определение понятий, содержащихся в Кодексе, но существенных изменений, по сравнению с действующим правом, нет.

В главе о подсудности принципиально новых положений также нет.

В четвертой главе важное правило, способствующее обеспечению беспристрастности судьи, выражено в ст. 48 проекта — о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении дела: «Судья, принимавший участие в рассмотрении дела в первой, во второй инстанции или в порядке надзора, не может принимать участие при втором рассмотрении того же дела».

Статьей 54 проекта предусмотрена возможность участия в деле, наряду с государственным обвинителем, также и общественного обвинителя. Общественным обвинителем признается представитель профсоюза или другой общественной организации, допущенной к участию в деле по особому определению суда. Общественный обвинитель имеет право участвовать в исследовании всех доказательств по делу, возбуждать ходатайства перед судом, заявлять отвод и участвовать в судебных прениях.

Оживление института общественных обвинителей будет способствовать усиленному вовлечению общественности в дело борьбы с преступностью.

Особого внимания заслуживает расширение прав потерпевшего, т. е. лица, которому непосредственно преступлением причинен моральный, физический или материальный ущерб. Потерпевшему предоставляется право присутствовать в судебном заседании в течение всего разбирательства по делу, участвовать в исследовании доказательств наравне со сторонами, возбуждать ходатайства перед судом, заявлять отвод. Вместе с тем потерпевший является свидетелем. Право обжалования приговоров и определений суда потерпевшему не предоставлено.

Таким образом, потерпевший во всех случаях становится субъектом процессуальной деятельности на судебном разбирательстве. Полноправной стороной процесса потерпевший

может быть только в качестве гражданского истца или обвинителя по делам частного обвинения.

Нельзя не отметить, что расширение прав потерпевшего, столь необходимое в нашем уголовном процессе, все же может повлечь некоторые практические трудности. Например, в случае множественности потерпевших по одному уголовному делу, все они приобретают право присутствовать в судебном заседании, однако должны быть допрошены в качестве свидетелей. Такой допрос каждого свидетеля в присутствии остальных свидетелей (потерпевших), лишит показания самостоятельности и достоверности, и в корне будет противоречить самым элементарным правилам тактики допроса с целью выявления истины. Однако удаление остальных свидетелей (потерпевших) из зала судебного заседания на время допроса каждого из них, в свою очередь, противоречило бы основному праву потерпевшего — праву присутствовать в судебном заседании и задавать вопросы другим свидетелям.

Такие случаи множественности потерпевших в нашей судебной практике не на столько редки, чтобы высказанное соображение можно было сбросить со счета, как практически незначительное.

Очевидно вопрос требует какого-то иного решения не в пользу безусловного соблюдения указанного права потерпевших при их допросе.

Такое правило могло бы быть выражено примерно следующим образом: «При наличии в одном уголовном деле нескольких потерпевших, каждый из них допрашивается в отсутствие остальных недопрошенных».

В связи с новой регламентацией процессуального положения потерпевшего, обсуждалась возможность принципиально иного решения вопроса о доказательственном характере, показаний потерпевшего. Внесено предложение рассматривать показания потерпевшего как особый вид доказательств, наравне с показаниями обвиняемого.

Такие дополнения получают известные правила об обязательном участии защитника в судебном заседании.

Кроме известных двух случаев ст. 55 действующего УПК РСФСР, проект предусматривает еще следующие.

Защита считается обязательной:

1) когда подсудимый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство; 2) когда подсудимый является несовершеннолетним; и 3) при наличии противоречий между интересами подсудимых, если хотя бы один из них имеет защитника.

В стадиях, предшествующих судебному разбирательству, участие защитника признается обязательным: 1) по делам немых, глухих, слепых и других лиц, для которых, в силу физических недостатков, затруднительно личное осуществление своих прав и защита своих законных интересов и 2) по делам несовершеннолетних.

По делам этих двух последних категорий отказ обвиняемого или подсудимого от защитника не является обязательным для органов следствия и суда.

Нам представляется, что при таком решении проблемы обязательной защиты максимально согласованы интересы обвиняемого с интересами правосудия.

Гражданский ответчик в отличие от действующего права в проекте приобретает статус субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Гражданским ответчиком признаются родители несовершеннолетнего обвиняемого, его опекуны, попечители, а также учреждения, предприятия и организации, несущие по закону материальную ответственность за преступные действия обвиняемого, к которым потерпевшим предъявлен гражданский иск. — Объем процессуальных прав и обязанностей гражданского ответчика таков же, как и гражданского истца. Между прочим, гражданскому ответчику в уголовном процессе предоставляется право иметь представителя своих интересов (адвоката).

По этому последнему вопросу гражданского иска нужно отметить, что наличие представителя интересов (адвоката) на стороне гражданского истца при отсутствии защитника (адвоката) у подсудимого, или представителя интересов у гражданского ответчика, нарушает процессуальное равновесие возможностей состязательности. В таком случае представитель интересов гражданского истца и при отсутствии прокурора будет выступать обвинителем. Поэтому при таком стечении обстоятельств следовало бы предусмотреть обязательную защиту, т. е. обязательное назначение защитника по инициативе суда.

В доказательственное право внесенные изменения можно свести к следующему.

В кодексе указаны основные обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Виды доказательств перечислены следующим образом: показания свидетелей и потерпевших, показания обвиняемых и подозреваемых, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Многочислен-

ные предложения о дополнении перечня видов, доказательств такими, как следственный эксперимент, опознание и т. п., обобщены в понятии: «протоколы следственных и судебных действий».

Вводится новелла о доказательственном значении показаний обвиняемого: «Показания обвиняемого, в том числе и признание им правильным предъявленного ему обвинения, подлежат проверке и оценке в связи с другими доказательствами, имеющимся по данному делу. Признание обвиняемого, не подтвержденное объективными данными дела, не может служить основанием для вынесения обвинительного приговора». Тем самым в законе дается четкая формулировка требований, многократно выраженных в нашей процессуальной теории, и особо подчеркнутых в связи с изжитием ошибок, допущенных в период культа личности.

В особой статье дается перечисление всех процессуальных полномочий эксперта.

Попутно можно отметить, что составители проекта по вопросу об оценке доказательств понятие «внутреннее убеждение», заменили более простым, жизненным и логичным понятием «убеждение».

Из перечня видов мер пресечения предполагается устранить имущественное поручительство, залог и домашний арест, как нашей следственной и судебной практикой отвергнутые меры и ввести новый вид мер пресечения — поручительство общественной организации.

В целях усиления правовых гарантий личности в процессе предполагается несколько сократить срок, предусмотренный ст. 145 действующего УПК РСФСР. Вместо срока в 14 суток для предъявления обвинения после избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, установлен срок в 10 суток, вопреки возражениям представителей прокуратуры, что это слишком короткий срок для обеспечения достаточных данных к предъявлению обвинения.

Новеллами в институте мер пресечения являются также следующие правила: обязательное уведомление по месту службы и семьи обвиняемого об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу; обязательная передача на попечение соответствующих лиц или учреждений детей заключенного в возрасте до 16 лет; принятие мер по охране имущества или жилища заключенного под стражу, если оно остается без надзора.

Как видно, почти все новеллы, касающиеся института мер пресечения, продиктованы либо уже существующей практи-

кой, либо служат дальнейшей демократизации нашего уголовного процесса с обеспечением общественных, личных и имущественных интересов в связи с заключением под стражу обвиняемого.

В главе о протоколах интереса заслуживает следующее новое правило, до сих пор неизвестное нашей практике, но новое оказывать ей в отдельных случаях неопределимую услугу: «Органы расследования, прокурор или суд могут привлекать для записи протокола стенографа».

Возможность стенографической записи показаний во многих случаях затруднит сознательное изменение последующих показаний или отказ от показаний, данных на предварительном следствии, — в суде. Но такая запись все же не обеспечит достоверность ее точности. Более радикальным правилом следовало бы считать допустимость использования магнитофона.

Второй раздел проекта о возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел, также имеет целый ряд отличий, по сравнению с действующим на территории Латвии УПК.

Более подробно регламентированы правила возбуждения уголовного дела. Отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован заявителем в десятидневный срок со дня получения постановления об отказе — соответственно надлежащему прокурору или в вышестоящий суд. Как известно, ст. 95 УПК РСФСР устанавливала 7 дневный срок обжалования и не требовал выдачи заявителю копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Прокурору предоставляется право в случае неосновательности отказа в возбуждении уголовного дела, своим постановлением отменять состоявшееся об этом постановление следователя или органа дознания и возбуждать дело. Предполагалось предоставить прокурору также право в случае необоснованного возбуждения уголовного дела судом или судьей, принести протест на соответствующие постановления или определение судебных органов.

Это последнее правило слишком расширяет права надзора прокурора за законностью возбуждения уголовного дела судом или судьей. Такое правило нельзя вывести из соотношения полномочий суда и прокуратуры. Да и практически такое правило, требуя решение вопроса вышестоящим судом может привести только к волоките. Гораздо проще и правильнее было бы в случаях невозможности уголовного преследования по возбужденному судом уголовному делу или в случае непра-

вильности такого возбуждения прекращать дело по соответствующим законным основаниям. Тем более, что оба эти обстоятельства (невозможность уголовного преследования или неправильность возбуждения дела) могут быть установлены, как правило, лишь в процессе расследования.

Более подробно обрисован порядок задержания. Проект указывает, что во всех случаях задержания орган дознания обязан немедленно составить протокол, в котором указываются данные о личности задержанного, обстоятельствах, месте и времени задержания, сведения о преступлении, в совершении которого подозревается задержанное лицо, основания для задержания и кем задержание произведено. Правила действующего УПК этого не требовали, что иногда приводило к случаям необоснованного задержания.

Предусматривается особый порядок допроса подозреваемого в совершении преступления. Срок допроса — не позднее двенадцати часов с момента задержания. Допрос подозреваемого производится с соблюдением правил, установленных для допроса обвиняемого. Подозреваемому должно быть объявлено, в чем он подозревается. Устанавливаются границы обстоятельств по поводу которых он может быть допрошен.

Таким образом решается давний спор о целесообразности или нецелесообразности введения «фигуры подозреваемого» в уголовный процесс.

Сообщение процессуальных, хотя и ограниченных, прав подозреваемому ставит его в положение субъекта процессуальной деятельности. Тем самым подозреваемый вместо какого-то туманного «кандидата в обвиняемые» приобретает определенный процессуальный статус по крайней мере в двух случаях: при задержании и в случае избрания меры пресечения до предъявления обвинения. И это вполне соответствует жизненной практической необходимости: лицо, подозреваемое в совершении преступления и на этом основании задержанное, уже никак нельзя рассматривать как свидетеля по делу; с другой стороны, это лицо не является еще обвиняемым, поскольку нет соответствующего постановления о привлечении в качестве обвиняемого. (В большинстве случаев задержания такое немедленное постановление преждевременно). Поэтому сам собою напрашивается выход в духе решения этого вопроса проектом УПК ЛССР. Подобным же образом данный вопрос решен и в проекте УПК РСФСР (1957 г.).

Срок дознания сохраняется месячный, однако по делам, по которым предварительное следствие обязательно, дознание не может продолжаться более 10 дней. По истечении этого

десятидневного срока материалы дознания направляются следователю, либо дознание прекращается мотивированным постановлением органа дознания.

После вступления следователя в дело, орган дознания обязан производить необходимые оперативно розыскные действия по раскрытию преступления и изобличению преступников, согласовывая эти действия со следователем, причем выполнение поручений следователя о производстве таких действий должно являться для органа дознания обязательным.

Таким путем будет обеспечена необходимая связь следователя с оперативно-розыскной работой, в отрыве от которой могла бы уменьшиться раскрываемость преступлений следователем.

По вопросу сохранения месячного срока для самостоятельного расследования дел в виде дознания нельзя не отметить, что тем самым сводится на нет идея создания единого следственного аппарата.

В общие условия производства предварительного следствия вводится особая статья о целях производства предварительного следствия. Срок следствия — 2-х месячный. Прямо указывается обязательность участия понятых при производстве осмотров, обысков, выемок, описи имущества, предъявления для опознания и др. случаях. Детально регламентированы надзорные права прокурора в соответствии с Положением о прокурорском надзоре.

С точки зрения обеспечения большей самостоятельности следователя, существенное значение имеют правила, регулирующие процессуальные взаимоотношения следователя и прокурора. Эти правила проект УПК Латвийской ССР полностью воспринимает из проекта УПК РСФСР: указания прокурора по уголовному делу даются следователю только в письменной форме; следователь вправе их обжаловать, не приостанавливая исполнения; в случае несогласия с отдельными наиболее существенными указаниями прокурора (о привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления, об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, об окончании предварительного следствия о составлении обвинительного заключения или о прекращении дела) — следователь может представить дело прокурору с письменным изложением своих возражений. Прокурор в таком случае либо отменяет свои указания, либо передает дело другому следователю.

Детально регламентированы права обвиняемого и его за-

щитника на предварительном следствии. На них указывалось уже выше.

Устанавливаются правила изменения и дополнения обвинения на предварительном следствии, отсутствующие в действующем УПК РСФСР, но уже давно разработанные и санкционированные практикой.

Отдельная глава отведена таким следственным действиям как очная ставка, предъявление для опознания. В этой главе узаконены на практике уже известные правила о порядке очной ставки и опознания. Таким образом восполнен пробел действующего процессуального законодательства.

В соответствии со ст. 21 проекта Основ уголовного судопроизводства (1958 г.), УПК ЛССР устанавливает новые правила производства выемки и обыска.

Относительно целесообразности и возможности практического осуществления этих правил, предоставляющих гражданам дополнительные гарантии, было бы желательно услышать мнение более широкого круга практических работников следственного аппарата. Правила эти выражаются в следующем: «О производстве выемки и обыска следователь выносит мотивированное постановление, подлежащее утверждению прокурором. Лишь в случаях, не терпящих отлагательства, выемка и обыск могут быть произведены без санкции прокурора. В этих случаях следователь обязан в точный срок поставить в известность прокурора о произведенных им выемке или обыске».

Для производства личного обыска предусмотрены те же правила. Личный обыск, без вынесения о том отдельного постановления, может производиться лишь при задержании или заключении под стражу и при наличии достаточного основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится выемка или обыск, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для дела.

Подробно регламентировано производство описи имущества, осмотров, освидетельствования, восполнены пробелы действующего уголовно-процессуального права. Правила производства этих следственных действий, включенные в проект УПК, соответствуют образу действий, имеющему место в следственной практике. И в данном случае, как и по многим другим процессуальным вопросам, законодателю приходится лишь закреплять лучшее из достигнутого в практической работе.

Это относится и к следственному эксперименту, обозначенному ст. 190 проекта как «воспроизведение обстановки и обстоятельств события». Выполнение действий, воспроизводящих обстановку и обстоятельства события, допускается лишь при условии, если они не унижают достоинство и не опасны для здоровья участвующих в них лиц и окружающих. Требуется присутствие понятых. Могут вызываться также обвиняемый, потерпевший, свидетели и специалисты.

Для получения образцов с целью сравнительного исследования требуется постановление следователя. Это постановление обязательно для лиц, в отношении которых оно вынесено. Лишь получение отпечатков пальцев у задержанных и заключенных под стражу лиц производится без вынесения соответствующего постановления.

Расширены права обвиняемого при назначении и производстве экспертизы. Обвиняемому предоставлено право представлять документы и давать объяснения эксперту, присутствовать с разрешения следователя при производстве экспертизы, знакомиться с материалами экспертизы. Заключение эксперта должно быть предъявлено обвиняемому. В этом отношении учтены давно известные требования процессуальной теории.

Далее по вопросам экспертизы на предварительном следствии в законопроекте указаны правила производства экспертизы в экспертных учреждениях и вне таковых. Излагается содержание заключения эксперта и правила его допроса.

Включение в УПК перечисленных правил значительно уточняет производство экспертизы на предварительном следствии и расширяет процессуальные гарантии обвиняемого. Вместе с тем эти новеллы будут способствовать укреплению доказательственного значения тех новых фактов, которые появляются в уголовном деле в результате деятельности эксперта.

Приостановление и окончание предварительного следствия в проекте, так же как и действующем на территории Латвии УПК, регулированы в одной главе. В отличие от действующих правил прекращения уголовного дела за нерозыском лица, совершившего преступление (ст. 205 УПК РСФСР *à contrario*), проект предусматривает в этом случае не прекращение уголовного дела, а приостановление следствия. Понятие «не розыска лица, совершившего преступление», заменено понятием «неустановления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности». Употребляя эту, более точную, формулировку в проекте сказано, что пред-

варительное следствие приостанавливается (в дополнение к двум известным случаям ст. 202 УПК РСФСР) также и в случае неустановления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Это новое правило можно только приветствовать, ибо прекращение уголовного дела по мотивам неизвестности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности (за его «нерозыском»), ни теоретически, ни практически ничем не было обосновано.

Институт приостановления предварительного следствия логически должен включать как случай неизвестности места пребывания обвиняемого, так и случай неизвестности (неустановления) лица, подлежащего привлечению, ибо должна продолжаться оперативно-розыскная работа как по установлению места пребывания известного лица — обвиняемого, так и по установлению неизвестного лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности в качестве обвиняемого.

Проект устанавливает не только вышеназванное новое правило, но предусматривает также меры, какие следователь обязан принимать к установлению лица, подлежащего привлечению.

Такие действия, способствующие осуществлению целей правосудия, были бы немыслимы в случае прекращения уголовного дела по указанным мотивам.

Таким образом, при недостаточности улик для предъявления обвинения конкретному подозреваемому и неустановлении других лиц, подлежащих привлечению по доказанному преступлению, следственные органы впредь должны будут прекращать уголовное дело, а лишь приостанавливать следствие.

В случае же последующей недоказанности конкретного предъявленного обвинения уголовное дело будет подлежать прекращению лишь при условиях, исключающих возможность существования иного, неизвестного следователю уголовно-ответственного лица по данному делу. При наличии нового правила, предусмотренного проектом, лишь в этом последнем случае можно будет прекращать дело по основанию «недоказанности предъявленного обвинения».

Понятие «недостаточности улик для предания обвиняемого суду» как основание прекращения дела (п. «б» ст. 204 УПК РСФСР) вместе с тем исчезает из процессуального закона. «Недостаточность улик» против конкретного обвиняемого ведь не исключала возможность «достаточности» их против другого, неизвестного следователю лица, действительно

совершившего преступление. Однако дело по такому основанию до сих пор обычно прекращалось.

В чем же разница между понятием до сих пор известным п. «б» ст. 204 УПК РСФСР, и новым основанием для прекращения уголовного дела в стадии предварительного расследования, обозначенным в проекте как «недоказанность предъявленного обвинения»?

Эта разница состоит в том, что в первом случае, т. е. по действующим правилам, («недостаточность улик»), основанием прекращения уголовного дела было отсутствие достоверных доказательств, необходимых для предания суду того лица, которому предъявлено обвинение. При этом не исключалась возможность существования другого неизвестного уголовно ответственного лица по данному делу.

Во втором же случае — по правилам проекта — основанием для прекращения уголовного дела ввиду «недоказанности предъявленного обвинения», как нам представляется, может быть: 1) либо отсутствие достоверных доказательств, подтверждающих существование самого преступного деяния (тем самым и обвинение конкретного лица будет не доказано); 2) либо отсутствие возможности доказать вину данного обвиняемого (при доказанности самого преступного деяния) как единственно возможного по данному делу уголовно ответственного лица.

В этом отличии необходимо разобраться при имеющем место довольно существенном изменении (дополнении) института приостановления предварительного следствия. Это изменение, как мы видели, существенно отражается и на институте прекращения уголовного дела. Поэтому для достижения полной ясности новых правил прекращения уголовного дела, на наш взгляд, недостаточно лишь заменить в кодексе одно понятие («недостаточность улик для предания суду») другим понятием («недоказанность предъявленного обвинения»), как это сделано в проекте УПК ЛССР по образцу соответствующей статьи (ст. 218) проекта УПК РСФСР. Необходимо в самом законе дать достаточное разъяснение нового понятия, скрывающего в себе совершенно новое правило прекращения уголовного дела в стадии предварительного расследования.

Статью проекта, трактующую прекращение уголовного дела, нужно разработать более детально, расшифровав сущность понятия «недоказанность предъявленного обвинения». Если это не будет сделано, то в практической следственной работе, надо полагать, утратит значение третий случай приостановления предварительного следствия. Ничто не будет

мешать прекращению уголовного дела «при недоказанности предъявленного обвинения» в отношении одного лица (привлеченного к делу), даже в том случае, если лицо, в действительности подлежащее привлечению к уголовной ответственности, останется не установленным.

В проекте, по сравнению с действующими правилами, значительно подробнее регулированы вопросы предъявления следственного производства обвиняемому для ознакомления после окончания предварительного расследования (ст. 206 УПК РСФСР). Внимания заслуживает требование обязательного участия защитника при предъявлении материалов следственного производства обвиняемому в следующих 3-х случаях: 1) по делам немых, глухих и других лиц, для которых в силу физических недостатков затруднительно личное осуществление своих прав и защита своих законных интересов; 2) по делам несовершеннолетних (см. особые производства); 3) по делам обвиняемых, не владеющих языком, на котором ведется производство по делу.

Защитнику в этом случае предоставлено право разъяснять обвиняемому смысл предъявленного обвинения и значения доказательств, обсуждать с обвиняемым вопрос о заявлении ходатайств.

По практическим соображениям экономии времени и ускорения дальнейшего движения дела, такое предъявление материалов следствия обвиняемому и его защитнику должно происходить лишь «совместно». Так говорится в проекте.

Неясным остается вопрос, как быть в том случае, если, например, обвиняемый уже ознакомился с материалами следствия и в результате пришел к выводу о необходимости приглашения защитника (если таковой в стадии предварительного расследования не участвовал). Спрашивается, как быть в таком случае с правом и даже обязанностью защитника ознакомиться с следственным производством?

Формально вопрос, конечно, решит подписание обвиняемым протокола предъявления производства. Коль скоро протокол не подписан, обвиняемый имеет возможность продолжать дальнейшее ознакомление уже с помощью адвоката.

Смысл правила о «совместном» ознакомлении должен быть сведен к тому, что допустимо лишь однократное предъявление производства по делу. Но такая «однократность» может продолжаться до подписания протокола предъявления и, например, по большим делам практически ознакомление может иметь место в течение нескольких дней, независимо

знакомится ли с делом обвиняемый «совместно» с защитником или предоставляет эту работу адвокату.

Поэтому практическое обеспечение быстроты данного процессуального действия лучше будет достигнуто не правилом «совместного» ознакомления, а правилом о подписании протокола предъявления обвиняемому производства по делу немедленно по окончании ознакомления.

Понятие «совместного» ознакомления, если его оставить в кодексе, приведет лишь к возможности его превратного толкования в тех случаях, когда защитник в этом процессуальном действии не участвовал. Можно представить себе случаи, когда дела будут отправляться на доследование по причине неправильного выполнения требований закона, т. е. непредставлении обвиняемому и защитнику возможности «совместного» ознакомления с следственным производством.

Ко всему сказанному по вопросам окончания предварительного следствия следует еще добавить следующее. Проект предусматривает обязательность утверждения прокурором постановления следователя о прекращении дела. Постановление о прекращении дела может быть обжаловано в десятидневный срок вышестоящему прокурору.

Действиям прокурора по делу, поступившему от следователя с обвинительным заключением сообщается более обязательный характер, ибо все вопросы, подлежащие разрешению прокурором в этой стадии движения уголовного дела, непосредственно указываются в законе. Вот эти вопросы: 1) имело ли место деяние, вменяемое обвиняемому; 2) имеется ли в этом деянии состав преступления; 3) нет ли в деле обстоятельств, влекущих прекращение дела; 4) проведено ли предварительное следствие всесторонне, объективно и полно; 5) обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в деле доказательствами; 6) предъявлено ли обвинение по всем установленным предварительным следствием преступным деяниям обвиняемого; 7) привлечены ли в качестве обвиняемых все лица, которые собранными на предварительном следствии доказательствами изобличаются в совершении преступления; 8) правильно ли применена к деяниям обвиняемого статья уголовного закона; 9) приняты ли следователем все необходимые меры для устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления; 10) составлено ли обвинительное заключение в соответствии с требованиями процессуального кодекса; 11) правильно ли избрана мера пресечения и 12) приняты ли меры обеспечения предъявленного или могущего быть предъ-

явленного гражданского иска и исполнения приговора в части конфискации имущества.

Попутно можно отметить, что все перечисленные вопросы, за исключением девятого, значатся также в проекте УПК РСФСР (ст. 227). Составители проекта УПК ЛССР решили дополнить этот перечень весьма существенным вопросом — о проверке принятия следователем необходимых мер для устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Конечно, можно себе представить и еще более детальное развитие данного перечня вопросов в назидание прокурору, проверяющему следственное производство, если бы данный перечень не был и без того слишком раздут. Например, почему бы не указать на обязанность прокурора проверить список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, в случае необходимости сократить или расширить его другими лицами и т. п.⁶

Мы полагаем, что этот перечень слишком казуистичен и напоминает некоторые другие известные нашему уголовному процессу перечисления вопросов, подлежащих решению, но практически в полном объеме не решаемых (например, известный перечень вопросов, подлежащих решению распорядительного заседания суда, установленный Пленумом Верховного суда СССР 29 марта 1936 года).

Ведь уже при самом беглом ознакомлении с перечисленными вопросами становится ясно, что прокурор для выполнения, например, хотя бы только в пункте четвертом выраженного требования проверить, произведено ли предварительное следствие всесторонне, объективно и полно, должен не только внимательно прочесть все следственное производство, но и его основательно изучить. По большим многотомным делам это потребует не только часы и дни, но и недели кропотливого труда даже в том случае, если прокурор деятельно осуществлял надзор за следствием.

Конечно, не все уголовные дела многотомны. Суть дела совсем не в этом. Суть правил рассматриваемой статьи проекта в том, что она выражает намерение законодателя заставить прокурора не просто штамповать обвинительные заключения своим утверждением, как это иногда имеет место в практике, а быть ответственным за направление в суд действительно всесторонне, объективно, правильно расследованных уголовных дел. Однако для достижения этой цели законодатель в

---

⁶ См. Советский уголовный процесс, под ред. проф. Д. С. Карева, М., 1956 г., стр. 173.

конкретном случае избирает внешне как бы убедительное, но по существу негодное средство.

Логика подсказывает, что в случае возложения на прокурора двенадцати процессуальных обязательств по проверке поступившего от следователя дела, выполнение их прокурором должно конкретно отображаться в каком то процессуальном документе соответственно двенадцати поставленным вопросам. Если такого документа закон не предусматривает, то все громкие вопросы становятся только декларацией, чуждой строгой логике и целеустремленности процессуальных действий.

Нет никакого основания утверждать, что прокурор не должен внимательно проверять следственное производство. Это его обязанность; против этого никто возражать не собирается. Однако логическим последствием профиля вышеперечисленных вопросов и единственной реальной гарантией выполнения в большинстве из них выраженных требований, было бы не односложное утверждение составленного следователем обвинительного заключения, а перенесение обязанности составления обвинительного заключения на самого прокурора. Одним этим последним правилом были бы реально достигнуты все цели, которыми мог руководствоваться законодатель при разработке упомянутого перечня вопросов.

Прокурор — составитель обвинительного заключения волей неволей был бы лицом действительно ответственным за качество расследования в самом строгом значении слова. Более реальной гарантии глубокой прокурорской проверки поступившего следственного материала и представить себе невозможно. Вместе с тем это была бы также реальная гарантия резкого повышения качества поддержания обвинения в суде, при условии выступления прокурора, составившего обвинительное заключение.

Касаясь этих соображений, как дискуссионных, лишь мимоходом, необходимо сделать вывод из всего сказанного по затронутому вопросу.

Вывод напрашивается сам собою. В уголовном процессе без деклараций не обойтись. Они необходимы, но при условии их общего и принципиального значения. Напротив, сугубо казуистические декларации, основанные лишь на теоретических соображениях о желательном в процессе, на наш взгляд, вредны. Такие казуистические декларации требований, не скрепленных процессуальной формой, выражающей их осуществление, практически не выполняются. По крайней мере проверка исполнения невозможна. Чтобы не подрывать авторитет закона, казалось бы естественным избегать таких норм в

процессуальном законодательстве, невыполнение которых не поддается учету.

Казуистическое перечисление вопросов, подлежащих решению прокурора при получении законченного следственного производства, представляется нецелесообразным. Как же сформулировать обязанности прокурора в этой стадии производства по уголовному делу?

Если процессуальное выражение обязанностей прокурора по проверке следственного материала сводить в основном к утверждению обвинительного заключения, как это имеет место в действующем законодательстве, то лучшей формулировкой этих обязанностей можно было бы считать указание проф. М. Чельцова: «Прокурор обязан проверить правильность выводов следователя в обвинительном заключении и полноту материалов, обосновывающих эти выводы».⁷ Но в дальнейших статьях Закона указывается также на возможность приостановления производства, прекращения дела прокурором или обращения дела к доследованию. Для решения этих вопросов недостаточна проверка лишь правильности выводов следователя в обвинительном заключении, а необходимо подробное ознакомление со всем делом.

В итоге этих рассуждений можно поставить вопрос — имеется ли вообще надобность формулировать обязанности прокурора по проверке материалов оконченного следствия?

Права прокурора порождают его обязанности в силу принципа публичности процесса. Выражение прав прокурора в законе вместе с тем есть и выражение его обязанностей при наличии конкретных условий. Поэтому казалась бы вполне достаточной старая формулировка ст. 221 действующего УПК РСФСР, указывающая лишь на то, что прокурор утверждает обвинительное заключение с направлением дела в суд, приостанавливает или прекращает производство, либо возвращает дело на доследование. Эти права предполагают обоснованное их осуществление и сами собою говорят о необходимости тщательной проверки всех материалов оконченного следствия, и соответствующих обязанностях прокурора.

Сказанное не следует понимать в том смысле, что в уголовно-процессуальном праве вообще не место перечням обязанностей прокурора.

В процессуальном законе необходимо указывать и на обязанности прокурора, как и других субъектов процессуальной

---

⁷ Проф. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, издание второе, М., 1951, стр. 295.

деятельности, но лишь в тех случаях, когда осуществление каждого отдельного обязательного требования должно выражаться в конкретном процессуальном акте. Например, обязанность возбуждения уголовного дела, обязанность освободить незаконно лишенного свободы, обязанность в определенных случаях предъявлять гражданский иск, обязанность исполнения некоторых процессуальных действий в определенный срок, обязанность рассмотрения заявлений о преступлениях, обязанность в известных случаях отказаться от обвинения и т. д. — все эти обязанности прокурора предполагают конкретную процессуальную форму их исполнения и поэтому их формулировка в законе является реальным требованием.

Раздел третий проекта регулирует стадию предания суду на основании некоторых не устаревших положений УПК РСФСР, правил ст. ст. 27 и 28 Закона о судостроительстве 1938 г., и известных Постановлений Пленума Верховного суда СССР 1936 и 1941 года. В целом здесь восприняты практикой уже подтвержденные правила.

Спорный вопрос о допущении защитника в распорядительное заседание суда проектом УПК Латвийской ССР решается положительно. Защитник допускается в стадию предания суду во всех случаях, но его участие может выражаться в возбуждении ходатайств и в объяснениях суду по возбужденным ходатайствам. Составители проекта полагали, что такое правило явится важной процессуальной гарантией обвиняемому и будет соответствовать логике непрерывности защиты, коль скоро защитник включился в дело уже на предыдущей стадии. При ограниченности прав защитника в этой стадии, не смогут возникнуть и условия превращения распорядительного заседания в репетицию судебного разбирательства.^{7а)}

В состав суда в распорядительном заседании во всех судах допускаются народные заседатели. Это отличие от правила ст. 237 УПК РСФСР обеспечит от перегрузки распорядительными заседаниями членов суда. Вместе с тем участие народных заседателей в стадии предания суду обусловит дальнейшую демократизацию этой стадии процесса.

Участие прокурора в распорядительном заседании признается обязательным. Действующее право (ст. 237 УПК РСФСР) требовало лишь обязательного извещения прокурора.

---

^{7а)} В период набора данной статьи проектом воспринято иное правило: участие защитника в распорядительное заседание суда допускается лишь в случаях, когда народный судья или председатель суда признает необходимым заслушать его объяснения.

Обязательное участие прокурора в распорядительном заседании обеспечит большую успешность решения всех вопросов стадии предания суду.

Раздел четвертый проекта посвящен производству в суде первой инстанции. Нормы этого раздела выдержаны в духе большей детализации прав и обязанностей суда и сторон. Усилено, по сравнению с действующим правом, требование воспитательной направленности процесса: «Председательствующий обязан заботиться о должном воспитательном уровне судебного заседания». Такого, непосредственно выраженного, требования действующий УПК РСФСР не содержит.

Для осуществления этого существенного требования у председательствующего найдется не мало средств. Например — должное выяснение сущности, общественной опасности преступного деяния; выяснение причин совершения преступления и обстоятельств, способствовавших его совершению; детальная характеристика личности подсудимого; обеспечение авторитета суда; забота о культурном уровне судебного заседания и собственного руководства им; обеспечение в необходимых случаях участия прокурора, защитника и др.

Явка подсудимого в суд признана обязательной. Однако, если подсудимый не явился в судебное заседание по делу о преступлении, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, суд может признать возможным рассмотрение дела в его отсутствие. По делам же о преступлениях, за которые может быть назначено лишение свободы, в исключительных случаях, когда будет установлено, что обвиняемый скрылся от суда, суд также вправе вынести определение о слушании дела в его отсутствие.

В нашей юридической литературе уже не раз высказывались суждения о необходимости резко ограничить возможность заочного разбирательства.⁸ Составители проекта по вопросу о заочном разбирательстве пошли по пути сохранения такой возможности по инициативе суда. Вряд ли можно признать, что при этом соблюден принцип укрепления таких процессуальных гарантий правосудия, как устность и непосредственность судебного разбирательства.⁹

---

⁸ См. например, И. Перлов, Вопросы судебного разбирательства и кассационного производства (ж. Социалистическая законность, 1954 г., № 4, стр. 30).

⁹ Здесь можно отметить, что по вопросу обязательного участия подсудимого в судебном заседании в нашем действующем процессуальном праве существуют значительные расхождения. Ст. 265 УПК РСФСР

О расширении прав потерпевшего в судебном заседании говорилось уже ранее.

Среди мер, принимаемых в отношении нарушителей порядка в судебном заседании, не предусматривается более возможность ареста (ст. 261 УПК РСФСР), остальные правила действующего УПК сохранены.

Подчеркивается значение протокола судебного заседания и секретаря судебного заседания: разногласия между председательствующим и судебным секретарем по поводу содержания протокола рассматриваются всем данным составом суда не позднее чем через трое суток после изготовления протокола судебного заседания. Соответствующее определение суда прилагается к протоколу.

Это новое правило учитывает доказательственное значение протокола судебного заседания и на практике может привести к укреплению достоверности текстов протокола, столь необходимой при рассмотрении дела в кассационном и надзорном порядке.

Требуется вручение подсудимому не только копии обвинительного заключения, но и копии определения о предании его суду за трое суток до начала судебного заседания. Однако допускается рассмотрение дела и в случае несвоевременного вручения этих документов подсудимому, если он выражает желание, чтобы дело было рассмотрено безотлагательно.

Своевременное вручение копии обвинительного заключения подсудимому является важной гарантией обеспечения его права на защиту. Поэтому в кассационной практике нередко судебные приговоры отменяются лишь в виду нарушения этого важного положения. Новое правило законопроекта, не

предусматривает явку подсудимого в суд обязательной по делам о преступлениях, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы, и слушание дела в отсутствие подсудимого допускается лишь при прямо выраженном его согласии или в случае его уклонения от вручения повестки о вызове в суд и в случае, когда он скрывается от суда.

УПК Армянской (ст. 242), Азербайджанской (ст. 262), Украинской (ст. 247), Белорусской (ст. 265), Грузинской (ст. 265) и Туркменской (ст. 114) союзных республик обязательность явки подсудимого ставят в зависимость от возможной меры наказания лишения свободы на срок свыше шести месяцев. УПК Таджикской ССР присутствие подсудимого считает обязательным независимо от грозящей меры наказания. Заочное разбирательство допускается при доказанности уклонения подсудимого от явки в суд.

Очевидно ввиду этих расхождений проект «Основ уголовного судопроизводства СССР» регулирование вопроса о допустимости заочного разбирательства дела оставляет законодательству союзных республик.

нарушая указанного положения и считаясь с свободным волеизъявлением подсудимого, дает ему возможность убыстрения процесса, если это в его интересах.

Более детализированно и систематично излагаются подготовительные действия суда после открытия судебного заседания. Как новое подготовительное действие, по сравнению с действующими нормами, нужно отметить разъяснение потерпевшему его права не только на предъявление гражданского иска, но и всестороннего участия в судебном следствии в соответствии с новыми законоположениями.

Судебное следствие начинается оглашением обвинительного заключения и сообщением о решении распорядительного заседания о предании обвиняемого суду.

Несколько противоречивые указания ст. 277, 280 и 282 действующего УПК РСФСР о моменте дачи объяснений (показаний) подсудимым, заменяются простыми правилами очередности допроса подсудимого (допрос подсудимого начинается предложением председательствующего дать показания по поводу предъявленного обвинения; допрос продолжается в порядке, известном по ст. 283 УПК РСФСР). Подсудимый сохраняет свое право давать показания по поводу исследуемого судом обстоятельств дела на протяжении всего судебного следствия. Таким образом, права подсудимого в этой области отнюдь не сужаются, но устранено старое правило ст. ст. 280 и 282 УПК РСФСР, в которых порядок дачи показаний подсудимого ставился в зависимость от признания или отрицания им своей вины, причем подсудимый, отрицающий свою вину, был лишен возможности дать показания немедленно.

Нельзя согласиться с правилом проекта о допросе подсудимого в отсутствие других подсудимых если таковые имеются по делу — без последующего сообщения содержания показаний после возвращения их в зал суда. Сколько бы ни казалось такое правило иногда удобным в целях установления истины, в советском уголовном процессе такое полное устранение гласности для подсудимого, хотя бы только по отдельному вопросу, не может быть признано допустимым, как противоречащее двум из основных его принципов: принципу гласности и принципу права на защиту.^{9а)}

Как вариант в проект включено советскому процессуаль-

---

^{9а} Во время набора данной статьи проект видоизменен: после возвращения подсудимого в зал суда и его допроса, председательствующий сообщает ему содержание показаний, данных в его отсутствие.

ному праву совершенно новое правило о допустимости отказа от дачи показаний свидетелей — близких родственников и супруга подсудимого. Как известно, такое правило знают УПК некоторых зарубежных социалистических государств. Оно было известно и ранее на территории Латвии. Думается, что это правило, если оно станет законом, будет не только дальнейшим проявлением гуманности нашего уголовного процесса, но будет служить и вспомогательной гарантией против засорения доказательственного материала фактами, лишенными достаточной достоверности, ввиду особой заинтересованности по делу лиц, являющихся источником сведений об этих фактах.

Это соображение никак нельзя сбросить со счета в тех случаях, если близкие родственники и супруг подсудимого вынуждены давать показания против своей воли.

Порядок очередности допроса свидетелей предусматривается такой же как в отношении подсудимого, независимо от того, по чьей инициативе они вызваны в суд (председательствующий, народные заседатели, прокурор, общественный обвинитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, или их представители, подсудимые и их защитники). Исключено нашему действующему праву известное правило о предложении вопросов свидетелю сначала той стороной, по ходатайству которой он вызван, а затем остальными сторонами (ст. 287 действующего УПК РСФСР).¹⁰

Однако председателю и членам суда предоставлено право задавать вопросы свидетелю в любой момент допроса.

Потерпевший допрашивается ранее свидетелей.

В отличие от действующих процессуальных норм особо регламентирован допрос несовершеннолетних свидетелей в возрасте до 16 лет. С целью более успешного выявления истины и обеспечения воспитательных требований признано обязательным присутствие педагога, а в случае необходимости — вызова также родителей. Присутствующие при допросе лица могут задавать свидетелю вопросы. В исключительных случаях, с той же целью более успешного установления истины, допрос несовершеннолетнего свидетеля допускается в отсутствие подсудимого, с последующими сообщением ему содержания показания.

По сравнению со ст. ст. 294, 296 и 297 УПК РСФСР, до-

---

¹⁰ См. И. Перлов, Вопросы судебного разбирательства и кассационного производства (ж. Социалистическая законность, 1954 г., № 4, стр. 30—31).

пустимость оглашения показаний свидетелей, данных на предварительном следствии, несколько ограничена. Оглашение допускается: 1) при наличии существенных противоречий между этими показаниями и показаниями свидетеля на суде; 2) при отсутствии в судебном заседании свидетеля по причинам, исключающим возможность его явки в суд; 3) в случае запямятования свидетелем каких-либо обстоятельств дела.

Ограничение допустимости оглашения показаний свидетелей, данных на предварительном следствии, обосновано более последовательным проведением таких основных принципов советского уголовного процесса, как непосредственность и устность проверки доказательств на судебном следствии.

Относительно одного из основных правил постановления приговора — тайны совещания судей, в проекте делается примечание, что это правило распространяется также и на определения суда, выносимые в совещательной комнате. Имеются в виду любые частные определения, а также, например, вынесение определения о применении медицинских мер принудительного характера и др. Совещание судей должно происходить в условиях, максимально обеспечивающих независимость судей и подчинение их только закону. Поэтому новеллу проекта УПК Латвии можно считать вполне обоснованной.

О критерии оценки имеющихся в деле доказательств уже была речь ранее. Понятие «внутреннего убеждения» в проекте заменено более логичным понятием «убеждения». В законе сказано: «Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности». Нелогичность понятия «внутреннее» убеждение доказывается невозможностью какого-либо «внешнего» убеждения. Можно лишь приветствовать устранение из уголовного процесса одного из схоластических словосочетаний, державшихся в законе, юридической литературе и судебном обиходе слишком продолжительное время.

К постановлению приговора относится также следующая новелла. Вместо известного правила ст. 325 УПК РСФСР о том, что «судья, оставшийся при голосовании в меньшинстве, в праве изложить в письменном виде свое особое мнение», установлено правило об обязанности оставшегося при особом мнении судьи, изложить его в письменном виде для приобщения к делу. Такое дело далее подлежит обязательному рассмотрению председателем Верховного суда ЛССР

с целью решения вопроса об опротестовании приговора после его вступления в законную силу.

Более подробно, чем в действующем УПК РСФСР, изложено содержание приговора; в отдельных статьях регламентирована вводная часть, описательная и резолютивная часть приговора, следуя в судебной практике разработанной форме приговора.

Предусмотрено обязательное вручение копии приговора, не позднее трех суток после его провозглашения, осужденному или оправданному, притом на языке, которым он владеет. По действующим на территории Латвии процессуальным нормам обязательное вручение копии приговора предусматривается в народных судах лишь по заочным приговорам. (ч. II ст. 346 УПК РСФСР).

Пятый раздел проекта регулирует производство в суде второй инстанции. И здесь в целом ряде случаев имеют место новые процессуальные положения.

Срок кассационного обжалования и опротестования приговоров и определений суда и постановлений судьи унифицирован для всех судов и установлен в десять суток, хотя по этому вопросу были существенные расхождения во мнениях. Меньшинство членов комиссии полагало практически достаточным и, с точки зрения быстроты процесса, более целесообразным установление единого срока обжалования в пять суток, применительно к имеющему место в настоящее время сроку обжалования приговоров и определений народного суда. Подсудимому, содержащемуся под стражей, срок обжалования исчисляется со дня вручения ему копии приговора.

Установлено практически важное правило, что в течение срока обжалования приговора дело никем не может быть истребовано из суда, чтобы обеспечить беспрепятственную возможность сторонам знакомиться с делом.

Действующий УПК РСФСР правилом ст. 427 допускал возможность истребования дела прокурором и в течение кассационного срока. Проект устраняет это правило, как нарушающее законные интересы других сторон.

Принципиально важным следует признать вопрос о допущении делимости судебного приговора в связи с его обжалованием и вступлением в законную силу.

Проект УПК Латвии, следуя по этому вопросу образцу проекта УПК РСФСР (ст. 371), судебный приговор признает

неделимым, т. е. при наличии нескольких осужденных по делу, если приговор обжалован или опротестован хотя бы в отношении одного из них, приговор в отношении всех осужденных до рассмотрения дела судом второй инстанции признается не вступающим в законную силу. Вывод из этого правила — достаточно одной из сторон или одному из нескольких осужденных не согласиться с приговором в самой малейшей его части, чтобы задержать вступление приговора в законную силу в целом.

Мы считаем и практически и теоретически обоснованным включение в проект статьи о вступлении приговора в законную силу, сохранив действующие правила ст. 342 УПК РСФСР.

Необходимо сохранить правило о допустимости обжалования приговора в части (деление приговора по лицам осужденных или по предметам судебного решения), причем в необжалованной части приговор должен признаваться вступившим в законную силу. Противоположное, т. е. неделимость приговора, (как это имеет место и в ст. 371 проекта УПК РСФСР), приведет к ничем не обоснованному праву одной стороны распоряжаться правами и законными интересами других сторон по тому же делу. Учитывая суспензивное и девальютивное значение кассационной жалобы, такая жалоба, например, гражданского истца или гражданского ответчика по вопросам имущественного ущерба, в случае признания приговора неделимым, будет влиять на вступление приговора в законную силу и по вопросам наказания всех осужденных по тому же делу. Вряд ли такое правило будет соответствовать идее законной силы судебного приговора. Оно не будет способствовать и укреплению стабильности судебных приговоров, совсем уже не говоря о том, что одному участнику судопроизводства будут присвоены чрезмерные процессуальные полномочия, вопреки законным интересам других сторон.

Заслуживают внимания соображения, которые по этому же вопросу в связи с проектом УПК РСФСР высказаны на страницах журнала «Советская Юстиция» членом Краснодарского краевого суда О. Лебедевым: «Если согласиться с тем, что при подаче жалобы или принесении протеста в отношении одних осужденных дело должно быть рассмотрено в кассационном порядке в отношении всех осужденных (так как приговор признается неделимым и не вступающим в законную силу в целом, при наличии обжалования лишь его части. А. Л.), то при восстановлении пропущенного кассационного срока (осужденному, своевременно не подавшему жалобы,

А. Л.) Судебная коллегия должна во второй раз рассматривать то же самое дело. При таком положении не исключается возможность вынесения двух противоположных определений по делу. Если же вынесение противоположных определений исключить, то тогда вторичное рассмотрение дела будет превращено в простую формальность... Целесообразно сохранить ныне существующий порядок, при котором рассматривается дело только в отношении лиц, подавших жалобы, или тех, в отношении которых поступил протест прокурора».¹¹

В пользу сохранения процессуальных правил делимости приговора можно высказать и ряд других соображений, но так как вопрос этот более сложен, чем кажется на первый взгляд, для более обоснованных рассуждений потребуется отдельная статья. Практические соображения об удобстве ревизионного производства (при неделимости приговора) в вышестоящей инстанции, нельзя считать по этому вопросу решающими.

При разработке институтов пятого раздела проекта УПК Латвии обсуждалась необходимость установления перечня частных определений суда, по которым допустимы частные протесты и частные жалобы отдельно от кассационного обжалования. Вопрос пока не нашел положительного решения в проекте.

Такой перечень мог бы способствовать также уяснению вопроса о законной силе частных определений суда и о приостановлении их исполнения в случае обжалования. Вполне понятно, что твердо устанавливая круг процессуальных действий суда, на которые допустима самостоятельная частная жалоба или протест, подача их должна быть обусловлена кратким сроком.

В плане самостоятельного частного обжалования действий суда можно представить себе примерно следующий круг вопросов. Такие жалоба или протест могли бы иметь место: по поводу прекращения дела или приостановления производства; обращения дела на следствие; заключения под стражу; по поводу волокиты производства; на непринятие обжалования; на непринятие гражданского иска; по поводу отказа в возобновлении срока на обжалование; по поводу наложения взысканий за неявку в суд; по вопросу направления подсудимого

---

¹¹ Обсуждение проектов Закона о судостроительстве, Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР, ж. «Советская Юстиция», 1958 г., № 1, стр. 30—31.

на принудительное лечение и досрочного освобождения подсудимого по болезни.

Что же касается иных определений суда первой инстанции, выносимых во время судебного разбирательства, закончившегося постановлением приговора, то частное обжалование их отдельно от кассационной жалобы или протеста практически трудно осуществимо. Все такие вопросы столь тесно связаны с решением дела по существу, что их трудно, почти невозможно выделить как самостоятельные, т. е. не связанные с решением дела. Да и вышестоящий суд не смог бы разобраться в таких жалобах до окончания производства, т. е. до получения дела вместе с постановленным приговором.

В проекте далее указывается, что при рассмотрении дела в суде второй инстанции вправе участвовать: прокурор, осужденный, оправданный, защитник, гражданский истец, гражданский ответчик. Однако неявка указанных лиц, своевременно извещенных о дне рассмотрения дела, не препятствует производству в суде второй инстанции. Извещение производится вывешиванием объявления о времени рассмотрения дела.

Нам представляется, что таким способом извещения о времени рассмотрения дела недостаточно гарантированы законные интересы осужденных, содержащихся под стражей. В последующей статье проекта имеется оговорка, что председательствующий по делу в суде второй инстанции может признать необходимым присутствие осужденного, о чем извещается администрация места заключения. Получается, что возможность личного осуществления защиты осужденным, заключенным под стражу, ставится в зависимость от усмотрения председательствующего. Казалось бы естественным заключенному осужденному предоставить не меньше реальных возможностей присутствовать при рассмотрении дела судом второй инстанции, чем другим заинтересованным и выше перечисленным лицам.

По практически спорному вопросу о протоколе судебного заседания суда второй инстанции в проекте как вариант предусмотрено обязательное ведение протокола.

Расширен объем безусловных оснований к отмене приговора. Приговор во всяком случае считается подлежащим отмене (дополнительно к известным правилам ст. 415 УПК РСФСР): при превышении компетенции суда, при нарушении тайны совещания судей, при неподписании приговора составом суда. Эти правила нашей судебной практикой уже соблюдаются.

В случае прекращения дела судом при наличии оснований к прекращению, приговор признается подлежащим обязательной отмене только тогда, если вынесен обвинительный приговор. Это последнее правило также отличается от п. 2 второй части статьи 415 действующего УПК РСФСР, где предусмотрена обязательная отмена приговора во всех случаях прекращения дела судом первой инстанции, если такое прекращение по закону должно было состояться.

Составители проекта считали нецелесообразным сохранять такое правило безусловной отмены приговора по указанному основанию в том случае, если суд первой инстанции вместо по закону полагавшегося прекращения дела вынес оправдательный приговор. При этом учитывалось как общественное значение оправдательного приговора, так и интересы оправданного лица.

Нельзя, конечно, не признать, что рассматриваемое новое правило находится в формальном противоречии с требованиями ст. 4 УПК РСФСР и ей соответствующей статьи проекта УПК Латвии, которые обязывают прекращать уголовное дело во всякой стадии производства при наличии законом предусмотренных оснований. Поэтому специальное правило о необязательной отмене оправдательного приговора, при наличии оснований для прекращения дела, нужно рассматривать как исключение из общих правил прекращения уголовного дела, в целях дальнейшей демократизации уголовного процесса и обеспечения процессуальных гарантий обвиняемого.

В проекте детально регламентированы правила о границах и обязательности указаний суда второй инстанции суду первой инстанции в случае отмены приговора. Эти правила соответствуют требованиям, изложенным в Руководящем указании Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 года, с последующими изменениями.

В шестом разделе проекта УПК Латвийской ССР, регулирующем вопросы исполнения приговора, изменений, по сравнению с действующим УПК РСФСР, сравнительно мало.

Если не считать отнесенных к этому разделу на наш взгляд весьма неудачных правил о вступлении приговора в законную силу, о которых уже была речь, то можно остановиться на следующих нормах.

В особой статье указано право родственников на свидание с осужденным до вступления приговора в законную силу: «До вступления приговора в законную силу народный судья или председатель суда обязан предоставить близким родствен-

никам и супругу осужденного возможность свидания с ним».

Против такого правила приходится возражать. Это как бы гуманное правило не соответствует необходимости устранения всяких обстоятельств, могущих повлиять на справедливое, соответствующее объективной истине решение дела. Ведь именно по таким соображениям не допускается особое свидание родственников с подсудимым и подсудимым. В чем же отличие осужденного, подавшего кассационную жалобу, от подсудимого, если смотреть на их положение с указанной точки зрения? Разницы здесь нет. Поиски истины по делу еще будут продолжаться.

При наличии такого обязательного правила, как выше цитированное правило проекта, можно было бы идти и еще дальше и в гуманных целях обязать следователя в обязательном порядке предоставлять родственникам встречи с подсудимыми. Но ведь в деле борьбы с преступностью вряд ли можно исходить только из уважения личных чувств родственников обвиняемого (каким не перестает быть и осужденный до вступления приговора в законную силу).

Спрашивается, чем же объяснить включение в проект УПК вышеназванного правила?

Нам представляется, что это совершенно неприемлемое, хотя и внешне гуманное правило, продиктовано наличием в проекте другой столь же неудачной нормы, — нормы о неделимости приговора. Если по воле одного из нескольких осужденных в законную силу не вступает весь приговор в целом, т. е. в положении обвиняемых остаются и те из осужденных, которые приговор обжаловать не хотят, то, конечно, неудобно распространять эту волю одного на всех других, иногда многочисленных осужденных и по вопросу их законного права на свидание с родственниками.

Обе эти нормы крайне неудачны, и в настоящем виде в проекте их не следовало бы сохранять.^{11а)}

Напротив, с другим несколько аналогичным новым правилом проекта можно вполне согласиться. Это правило гласит: «После вступления в законную силу приговора, которым осужденный приговорен к лишению свободы или ссылке, администрация места заключения обязана поставить в известность супруга или близкого родственника осужденного о том, куда

---

^{11а} Во время набора данной статьи проект видоизменен следующим образом: «До вступления приговора в законную силу народный судья или председатель суда вправе предоставить близким родственникам осужденного возможность свидания с ним».

направляется осужденный для отбытия наказания». Такое правило вполне реально, выполнимо, учитывает законные интересы близких родственников осужденного. Впрочем оно относится скорее к административному, чем процессуальному праву.

По вопросу досрочного освобождения осужденного по болезни (ст. 457 УПК РСФСР), руководствуясь Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 22 июля 1949 г., в проекте предусмотрено следующее дополнительное правило: «Если душевной или иной болезнью заболел осужденный к исправительно-трудовым работам на общих основаниях, суд выносит определение о его освобождении от дальнейшего отбывания наказания». В этом случае закон лишь закрепляет практически целесообразное и практике давно уже известное правило.

Более подробно регламентирован порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Вместо простого извещения прокурора и осужденного о рассмотрении таких вопросов в судебном заседании (ст. 462 УПК РСФСР), проект говорит о разрешении их в судебном заседании с участием прокурора, вызовом осужденного, а в случае его ходатайства и защитника.

В связи с этим понятием защитника осужденного хотелось бы попутно высказать несколько соображений.

Могло бы казаться правильным в этом последнем случае говорить не о защитнике, а о представителе интересов, ибо странным может представиться участие защитника там, где нет более обвиняемого.

Правильно ли вообще понятие «защитник осужденного»? Не противоречит ли такое понятие существу явления им обозначаемого?

Проф. М. А. Чельцов прямо говорит: «Защита является функцией вторичной, производной от функции обвинения. Где нет обвинения, нет и защиты... Она противостоит обвинению, борется с ним»¹². Примерно так же функцию защиты понимает и проф. Д. С. Карев: «Защитник — лицо, уполномоченное в установленном законом порядке представлять интересы обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь»¹³.

¹² Проф. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, изд. второе, М., 1951 г., стр. 107.

¹³ См. главу I в учебнике Советский уголовный процесс (М., 1956 г., стр. 36), написанную проф. Д. С. Каревым.

Еще более суживает понятие защитника проф. М. С. Строгович: «Защитник — это представитель подсудимого... Задача защитника — защищать подсудимого от предъявленного ему обвинения»¹⁴. Иногда в нашей литературе функция защиты связывается с презумпцией невиновности, но чаще всего в рассуждениях по этому вопросу встречаем ссылки на ст. 111 Конституции, где прямо сказано, что защита обеспечивается обвиняемому.

Из всех этих определений понятия защитника и защиты в советском уголовном процессе можно вывести суждение, что там, где нет более обвиняемого или подсудимого, где кончила свое существование презумпция невиновности, где обвинение окончательно подтверждено в законную силу вступившим приговором суда — уже речи быть не может о защите и защитнике, ибо нет более обвинения и, следовательно, защищать некого.

Этот логический вывод лишний раз доказывает, что с понятием процессуальной функции защиты и понятием защитника в нашей процессуальной теории не все обстоит благополучно. Ведь уже нашему действующему процессуальному праву известно понятие защиты и защитника осужденного после вступления приговора в законную силу (см. например ст. ст. 376 и 462 УПК РСФСР), а судебная практика надзорного производства и практика по исполнению приговора понятие защитника осужденного знает уже издавна.

И это не случайно. Уголовно-процессуальное право последовательно избегает понятия представительства, известного гражданскому процессу. Оно допускает это понятие только в связи с гражданским иском, учитывая особое правовое положение и полномочия представителя, могущего выступать вместо представляемого им субъекта права, как бы заменяя его собою. Представительство в уголовном процессе вне вопросов гражданского иска совершенно невозможно. Поэтому бессмысленно было бы говорить о «представителе» или «представителе интересов» осужденного в связи с продолжаемой уголовно-процессуальной деятельностью. Личный характер обвинения, уголовной ответственности и наказания допускает возможность не представительства, а лишь защиты. Следовательно, лицо, заботящееся о надлежащем осуществлении прав

---

¹⁴ Проф. М. С. Строгович, Процессуальное положение и процессуальные функции защитника, см. в сборнике «Защита по уголовным делам», М., 1948 г., стр. 27.

и законных интересов как обвиняемого и подсудимого, так и осужденного можно и должно именовать защитником.

Все здесь сказанное о понятии защиты и защитника относится не только к стадии исполнения приговора, но и к стадии надзорного производства и возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

«Защита осужденного», уже известная судебной практике, а в связи с предполагаемым допуском защитника в производство по пересмотру приговоров, вступивших в законную силу, еще более расширяющаяся, должна привести к изменению признанных определений функции защиты и понятия защитника и в учебной литературе по советскому уголовному процессу.

Заканчивая рассмотрение шестого раздела проекта УПК Латвии, необходимо отметить новую важную норму, предусмотренную ст. 45 проекта Основ уголовного судопроизводства СССР (1957 г.), которую предполагается включить также в текст проекта УПК, а именно — норму о возмещении ущерба лицам, незаконно привлеченным к уголовной ответственности.

Приводим полностью текст этой предполагаемой статьи:

«Лицо, оправданное судом, а также лицо, в отношении которого прекращено производство по делу, имеют право на возмещение ущерба, понесенного им вследствие незаконного привлечения к уголовной ответственности в результате злоупотребления судьи, прокурора, следователя, а также на основании заведомо ложного показания свидетеля, заведомо ложного заключения эксперта или подложных доказательств.

Порядок и условия возмещения ущерба устанавливаются законодательством ЛССР».

Статья эта сформулирована неясно и по существу является отсылочной нормой. На наш взгляд эта норма проекта Основ уголовного судопроизводства СССР требовала не ее буквального переписывания в проект УПК союзной республики, а точной регламентации правил возмещения ущерба, причиненного неправомерным привлечением к уголовной ответственности. В процессуальном законе такие правила могут быть очень простыми и ясными. Тому пример — § 298 УПК Чехословацкой республики¹⁵. Если же эту статью в ее данном виде оставить в Кодексе, то естественно потребуются инструкция либо иной подзаконный или законодательный акт с разъяснениями. На-

¹⁵ См. Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических государств, Госюриздат, Москва, 1956 г., стр. 553.

пример, потребуются разъяснения о соотношении правил приведенной статьи с производством по вновь открывшимся обстоятельствам, о том, как быть в тех случаях, когда лицо оправдывается в части обвинения, необходим ли гражданский иск для возмещения такого ущерба или оно производится иным путем и порядком, может ли быть это право предметом наследования и т. д.

Нам представляется, что ссылка в ст. 45 проекта «Основ»,^{15а} что «Порядок и условия возмещения ущерба устанавливаются законодательством союзных республик», имеет в виду именно уголовно-процессуальный кодекс союзной республики. Ведь смысл кодификации права состоит между прочим в том, чтобы консолидировать все нормы, относящиеся к данной отрасли права по возможности в одном законодательном акте — кодексе. Такая возможность в данном случае имеется; остается пожелать, чтобы составители проекта УПК Латвии ее использовали.

Говоря о стадии исполнения приговора, нельзя обойти и такой вопрос, как исчисление срока отбытия наказания, при условии нахождения осужденного под стражей до начала отбытия наказания.

Речь идет о так называемом зачете предварительного заключения. Этот вопрос проект УПК ЛССР оставил неурегулированным.

В настоящее время правило о зачете предварительного заключения регламентировано ч. 4 ст. 18 Основных начал уголовного законодательства, соответствующими статьями уголовных кодексов союзных республик (ст. 29 УК РСФСР), а также уголовно-процессуальным законодательством (ст. 343 УПК РСФСР). Единый институт раздроблен между материальным и процессуальным правом. По правовому значению и предмету регулирования, зачет предварительного заключения следует понимать как одно из правил исполнения приговора, т. е. как правило, определяющее начальный момент исполнения приговора при нахождении осужденного под стражей.

В советском праве такой зачет резко отличается от одноименного «зачета» в буржуазном праве, где зачет предварительного заключения зародился и развивался как одна из форм смягчения наказания по усмотрению суда. В советском праве зачет предварительного заключения приобрел форму

---

^{15а} Имеется в виду проект «Основ» 1957 г. В новейшем проекте 1958 года норма о возмещении ущерба лицам, незаконно привлеченным к уголовной ответственности исключена.

обязательного зачета, изъятого из усмотрения суда, и вмененного ему в прямую обязанность. Следовательно, в нашем праве зачет предварительного заключения имеет не материально правовой смысл смягчения наказания¹⁶, а должен рассматриваться как правило, разъясняющее порядок исполнения приговора. Такое правило должно найти себе место в уголовно-процессуальном кодексе, в том его разделе, нормы которого регулируют исполнение приговора.

Поэтому казалось бы правильным поместить среди первых норм шестого раздела проекта норму по своему содержанию соответствующую ст. 343 действующего УПК РСФСР, где говорится, что «Срок отбытия наказания, в виде лишения свободы, исчисляется со дня приведения приговора в исполнение. В тех же случаях, когда подсудимый при вынесении приговора был заключен под стражу, или находился под стражей в порядке предварительного заключения, срок отбытия наказания считается со дня заключения подсудимого под стражу».

Редакция этой статьи, конечно, требует улучшения, а в случае исключения соответствующих правил из Уголовного кодекса, — и значительного дополнения, но это не меняет существа поставленного вопроса.

В седьмом разделе проекта УПК Латвии регламентированы оба вида производства по пересмотру приговоров и определений, вступивших в законную силу: производство в порядке надзора и производство по вновь открывшимся обстоятельствам.

Производство в порядке надзора изложено на основании общесоюзных законодательных актов новейшего времени, с учетом некоторых не утративших значение правил действующего УПК РСФСР. Приняты во внимание правила Указов Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. (Об образовании президиумов судов) и от 25 апреля 1955 г. (О порядке рассмотрения дел президиумами судов) с изменениями, внесенными Указом ПВС СССР от 17 августа 1957 года.

Признано целесообразным кодифицировать правило о том, что каждое полномочное лицо, принесшее протест, вправе приостановить исполнение приговора, определения, постановления до рассмотрения протеста.

---

¹⁶ Ч. II ст. 29 действующего УК РСФСР относится не к зачету предварительного заключения, а к смягчению наказания и поэтому по существу стоит вне института зачета.

В этой связи можно поставить вопрос, когда считать состоявшимся принесение протеста: с момента написания и почтового отправления протеста, или с момента его получения компетентным судом? Эти два момента в случае принесения протеста прокуратурой в довольно значительной мере могут не совпадать.

Протест можно считать принесенным лишь с момента его поступления в компетентный суд, следовательно, право приостановления возникает только с этого времени.

Этот нюанс, как бы он на первый взгляд ни казался незначительным, необходимо в кодексе предусмотреть.

Учитывая возрастающую практику принесения протестов в порядке надзора, было бы целесообразно разъяснить в самом законе порядок приостановления исполнения приговора и процессуальные последствия в тех случаях, когда приговор уже обращен к исполнению. Кажется довольно странным отсутствие в проекте кодекса правил по этому весьма существенному вопросу, тогда как приостановление предварительного следствия и рассмотрения дела судом строго регламентировано. Бывают случаи, когда надзорное производство по различным надзорным инстанциям непрерывно продолжается довольно значительное время. Поэтому в связи с приостановлением исполнения приговора могут возникнуть существенные процессуальные вопросы. Например, как рассматривать время, проведенное заключенным под стражей в период приостановления исполнения приговора? Под понятие предварительного заключения оно уже не подходит, а в таком случае, как быть с зачетом такого содержания под стражей в срок отбытия наказания? Должно разумеется, что по приговору, исполнение которого приостановлено, наказание не отбывается, хотя осужденный содержится под стражей.

Возможен и ряд других вопросов.

Поводы возбуждения надзорного производства и основания отмены вступивших в законную силу приговоров, проект, как и действующее уголовно-процессуальное законодательство, особо не перечисляет. Указываются лишь возможные виды определений и постановлений суда, рассматривающего протест; они подобны кассационным определениям.

Значительные разногласия в комиссии вызвал вопрос о порядке рассмотрения дела в надзорной инстанции по некоторым вопросам, не урегулированным Указом ПВС СССР от 25 апреля 1955 года.

Предполагается при рассмотрении дела в порядке надзора к участию в судебном заседании коллегии или президиума

Верховного суда ЛССР по всем делам допускать оправданного или осужденного, его защитника, а также гражданского истца или его представителя. Эти лица должны быть своевременно извещены о дне судебного заседания.

Были возражения, что такое количество участвующих в рассмотрении дела затруднит деятельность надзорной инстанции, и предлагалось ограничить указанное правило лишь рассмотрением протестов, принесенных на оправдательные приговоры или на мягкость меры наказания.

Особого внимания заслуживает новое правило опротестования оправдательного приговора, определения и постановления суда о прекращении дела и принесения протеста в порядке надзора по мотивам мягкости меры наказания. Такие протесты допускаются лишь в течение года с момента вступления в законную силу соответствующего приговора, определения или постановления.

Это правило, имеющее целью укрепление стабильности оправдательного приговора и недопустимости *reformatio in peius* не относится к возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам, где существуют самостоятельные правила.

Ведение протокола судебного заседания надзорной инстанции в проекте не предусмотрено. Высказывались суждения о целесообразности такого протокола. Однако ведение его было признано практически неосуществимым.

В главе о возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам сохранены большинство правил действующего УПК РСФСР.

В отличие от ст. 401 проекта УПК РСФСР, рассмотрение представлений о возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам отнесено не к компетенции Президиума, а судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда. Лишь по делам уже рассмотренным Верховным судом по первой инстанции, прокурор ЛССР направляет дело с актом исследования и своим заключением в Президиум Верховного суда ЛССР. Составители проекта считали, что действующие правила (ст. 378 УПК РСФСР) практикой оправданы и поэтому решили их сохранить, дополнив одним указанным случаем рассмотрения вопроса о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам непосредственно Президиумом суда по соображениям компетенции.

Последний восьмой раздел проекта назван «Оспе производстве». Этот раздел состоит из четырех глав: 1) производство по делам несовершеннолетних; 2) производство по делам частного обвинения; 3) производство по при-

менению принудительных мер медицинского характера и 4) производство по делам о мелких несложных преступлениях, не требующих предварительного расследования.

Создавая первую главу этого раздела — особые правила производства по делам несовершеннолетних, составители проекта учитывали те немногие нормы, которые к этому вопросу относятся в нашем действующем уголовно-процессуальном праве, — известный приказ НКЮ СССР и Прокурора СССР от 11 июня 1940 года, отдельные нормы проекта УПК РСФСР, содержащие правила производства некоторых процессуальных действий по делам несовершеннолетних; приняты во внимание и новейшие законодательные акты и директивные акты Прокуратуры СССР, а также отдельные процессуальные правила производства дел о несовершеннолетних в УПК зарубежных социалистических государств. Учтена, конечно, и наша судебнo-следственная практика, настоящего и прошлого.

Но при составлении этого законопроекта его составители руководствовались главным образом насущной необходимостью особой заботы о воспитательной направленности производства по таким уголовным делам, где обвиняемыми и подсудимыми являются лица, не достигшие еще ни физической, ни умственной и нравственной зрелости. Заботой о той небольшой части нашего подрастающего поколения, которая по тем или иным причинам совершает правонарушения, становится на путь преступности, — продиктованы те особенности судопроизводства по делам несовершеннолетних, из которых состоит рассматриваемая глава проекта УПК Латвии.

Особые правила судопроизводства не являются решающим средством в борьбе с преступностью несовершеннолетних в нашей стране. Но вместе с тем такие правила, если они окажутся удачными, во многом могут способствовать как вскрытию причин этой преступности, устранению ее причин, так и исправлению несовершеннолетних, совершающих преступления. Задачей этих особых процессуальных правил, продиктованных особенностями детского и юношеского возраста, является также всемерное ограждение несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, от соприкосновения с взрослыми преступниками во время производства по делу.

Глава особого производства по делам несовершеннолетних не повторяет общих процессуальных правил; в этой главе указаны лишь отступления от общих правил.

Правила особого производства предполагается применять

к несовершеннолетним с достижения возраста уголовной ответственности и до восемнадцатилетнего возраста. В виде исключения, отдельные нормы относятся лишь к лицам, не достигшими 16-летнего возраста.

Для определения возраста несовершеннолетнего обвиняемого при отсутствии надлежащих документов проект требует назначения экспертизы. Действующее процессуальное право (ст. 141 УПК РСФСР, ст. 139 УПК Украинской ССР) для этой цели предусматривало лишь освидетельствование. По тому же пути идет проект УПК РСФСР, в ст. 169 предусматривающий для определения возраста освидетельствование несовершеннолетнего обвиняемого. Составители проекта УПК Латвии полагали, что процессуальной значимости установления возраста несовершеннолетнего соответствует обязательная экспертиза¹⁷. Самое понятие и процессуальная задача освидетельствования сводится к удостоверению особых примет обвиняемого или потерпевшего. Имеются в виду различные внешние приметы, к которым, конечно, возраст не относится.

Условием допустимости уголовного преследования несовершеннолетнего предполагалось считать достижение им к моменту совершения преступления достаточного умственного и нравственного развития, чтобы понимать общественную опасность своего деяния и соответственно с этим руководить своими действиями. Это предположение большинством членов комиссии пока отвергнуто. Предлагается по этому вопросу считать достаточным общий критерий невменяемости.

В случае прекращения уголовного дела о несовершеннолетнем за отсутствием условий уголовного преследования или в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий деяния, прокурор, при доказанности правонарушения, может направить дело в суд для применения к несовершеннолетнему меры воспитательного характера из предусмотренных уголовным кодексом Латвийской ССР.¹⁸

¹⁷ Так же на этот вопрос смотрит проф. М. А. Чельцов, см. «Советский уголовный процесс», изд. 1951 г., стр. 176.

¹⁸ Предполагалось предусмотреть в УК ЛССР следующие меры воспитательного характера: 1) предупреждение, 2) указание и 3) помещение в специальное воспитательное учреждение. Указание предполагалось сочетать с возложением особых обязанностей по учебе или труду, запрещением оставлять постоянное местожительство, посещать рестораны и т. д. с тем условием, что в случае невыполнения указаний суд решает вопрос о помещении несовершеннолетнего правонарушителя в специальное воспитательное учреждение.

Однако эти особые воспитательные меры относительно несовершеннолетних пока еще в проекте УК Латвийской ССР не нашли места.

Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего допускается лишь в исключительных случаях, когда это диктуется тяжестью совершенного преступления и другими обстоятельствами. В целях ограждения от вредных влияний несовершеннолетние, подвергнутые предварительному заключению, должны быть размещены отдельно от взрослых и осужденных несовершеннолетних в специальных учреждениях.

Предусматривается особая мера пресечения для несовершеннолетних — отдача под присмотр родителей, — с детальной ее регламентацией.

Уголовное дело в связи с деянием несовершеннолетнего может быть возбуждено независимо от возраста несовершеннолетнего. Целью возбуждения уголовного дела, при недостижении несовершеннолетним возраста уголовной ответственности, является установление обстоятельств, повлекших совершение преступления и принятие мер к устранению этих обстоятельств, выяснение ответственности воспитателей несовершеннолетнего, а также выявление возможных подстрекателей и соучастников преступления.

Органами предварительного расследования по делам несовершеннолетних признаются следователи прокуратуры, которым вменено в обязанность проводить следствие по этим делам в особо сжатые сроки.

Подчеркивается обязанность следователей при расследовании дел несовершеннолетних вскрывать причины, создавшие условия для совершения преступления и принимать меры к их устранению, а также выяснять ответственность воспитателей, устанавливая подстрекателей и соучастников преступления.

Такое правило при вдумчивом и беспрекословном его выполнении в большой мере может помочь усиленному вовлечению общественности в активную борьбу с первопричиной детской и юношеской преступности — теми внешними обстоятельствами и условиями, на почве которых эта преступность возникает.

Частное обвинение по делам несовершеннолетних не допускается.

Несовершеннолетний, не достигший шестнадцати лет, в

Целесообразно установление уголовной ответственности взрослых подстрекателей и в тех случаях, когда несовершеннолетний преступление не совершает. Необходимо также установление уголовной ответственности воспитателей несовершеннолетнего, грубо нарушивших свои обязанности, если в результате несовершеннолетний совершил преступление.

качестве обвиняемого должен вызываться через родителей или иных законных представителей, если таковые имеются. Обвиняемый, находящийся под стражей, вызывается через администрацию места заключения.

Такой порядок первичного вызова подростка в качестве обвиняемого преследует различные цели. Это правило обеспечивает своевременную осведомленность родителей о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетнего члена семьи, что с воспитательной точки зрения может иметь большое значение. Это правило имеет еще и то практическое значение, что оно может способствовать явке подростка к предъявлению обвинения. Процессуальный смысл такого порядка вызова усматривается и в обеспечении конституционного права на защиту.

Родители или опекуны своевременно смогут позаботиться о защите несовершеннолетнего с момента предъявления обвинения. Трудно предположить, чтобы, например, 14-летний обвиняемый сам мог обеспечить себе адвоката.

Следовательно, через родителей должен производиться только первый вызов несовершеннолетнего в качестве обвиняемого для предъявления обвинения. Все дальнейшие вызовы, например, с целью последующих допросов, или для ознакомления с окончанным следственным производством могут производиться непосредственно, без ущерба законным интересам несовершеннолетнего обвиняемого, делу его воспитания и защиты.

Следует признать необходимым обязательное участие защитника по делам несовершеннолетних с момента предъявления обвинения, независимо от того или иного решения этого вопроса по общим делам. Проект идет по этому пути. Отказ от защитника предполагается считать необязательным для органов следствия. Защитник обязательно должен присутствовать при предъявлении обвинения, при последующих допросах несовершеннолетнего обвиняемого, а также должен участвовать при ознакомлении обвиняемого со следственным производством, по его окончании.

Предполагается допущение присутствия защитника при следственных действиях, которые осуществляются по его ходатайству.

Защитнику предоставляется право свидания наедине с обвиняемым несовершеннолетним, находящимся под стражей.

Исходя из презумпции добросовестности советского адвоката, эти его права и обязанности будут в большой мере спо-

собствовать установлению истины по делу, и, при наличии некоторых педагогических способностей у защитника, помогут также ограждению подзащитного несовершеннолетнего от воспитательно-вредных влияний в стадии расследования.

При допросе несовершеннолетнего проект допускает присутствие педагога и родителей по усмотрению следователя. Однако присутствие педагога при допросе лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, признается обязательным. Цель в данном случае преследуется та же, что и в предыдущем.

Дела о несовершеннолетних, при подсудности их народному суду, подлежат рассмотрению особо выделенным для этой цели народным судьей. Рассмотрение происходит при закрытых дверях, с обязательным участием защитника.

Для участия в судебном заседании, как правило, должны вызываться родители, представители школы и общественных организаций, ответственных за воспитание несовершеннолетнего, а в случае необходимости — представители органов народного образования и опеки.

Судебное следствие обусловлено рядом отступлений от общих правил, диктуемых моральными и другими соображениями.

Так, например, отдельные действия судебного следствия, когда это необходимо в целях выявления истины или по воспитательным соображениям, могут производиться в отсутствие несовершеннолетнего обвиняемого. В исключительных случаях в отсутствие подсудимого могут происходить также прения сторон. Судебное следствие по делам несовершеннолетних должно обеспечивать выявление причин преступления и условий, способствовавших совершению преступления.

Особо регламентировано условное осуждение, с возложением на суд обязанностей по учету условно осужденных несовершеннолетних, и периодической проверки осуществления надзора за поведением и воспитанием осужденных со стороны органов народного образования, опеки или родителей.

Правильным с воспитательной точки зрения представляется предложение о необходимости узаконения правила о запрещении без разрешения прокурора, народного судьи или председателя суда освещать в печати ход уголовного дела о несовершеннолетнем, а также соответствующий судебный приговор. Следовало бы также лишь с особого разрешения указанных лиц допускать публикацию в печати имени несовершенно-

шеннолетнего обвиняемого. Невыполнение этих требований должно повлечь те же последствия, что при разглашении данных предварительного следствия (ст. 115 УПК РСФСР, ст. 145 проекта УПК РСФСР).

Соответствующая норма материального права по этому вопросу должна быть дополнена.

В норме, регулирующей производство по досрочному освобождению осужденного несовершеннолетнего предполагалось установить следующие новые правила, которые однако в проект пока не включены.

При досрочном освобождении предполагалось обязать суд выяснять обеспеченность трудоустройства и дальнейшего воспитания несовершеннолетнего. Прокурор по делам несовершеннолетних в свою очередь мог бы вести учет досрочно освобожденных и в течение года проверять обеспеченность трудоустройства и воспитания досрочно освобожденного. При осуществлении проекта о создании особых комиссий по делам несовершеннолетних, эти функции конечно могут быть возложены и на них.

Вторая глава раздела особых производств регламентирует производство по делам частного обвинения. В этой главе обобщены все правила, относящиеся к делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе потерпевшего — частного обвинителя. До сих пор эти особые правила были разбросаны по различным разделам и главам кодекса, что иногда затрудняло практическое их применение.

По сравнению с действующими на территории Латвии нормами УПК РСФСР, в рассматриваемой главе имеется ряд новелл.

Вот наиболее существенные из них.

Если прокуратурой или народным судом, в целях охраны государственного или общественного интереса или прав отдельных граждан, будет признано необходимым, дело частного обвинения рассматривается на общих основаниях, и, в случае примирения потерпевшего с обвиняемым, прекращению не подлежит.

Это правило дает возможность прокуратуре и суду по выше указанным соображениям делу частного обвинения сообщать совершенно иной характер — характер публичного обвинения. Процессуальные последствия таких возможностей могут быть очень велики. Между прочим, они смогут выражаться и в прекращении уголовного дела, первоначально возникшего на почве частного обвинения. Таким образом, без приуменьшения значимости особенностей дел частного обви-

нения, предоставится возможность усиленной защиты общественного интереса и в виде пресечения иногда бесконечно продолжающихся жалоб отдельных кверулянтов по какому-либо незначительному вопросу.

В случае смерти потерпевшего производство по делу частного обвинения прекращается определением суда, однако близким родственникам потерпевшего в течение года с момента прекращения дела предоставлено право ходатайствовать о возобновлении прекращенного дела в случаях оскорбления и клеветы.

Примирения по делам частного обвинения проект ограничивает моментом окончания судебных прений. Эту новеллу не следует понимать как лишнее препятствие на пути примирения потерпевшего с обвиняемым, но как обеспечение стабильности судебного приговора. Как известно, действующее уголовно-процессуальное право союзных республик устанавливало различные преклюзивные сроки примирения.

По ст. 10 УПК РСФСР примирение допускалось до вступления приговора в законную силу, т. е. было возможно и после провозглашения приговора и даже еще в кассационной инстанции. Таким образом, законная сила судебного приговора ставилась в зависимость от усмотрения частных лиц — потерпевшего и обвиняемого. Хотя такие случаи примирения после провозглашения приговора в судебной практике Латвийской ССР очень редки, все же самая эта возможность отрицательно сказывается на авторитете суда и провозглашенного приговора.

Проект предполагает узаконить совместное разбирательство основного и встречного частного обвинения. Такое «совместное» судебное разбирательство не согласуется с строгой определенностью правового положения субъектов процессуальной деятельности: обвиняемый при совместном рассмотрении его жалобы с первоначальной жалобой потерпевшего, выступает также в роли обвинителя, а первоначальный потерпевший сам ставится в положение обвиняемого. Однако судебные работники Латвийской ССР признают совместное рассмотрение обеих жалоб практически наиболее приемлемым.

По остальным вопросам частного обвинения проект следует действующим процессуальным правилам, излагая их более детально и последовательно.

Третья глава раздела особого производства посвящена производству по применению принудительных мер медицинского характера.

Этот особый вид производства в нашем уголовно-процес-

суальном законодательстве регламентируется впервые. Несмотря на пробел закона, судебная практика уже выработала довольно однообразные процессуальные формы по применению принудительных медицинских мер к невменяемым лицам, совершившим преступления, и представляющим собою опасность для общества. Практическая ориентировка в этом вопросе была облегчена некоторыми ведомственными директивными указаниями, Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 13 июля 1944 г. по делу Данилова, и особо «Инструкцией о порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших преступления», от 31 июля 1954 года.

Таким образом, законодателю оставалось лишь считаться с установившейся судебной практикой и соответственно построить и систематизировать нормы процессуального права.

В настоящее время наиболее спорным в рассматриваемом институте можно считать лишь один вопрос, а именно: кто должен прекращать уголовное дело, направляемое следственными органами в суд на предмет применения к невменяемому принудительных медицинских мер — сами следственные органы или суд?

Проект УПК РСФСР этот вопрос решает в пользу следователя, который в том случае, когда при производстве предварительного следствия будут собраны достаточные данные, указывающие, что привлеченное или подлежащее привлечению в качестве обвиняемого лицо совершило преступление в состоянии невменяемости или заболело хронической душевной болезнью, исключающей применение наказания, после совершения преступления, — должен выносить постановление о прекращении уголовного производства. Затем следователь составляет постановление, указывая основания для применения судом принудительных мер медицинского характера и направляет все дело прокурору, а этот последний — в суд (ст. 406 и ст. 407 проекта УПК РСФСР). Далее, по проекту УПК РСФСР, в суде осуществляется особое производство по применению указанных мер.

С таким решением вопроса нельзя согласиться по той простой причине, что оно искусственно создает два производства по одному делу: уголовное производство в следственных органах с прекращением дела и последующее производство в суде по применению принудительных медицинских мер. Дело в том, что суд не занимается каким-либо новым предметом, а именно возбужденным уголовным делом, проверяет правиль-

ность и обоснованность всех выводов следствия (наличие преступного деяния, совершение его невменяемым, наличие самой невменяемости, общественную опасность этого лица и т. д.), без чего суд не имеет права применять к невменяемому принудительной медицинской меры.

Если конкретное уголовное дело прекращено следственными органами, суд уже этими вопросами уголовного дела заниматься не может. Поэтому следует считать правильным предоставление суду возможности проверки всех материалов предварительного следствия с последующими выводами — прекращением дела и применением (или неприменением) к невменяемому принудительной меры медицинского характера.

Так этот вопрос и решает проект УПК Латвийской ССР.

Можно лишь отметить, что так же на вопрос смотрит большинство ученых и практиков, высказавшихся по этой проблеме.¹⁹

Из остальных правил этой главы можно назвать следующие.

Защитник невменяемого подследственного на предварительном следствии допускается или приглашается следователем с момента составления постановления об окончании следствия и направлении дела в суд для применения к невменяемому принудительных мер медицинского характера. Это единственный возможный момент вступления защитника в стадию предварительного расследования, ибо отсутствует момент предъявления обвинения. Защитник невменяемого в данном случае при окончании предварительного следствия по крайней мере столь же необходим как по делам несовершеннолетних или лиц, неспособных лично ориентироваться в окружающих явлениях (глухих, немых, слепых и т. п.).

Судебное разбирательство по данной категории дел должно происходить с обязательным участием прокурора и защитника. На наш взгляд, оно должно было бы происходить в условиях негласности, т. е. при закрытых дверях. К сожалению, проект УПК Латвийской ССР этого не предусматривает.

Суд должен установить на судебном следствии и разре-

---

¹⁹ См. проф. М. Чельцов, Советский уголовный процесс, изд. 1951 г., стр. 362; доцент Л. М. Якуб — в учебнике «Советский уголовный процесс» 1956 г. под редакцией проф. Д. С. Карева, стр. 296 и 298; доцент Э. С. Зелксон, Процессуальный порядок применения принудительных мер медицинского характера, Алма-Ата, 1957 г., стр. 19; О. Гаврилов, «Процессуальный порядок применения к невменяемым мерам медицинского характера» (ж. Социалистическая законность», № 11, 1955 г., стр. 29—34).

шить своим определением следующие вопросы: 1) имело ли место общественно-опасное деяние; 2) совершено ли это деяние лицом, о котором рассматривается дело; 3) является ли это лицо невменяемым; 4) является ли общественно-опасным лицо, признанное невменяемым, и подлежит ли применению принудительная мера медицинского характера и какая именно.

Право обжалования определения суда в проекте предоставлено также законным представителям невменяемого, близким родственникам и супругу. Этим же лицам предоставлено также право возбуждать ходатайства об отмене или изменении принудительных мер медицинского характера.

Нам представляется, что этими правилами обеспечивается как соблюдение общественного интереса ограждения от общественно опасного невменяемого, совершившего преступление, так и соблюдение его законных интересов и прав его близких родственников.

Четвертая глава рассматриваемого раздела регламентирует производство по делам о мелких несложных преступлениях, не требующих предварительного расследования.

При разработке норм этого особого производства комиссия руководствовалась несколькими соображениями. Было признано целесообразным несколько упростить и ускорить рассмотрение уголовных дел по таким видам преступлений как мелкое хулиганство, мелкое хищение, мелкая кража, мелкая спекуляция, сопротивление органу власти, угон и незаконное использование автомашин, умышленная порча и повреждение имущества, самогоноварение и др. Было признано далее, что по этому кругу дел в случаях непосредственного задержания лиц, совершивших соответствующее мелкое преступление, при условии достаточности доказательств, исполнение всех формальностей предварительного расследования часто создает лишь ненужную волокиту. Долгие сроки следствия по таким делам в отдельных случаях способствуют созданию вымышленных версий обвиняемыми и привлечению ими к делу искусственно созданных доказательств. Такие мелкие несложные уголовные дела кроме всего прочего излишне загромождают следственный аппарат.

Это и привело к мысли о целесообразности создания особых, несколько упрощенных процессуальных правил для производства по мелким и несложным делам по выше перечисленным видам преступлений.

Составители проекта однако считали, что упрощение и ускорение производства все же ни в коем случае не должно

происходить за счет снижения или упразднения советскому уголовному процессу присущих процессуальных гарантий.

В итоге создана совершенно новая глава проекта процессуального кодекса, посвященная рассматриваемым вопросам. Вот ее краткое содержание.

Условиями рассмотрения дел в порядке данного особого производства признаются следующие: мелкость и несложность деяний из выше перечисленного круга преступлений, задержание лиц их совершивших на месте преступления, тотчас после его совершения или поимка их с поличным и достаточность доказательств.

При этих условиях органы милиции составляют лишь протокол задержания, возбуждают уголовное дело, формулируют обвинение, протоколируют объяснения задержанного и с представлением начальника отдела милиции направляют задержанного непосредственно в народный суд. Одновременно в суд доставляются вещественные и иные доказательства, а также по возможности свидетели.

Признав представленные доказательства достаточными, народный судья назначает дело к немедленному рассмотрению, в противном же случае направляет дело для расследования в общем порядке.

Судебное разбирательство по делам, принятым к немедленному рассмотрению, происходит на общих основаниях, с тем исключением, что вместо обвинительного заключения оглашается формулировка обвинения.

Если при рассмотрении дела подсудимый в опровержение предъявленного ему обвинения укажет на существенные обстоятельства, которые нет возможности проверить в суде, слушание дела откладывается и дело должно быть передано для расследования и судебного разбирательства в общем порядке.

Дальнейшее производство по делу происходит на общих основаниях. —

При составлении этого законопроекта со стороны народных судей были высказаны соображения о практических трудностях его осуществления, однако принципиальных возражений не нашлось. Положительную оценку этот вид особого производства получил также на Межвузовском научном совещании прибалтийских республик по вопросам кодификации (3—5 июля 1958 г.) в г. Тарту (Эстония). Все же, учитывая резкое отступление от общих правил судопроизводства, которое имеет место в особом производстве «по делам о мелких несложных преступлениях, не требующих предварительного расследова-

ния», было бы весьма желательно услышать мнение по возможности большего количества компетентных лиц, до претворения этого проекта в закон.

Заканчивая изложение вопросов особого производства по проекту УПК Латвии, нельзя не отметить, что весь восьмой раздел проекта как бы не соответствует идее создания единого производства по уголовным делам. Однако это несоответствие лишь внешнее. По существу большинство правил, выделенных проектом УПК Латвийской ССР в раздел особых производств, до сих пор были разбросаны по другим разделам кодекса. Но они ведь существовали и без них нельзя было и нельзя будет впредь обойтись.

Распыление правил о производстве например по делам несовершеннолетних или по делам частного обвинения в различных разделах и главах усложняет практическое пользование ими и нарушает единство построения и нормативного содержания кодекса. Поэтому в целях обеспечения полного единства общих правил судопроизводства, большей систематичности построения кодекса, облегчения практического пользования им, а также с целью обеспечения возможностей более детальной разработки процессуальных норм специфического производства — на наш взгляд можно лишь приветствовать систематизацию исключительных правил в особом разделе. Это не нарушает, а укрепляет единство общих процессуальных правил, очищенных от различных оговорок.

Создан проект нового уголовно-процессуального кодекса Латвии, которому предстоит еще пройти не малый путь в огнях перекрестного обсуждения. В неполный двухлетний срок конечно трудно создать столь обширный законопроект, совершенно свободный от изъянов и недоработок, даже при использовании в процессе работы опыта уже ранее законченных проектов УПК других союзных республик.

Поэтому будет полезно всякое замечание, поступившее хотя бы на основании ознакомления с наиболее существенными новеллами проекта, лишь бегло изложенными в настоящей статье.

М. И. Блум
Кандидат юридических наук

СИСТЕМА И МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРОЕКТЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Проблема кодификации законодательства приобретает особое значение в свете решений шестой сессии Верховного Совета СССР, принявшей закон об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятии гражданского, уголовного и процессуальных кодексов.

Расширение законодательных функций союзных республик является новым доказательством укрепления их суверенитета. Оно ставит перед всеми союзными республиками важные задачи в области кодификации республиканского законодательства. Разработка проектов республиканских кодексов — огромная работа государственной важности.

В процессе разработки проекта уголовного кодекса Латвийской ССР возникло множество проблем, которые должны быть разрешены общими усилиями ученых и практических работников органов прокуратуры и суда республики путем глубокого анализа действующего законодательства союзных республик и стран народной демократии и изучения и обобщения прокурорско-судебной практики республики.

Поэтому проблемы кодификации должны стать в центре внимания юридической общественности нашей республики. Следует при этом отметить, что разрешение вопросов кодификации связано с теоретической разработкой отдельных уголовно-правовых институтов и понятий.

В данной статье мы имеем в виду осветить только одну проблему, связанную с построением особенной части проекта уголовного кодекса Латвийской ССР — определить систему и место преступлений против социалистической собственности в особенной части Уголовного кодекса Латвийской ССР.

Вопрос о системе и месте преступлений, направленных против социалистической собственности, является одним из

важных вопросов системы уголовного кодекса, ибо «в этой проблеме сконцентрированы вопросы принципиального отношения к будущему советскому законодательству как законодательству социалистического общества».¹

1. Говоря о построении главы, посвященной преступлениям против социалистической собственности, необходимо первым делом уточнить наше отношение к главе «Имущественные преступления». Мы считаем неприемлемой для уголовного кодекса Латвийской ССР главу об имущественных преступлениях в прежнем объеме, т. е. существовавшую в Уголовном кодексе РСФСР и уголовных кодексах других союзных республик до издания двух указов от 4 июня 1947 года, в которой посягательства на социалистическую собственность были предусмотрены наряду с преступлениями против личной собственности граждан.

Создание единой главы имущественных преступлений, на наш взгляд, противоречит основному принципу построения системы особенной части Советского уголовного кодекса. Стержневой вопрос системы особенной части уголовного кодекса союзной республики, т. е. вопрос о том, что должно служить основой для ее построения, в советской теории уголовного права не вызывает разногласий. Такой основой является групповой или специальный объект преступлений, т. е. определенные комплексы социалистических общественных отношений, охраняемые соответствующей группой уголовно-правовых норм, предусматривающих наказание за посягательства на эти общественные отношения.

Объединение в одной главе различных по существу и по степени общественной опасности преступлений, какими являются посягательства против социалистической собственности и против личной собственности граждан вряд ли можно считать оправданным. Следует признать правильным тот путь, по которому пошли уголовные кодексы Народной республики Албании и Болгарии, отказавшись от единой главы имущественных преступлений.²

Как известно, глава об имущественных преступлениях в Уголовном кодексе РСФСР и уголовных кодексах других

---

¹ Проф. М. Шаргородский, «Система особенной части Уголовного кодекса СССР». «Социалистическая законность», 1947 г., № 6, стр. 3—4.

² Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Народная республика Албания. Народная республика Болгария, Германская демократическая республика. М., 1956 г., стр. 20—21, стр. 70—71.

союзных республик до издания общесоюзных законов строилась с учетом способа посягательства на социалистическую собственность и личную собственность граждан: кража, грабеж, разбой, присвоение, вымогательство и т. д.

С таким порядком расположения норм, предусматривающих ответственность за посягательства на личную собственность граждан, можно вполне согласиться.

Степень опасности различных посягательств на личную собственность граждан определяется в основном способом или формой посягательства. Как правило, мошенничество опаснее присвоения, вымогательство опаснее мошенничества, кража, грабеж и разбой завершают эту лестницу имущественных преступлений. Степень опасности каждого из этих посягательств на личную собственность граждан определяется также характером средств, употребляемых виновным, местом и временем его совершения. Все эти обстоятельства должны быть учтены законодателем при определении наказания за посягательства на личную собственность граждан.

Следует также учесть, что способ посягательства не применим в качестве критерия для систематизации посягательств на социалистическую собственность, ибо гораздо более существенным критерием для определения степени общественной опасности посягательств на социалистическую собственность по сравнению со способом действия являются особенности предмета посягательства, т. е. совершено ли крупное, незначительных размеров или мелкое хищение. Имеют значение и другие моменты, например, организованный характер хищения, систематичность, доступ лица к социалистическому имуществу, должностное положение и др.

При определении степени опасности посягательства на социалистическую собственность некоторое значение имеет и способ действия, однако и этот признак не сближает посягательства на социалистическую собственность с посягательствами на личную собственность граждан. В качестве примера можно сослаться на присвоение, как один из способов посягательства на социалистическую собственность и личную собственность граждан. В то время как присвоение личного имущества граждан является наименее опасным среди имущественных преступлений, часто находящимся на грани гражданско-правового нарушения и уголовного преступления, присвоение государственного и общественного имущества является одним из наиболее опасных посягательств на социалистическую собственность. Поэтому способ посягательства не может быть признан основой для построения системы имуществен-

ных преступлений в целом. Он пригоден только для систематизации преступлений против личной собственности граждан.

Сохранение системы главы об имущественных преступлениях Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. и соответствующих кодексов других союзных республик вызывает и некоторые другие возражения.

Поскольку не подлежит сомнению, что любое посягательство на социалистическую собственность более опасно, чем такое же посягательство на личную собственность граждан, следует считать ничем неоправданным существовавшее в ныне действующих уголовных кодексах союзных республик положение, когда только кража государственного и общественного имущества и мошенничество, причиняющее ущерб государственным и общественным предприятиям и учреждениям, наказывались строже чем такие же посягательства на личную собственность граждан. Посягательство на социалистическую собственность, совершенное путем грабежа, разбойного нападения, вымогательства и другим путем наказывалось также, как такое же посягательство на личную собственность граждан. Повышенная степень общественной опасности посягательств на социалистическую собственность не находила отражения в целом ряде норм. Этот пробел мог бы быть восполнен путем внесения соответствующих дополнений в статьи, предусматривающие ответственность за грабеж, разбой, вымогательство и т. д., с тем, чтобы была отражена повышенная опасность посягательства на социалистическую собственность.

Этот путь неизбежно привел бы к такой системе имущественных преступлений, в которой любое посягательство на социалистическую собственность рассматривалось бы в качестве квалифицированного вида посягательства на личную собственность граждан.

С такой постановкой вопроса нельзя согласиться. Квалифицированным преступлением следует считать преступление, выделенное законом из ряда других, ему подобных. Это означает, что в качестве квалифицированного вида преступления в сравнении с неквалифицированным его видом может быть признано то же преступление, только при наличии предусмотренных в законе признаков, свидетельствующих о его повышенной общественной опасности. Подобными могут быть признаны только преступления, посягающие на один и тот же объект. Только среди преступлений, посягающих на один и тот же объект, могут быть выделены менее и более квалифицированные в зависимости от характера причиненного объекту

ущерба, от способа действия лица, от степени опасности самого посягающего и целого ряда других признаков, которые определяются законом. Преступления же против социалистической собственности и личной собственности граждан посягают на различные объекты и поэтому не могут быть сопоставлены в качестве более или менее квалифицированных.

Нельзя не отметить также, что все возможные способы хищения государственного и общественного имущества не могут быть заранее предусмотрены законодателем, и некоторые из них, не перечисленные в самом законе, и не подпадающие под трафаретный перечень имущественных преступлений, неизбежно останутся вне системы имущественных преступлений.

Авторы, которые считают необходимым сохранить единую главу об имущественных преступлениях и ее прежнюю систему, отказываются по существу от единого понятия хищения государственного и общественного имущества.

Чем вызван такой отказ? На этот вопрос мы не находим ответа на страницах юридической печати. В монографиях, посвященных анализу действующего законодательства по борьбе с хищениями социалистического имущества, вопрос о необходимости сохранения понятия хищения социалистического имущества под сомнение не ставится и с точки зрения кодификации будущего уголовного законодательства союзных республик не разрешается. Мы полагаем, что авторы, высказывающиеся за объединение преступлений против социалистической и личной собственности граждан в единой системе имущественных преступлений, руководствуются исключительно интересами укрепления социалистической законности, учитывая те затруднения, с которыми встречалась и по сей день встречается судебная практика при применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Поэтому, с нашей точки зрения, вопрос должен быть поставлен таким образом: оправдало ли себя развивавшееся в течение десятилетий и окончательно утвердившееся в Советском уголовном законодательстве 4 июня 1947 года понятие хищения государственного и общественного имущества или от него следует отказаться, как не оправдавшего себя и не способствующего укреплению социалистической законности и успешной борьбе с расхитителями социалистического имущества?

Поскольку правильность каждой юридической категории, каждого понятия может быть проверена только на практике, то вопрос о том, следует ли сохранить понятие хищения социалистического имущества, должен быть рассмотрен с этих же позиций.

Понятие хищения государственного и общественного имущества глубоко укоренилось в сознании миллионов Советских людей, оно соответствует правосознанию советских людей, воспитывавшихся на принципах, заложенных в Советской Конституции и прочих законодательных актах. Под расхитителем понимается паразит, живущий на счет общенародного добра, нарушающий социалистический принцип распределения материальных благ, наживающийся на труде честных граждан.

Под хищением в народе понимается воровство, присвоение преимущественно общественного имущества.

Говоря о посягательстве на личную собственность граждан, этим понятием не пользуются, а говорят о краже, грабеже, вымогательстве, мошенничестве и других способах похищения.

Поэтому для каждого советского гражданина понятие хищения наполнено определенным содержанием, с ним связана и определенная отрицательная оценка действий лица, определенная реакция общества. Укоренившееся понятие способствует созданию моральной атмосферы бойкота вокруг расхитителей социалистического имущества, и уже с этой точки зрения оно нужно, полезно.

Понятие хищения социалистического имущества себя оправдало и теоретически. Оно вызвано к жизни практикой борьбы с этим явлением на различных этапах строительства социализма, продиктовано борьбой с различными проявлениями сопротивления классово-враждебных элементов, мелкобуржуазных элементов, а также трудящихся, не освободившихся от мелкобуржуазной и рваческой психологии. Хищение государственного и общественного имущества принимало разнообразные формы: непманы пользовались совсем другими приемами, чем это делали кулаки в период коллективизации. Однако и после ликвидации эксплуататорских классов формы хищения во многом меняются, приспособляясь к изменениям и развитию структуры хозяйственной организации, ее отчетности, ее организационному подчинению и т. д. Этого нельзя сказать о посягательствах на личную собственность граждан, где меняются только методы действия преступников, методы совершения тех же краж, мошенничества и других преступлений.

Десятилетие применения Указа дает возможность сделать вывод о том, что понятие «хищение государственного и общественного имущества» себя полностью оправдало; его превентивное значение нельзя переоценить. Что же касается трудностей, связанных с определением понятия хищения и ограничением состава хищения от смежных с ним составов, то они не являются непреодолимыми и не могут рассматриваться как органически вытекающие из понятия хищения, как понятия нечеткого, расплывчатого и потому неприемлемого. Наоборот, трудности возникают именно из-за отсутствия определения понятия хищения в действующем законодательстве.

Определение понятия хищения государственного и общественного имущества и должно быть дано. Оно должно быть дано самим законодателем, причем определение совершенно четкое, и это будет способствовать укреплению социалистической законности.

Мы полагаем, что в Уголовном кодексе Латвийской республики должно быть сохранено понятие хищения государственного и общественного имущества, охватывающее всевозможные способы и формы изъятия, завладения и присвоения социалистического имущества. Тем самым мы отвергаем главу об имущественных преступлениях, известную законодательству союзных республик до принятия указов от 4 июня 1947 года, система которой была построена в зависимости от способа посягательства.

Однако возможно и иное построение главы об имущественных преступлениях, как это сделал Уголовный кодекс Чехословацкой республики. Последний предусматривает главу «Имущественные преступления», в которой объединены посягательства на социалистическую собственность и на личную собственность граждан, однако в нем сохранено понятие хищения социалистического имущества.

В главе «Имущественные преступления» Уголовного кодекса Чехословацкой республики первые параграфы посвящены преступлениям против социалистической собственности под общим заглавием «Расхищение и повреждение национального имущества и имущества народных кооперативов». В § 245 дается общее понятие расхищения национального имущества и имущества народных кооперативов, родовое для всевозможных способов завладения государственным и общественным имуществом, обращения доверенного имущества в свою собственность или иного незаконного обогащения в ущерб такому имуществу. Законодатель отказался от выделения отдельных составов хищения в зависимости от способов

посягательства, предусмотрев только ответственность за квалифицированные виды хищения социалистического имущества (совершение хищения в виде промысла, причинение значительного ущерба должностным лицом или иные особо отягчающие обстоятельства).

Затем в главе определяется ответственность за умышленное и неосторожное уничтожение или повреждение социалистического имущества.

Вслед за этими параграфами в данной главе размещены в зависимости от способа посягательства нормы, предусматривающие ответственность за различные формы хищения и уничтожения личного имущества граждан (кража, злоупотребление доверием, мошенничество и т. д.) в том обычном порядке, в котором строятся главы об имущественных преступлениях.

Таким образом, глава об имущественных преступлениях в УК Чехословацкой республики по существу лишена единой внутренней системы, приемлемой для расположения преступлений против социалистической собственности и против личной собственности граждан. Отказ от единой системы имущественных преступлений свидетельствует о том, что существование такой единой главы не оправдано. Речь идет о различных преступлениях, объединенных в одной главе не по внутреннему смыслу и логике, а чисто механически расположенных рядом.

Уголовные кодексы других стран народной демократии за исключением Югославии отказались от объединения в одной главе посягательств на социалистическую собственность и личную собственность граждан, что нам представляется правильным. Мы считаем необходимым из главы «Имущественные преступления» исключить нормы, определяющие ответственность за посягательства на социалистическую собственность, оставив в этой главе только различные посягательства на личную собственность граждан.

В этом случае правильнее было бы назвать эту главу «Преступления против личной собственности граждан», что больше будет соответствовать ее содержанию.

2. Преступления против социалистической собственности могут быть объединены в самостоятельную главу и, с нашей точки зрения, должны быть объединены в самостоятельную главу, если Особенную часть Уголовного кодекса Латвийской ССР строить по главам. Так поступили многие страны народной демократии, по этому пути пошли и разрабатывавшиеся в свое время проекты УК СССР.

Такую систему предлагают многие советские криминалисты.³

На страницах наших журналов высказывались некоторые опасения в отношении того, «что при выделении отдельной главы о посягательствах на социалистическую собственность в нее пришлось бы, если быть последовательным, включить не менее одной трети всех статей кодекса».⁴ Нам представляется, что для такого опасения нет никаких оснований.

В эту главу, как мы покажем ниже, следует включить вполне ограниченный круг преступлений. Эта глава не должна быть слишком обширной, но способной охватить все посягательства на социалистическую собственность.

Однако возможен и другой путь построения особенной части уголовного кодекса: разделение особенной части на разделы, объединяющие две и больше глав.

Такое предложение было выдвинуто в нашей литературе и, с нашей точки зрения, вполне приемлемо.

В этом случае было бы правильным в одном из разделов предусмотреть посягательства на социалистическую собственность и социалистическую систему хозяйства. Такое построение особенной части Уголовного кодекса Латвийской ССР, на наш взгляд, больше соответствует задачам советского уголовного права, вытекающим из неразрывно связанных между собою функций Советского государства — функции охраны социалистической собственности и хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции.

Следует помнить слова В. И. Ленина, сказанные им в период становления социалистической собственности.

«Одной конфискацией, — указывал В. И. Ленин, — ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения.»⁵ Этим подчеркивалась необходимость такой хозяйственно-организаторской деятельности, кото-

---

³ См. В. С. Тадевосян, К разработке проекта УК СССР, «Советское государство и право», 1954 г., № 4, стр. 77; М. Шаргородский, Система Особенной части Уголовного кодекса СССР, «Социалистическая законность», 1947 г., № 6, стр. 6; Д. Юровский, Кодификация уголовного законодательства Украинской ССР, «Социалистическая законность», 1957 г., № 12, стр. 15; Е. А. Андрусенко и М. Шуллаев, Некоторые вопросы системы особенной части уголовного кодекса Таджикской ССР. «Вопросы кодификации законодательства Таджикской ССР», Сталинабад, 1957 г., стр. 115.

⁴ В. Дмитриев, Построение Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР, «Социалистическая законность», 1946 г., № 11—12, стр. 42.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 83.

рая бы обеспечила рост перешедшего в руки социалистического государства имущества капиталистов. Высокий уровень хозяйственно организаторской и культурно-воспитательной работы обеспечивает рост социалистической собственности и ее охрану.⁶

Общность правового регулирования и охраны социалистической системы хозяйства и охраны социалистической собственности на орудия и средства производства и предметы потребления нашло свое отражение во многих правовых актах.

Правильная организация хозяйства в любом государственном и общественном предприятии, организации или колхозе обеспечивает укрепление социалистической собственности, ее рост и устраняет саму возможность расхищать государственное или общественное имущество или наносить иной ущерб социалистической собственности.

Проведенная реорганизация управления промышленностью и строительством, направленная на обеспечение неуклонного подъема народного хозяйства, тем самым способствует росту и охране социалистической собственности, ибо повышение уровня хозяйственно-организаторской работы является залогом умножения и охраны социалистической собственности.

Охрана социалистической собственности должна рассматриваться не только в узко уголовно-правовом аспекте — как охрана государственного и общественного имущества от расхищений, а более широко — как охрана ее от бесхозяйственного использования, от причинения ущерба социалистической собственности в результате неправильного использования социалистического имущества.

Совершенно прав проф. А. В. Венедиктов, указывая, что все основные правовые институты, регулирующие социалистическую систему хозяйства, неразрывно связаны и переплетаются с институтом права социалистической собственности, что, действуя в системе советского социалистического права рядом с правом социалистической собственности и будучи сами обусловлены им, они в свою очередь обеспечивают социалистическому государству, как субъекту права всенародной собственности, возможность наиболее полного осуществления права собственности на принадлежащие им объекты — в соответст-

---

⁶ См. подробно у А. В. Венедиктова Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М.—Л., 1954 г., стр. 16—40.

вии с интересами социалистического общества и всех трудящихся.⁷

В период постепенного перехода от социализма к коммунизму особенно возрастает роль хозяйственно-организационных мероприятий партии и государства, направленных на охрану, укрепление и умножение социалистической собственности.

Единство задач борьбы за охрану, укрепление и дальнейшее развитие социалистической собственности и всей социалистической системы хозяйства должно найти отражение не только в взаимосвязи правовых норм, регулирующих отношения социалистической собственности и всю систему социалистических производственных отношений в целом, но и в взаимосвязи средств борьбы, в том числе и уголовно-правовых, с посягательствами на социалистическую собственность и социалистическую систему хозяйства.⁸

Этими соображениями мы руководствуемся, когда предлагаем объединить в одном разделе особенной части будущего Уголовного кодекса Латвийской ССР преступления против социалистической собственности с преступлениями против социалистической системы хозяйства. В этом разделе должны быть объединены все посягательства на экономическую основу Советского государства (ст. 4 Конституции СССР).

Такая точка зрения в юридической литературе уже высказывалась.⁹ Группа авторов предлагала при построении системы Особенной части советского уголовного права выделить в самостоятельную главу, вместе с посягательствами на социалистическую собственность, посягательства на другую часть экономической основы социалистического государства — на социалистическую систему хозяйства. Однако эти авторы считают посягательствами на социалистическую систему хозяйства только такие преступления как нарушение монополии внешней торговли, нарушение закона о национализации земли, разбазаривание колхозных земель, выпуск недоброкачественной продукции, спекуляция и др., а целый ряд прочих преступлений, посягающих на социалистическую систему хозяйства, исключают из этой главы и предлагают объединить их в

⁷ См. А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М.—Л., 1954 г., стр. 28.

⁸ Там же, стр. 15.

⁹ См. Вопросы системы общей и особенной части социалистического уголовного права. «Советское государство и право», 1950 г., № 10, стр. 32—36; В. М. Чхиквадзе, Некоторые вопросы советского уголовного права в связи с разработкой проекта уголовного кодекса СССР, «Советское государство и право», 1954 г., № 4, стр. 68.

самостоятельную группу преступлений, нарушающих правильное функционирование и развитие социалистического хозяйства.

К этой группе причисляются все преступления в области промышленности, в области землепользования, сельского и лесного хозяйства, в области транспорта, торговли и промыслов, а также преступления в области финансов, налогов и обязательных поставок.

Такое раздвоение мотивируется тем, что все перечисленные преступления посягают на интересы отдельных отраслей социалистического хозяйства, но не связаны с возможностью причинения ущерба основам социалистического хозяйства.

Не имея возможности в рамках данной работы более подробно остановиться на системе преступлений против социалистической системы хозяйства, считаем возможным все же не согласиться с таким, на наш взгляд, искусственным делением преступлений в области социалистического хозяйства, по существу посягающих на социалистическую систему хозяйства, ибо нарушение правильного функционирования и развития хотя-бы отдельных отраслей социалистического хозяйства и есть посягательство на социалистическую систему хозяйства.

За исключением тех преступлений, которые должны быть причислены к государственным преступлениям, все прочие преступления против социалистической системы хозяйства должны быть объединены в одном разделе с преступлениями против социалистической собственности.

Представляется более правильным предложение В. М. Чхиквадзе, объединившим в одном разделе преступления против социалистической собственности и все преступления против социалистической системы хозяйства.

Однако мы не согласны с предложенным проф. Чхиквадзе построением самого раздела, в котором из девяти глав только две отводятся преступлениям, посягающим непосредственно на социалистическую собственность. В предлагаемой проф. Чхиквадзе системе не соблюдено единство систематизации глав в рамках данного раздела, поэтому представляется более правильным разбить раздел, посвященный преступлениям против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, всего на две самостоятельные главы: преступления против социалистической собственности и преступления против социалистической системы хозяйства. Такое построение раздела даст возможность учесть специальный объект посягательства каждой из этих двух групп преступлений, лучше учесть степень общественной опасности преступ-

лений против социалистической собственности, в особенности опасность хищения государственного и общественного имущества, обеспечит стройность системы. Особой частью и облегчит пользование кодексом. Выделение самостоятельной главы, посвященной преступлениям против социалистической собственности, будет иметь и большое воспитательное значение. В ней найдет отражение возложенная ст. 131 Конституции СССР на каждого гражданина обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность — источник могущества Советского государства, источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Кроме того, необходимо выделить в самостоятельные главы преступления против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства еще и потому, что преступления против социалистической системы хозяйства в рамках одной главы следует размещать в зависимости от той отрасли социалистического хозяйства, на которую посягает конкретное хозяйственное преступление или группа преступлений, т. е. исходя из непосредственного объекта посягательства.

Так, следует разместить группу преступлений, посягающих на интересы социалистической промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, финансов и т. д.

Глава, посвященная преступлениям против социалистической собственности, должна строиться на основании учета главным образом корыстных побуждений преступника, а затем уже учета объективных признаков, определяющих характер и различную степень общественной опасности конкретного преступления.

3. Следует разместить преступления против социалистической собственности по группам в зависимости от того, совершаются ли они в корыстных целях или по другим мотивам, или даже по неосторожности, а затем уже в каждой из указанных групп преступлений следует учесть опасность каждого конкретного преступления в зависимости от причиненного им ущерба социалистической собственности и прочих объективных признаков. Поэтому сначала в главе, посвященной преступлениям против социалистической собственности, должны быть помещены все виды хищения с учетом их опасности, затем все прочие корыстные преступления против социалистической собственности (причинение ущерба социалистической собственности путем обмана, присвоение найденного социалистического имущества и др.), а после них прочие некорыстные умышленные и неосторожные преступления против социа-

листической собственности (уничтожение и повреждение социалистической собственности и др.) Нам представляется, что глава, предусматривающая преступления против социалистической собственности, должна быть построена следующим образом:

1. Хищение государственного или общественного имущества.
2. Мелкое хищение государственного или общественного имущества.
3. Извлечение имущественной выгоды путем обмана.
4. Приобретение, а равно сбыт заведомо похищенного государственного или общественного имущества.
5. Присвоение найденного государственного или общественного имущества.
6. Умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества.
7. Неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества.
8. Преступно-небрежное отношение к охране государственного или общественного имущества.

Характеризуя преступления, включенные нами в данную главу, следует, прежде всего, остановиться на конструкции составов хищения государственного и общественного имущества, а затем уже обосновать необходимость прочих составов и показать их особенности.

4. В отличие от действующего законодательства, в будущем уголовном кодексе Латвийской ССР необходимо в самом законе описать все признаки хищения государственного и общественного имущества.

Хотя в нашей юридической литературе и отмечалось, что в Указе дано четкое и ясное понятие хищения, на самом деле Указ такого определения понятия хищения вообще не дает, а ограничивается указанием на то, что кража, присвоение и растрата являются формами хищения, что наряду с этими формами могут быть и другие формы хищения, — но какие это формы и наличие каких признаков дает возможность считать то или иное посягательство на социалистическую собственность хищением — законодатель не указывает.

Это именно и вызвало необходимость в толковании Указа, ибо неточность самого понятия хищения приводила к серьезным нарушениям закона, как об этом свидетельствует наша судебная практика, которая по разному толковала понятие хищения и по разному применяла Указ.

Нельзя не отметить, что колебаниям судебной практики в значительной мере способствовало толкование Указа, даваемого многими постановлениями Пленума Верховного суда СССР.

Мы полагаем, что в определении понятия хищения должно найти прежде всего отражение то положение, что им охватываются всевозможные формы и способы преступного получения государственного и общественного имущества, ранее предусматривавшиеся в качестве самостоятельных составов преступлений против социалистической собственности, т. е. должно быть дано родовое понятие, охватывающее целый ряд отдельных составов. Поэтому, давая определение понятия хищения, следует найти такие признаки этого преступления, которыми охватывались бы различные формы и способы обогащения за счет социалистического имущества. Труды многих советских криминалистов, направленные на то, чтобы единым признаком охватить все способы хищения, не увенчались успехом, ибо расширяли или сужали это понятие.

Следует признать, что вряд ли можно найти такой единый признак. Права те авторы, которые, чтобы охватить все формы хищения, пользуются тремя признаками: незаконное изъятие, присвоение или завладение иным способом государственным или общественным имуществом.

Необходимо отразить в определении хищения социалистического имущества также и тот факт, что изъятие, присвоение или завладение социалистическим имуществом направлено на то, чтобы уменьшить уже имеющееся наличие государственного и общественного имущества, т. е. посягательство происходит на имущество, которое в момент совершения хищения уже являлось собственностью государства или общественных предприятий или организаций, тем самым причиняется материальный ущерб государственной или общественно-кооперативной организации или предприятию. Поэтому безвозмездность приобретения государственного и общественного имущества следует считать необходимым признаком хищения, который должен найти отражение в самом определении хищения.

В качестве примера можно привести дело по обвинению работников Республиканской базы Главного управления материально-техническим снабжением «Сельхозснаб» Министерства сельского хозяйства Латв. ССР Б. и других. Б., будучи заместителем директора базы «Сельхозснаба», злоупотребляя в корыстных целях своим служебным положением, систематически подписывал фиктивные накладные на выдачу строго фондированных товаров — шифера, цемента и др. различным

организациям, которые получал по договоренности с ним К. и продавал по завышенным ценам. К. почтовым переводом пересылал стоимость этих товаров от имени организаций, в действительности никакого отношения к этим операциям не имевших, а разницу делил с Б. Таким образом оба они наживались, используя служебное положение Б.

Органами прокуратуры преступление было квалифицировано по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

В 1957 году дело рассматривалось народным судом 4 участка Ленинского района гор. Риги, которым действия обвиняемых переквалифицированы на ст. ст. 109 и 107 УК РСФСР. На приговор был принесен кассационный протест, который был удовлетворен и дело направлено на новое рассмотрение.

Народный суд 3-го участка Пролетарского района вновь квалифицировал действия Б., К. и др. по ст. 109 УК РСФСР. Приговор Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР оставлен в силе¹⁰.

Нам представляется такая квалификация преступления правильной. Б. и К. и др. обвиняемые обогатились незаконно, используя свое служебное положение и временный дефицит некоторых стройматериалов, чем нарушили правильную деятельность базы «Сельхозснаба», однако материального ущерба они не причинили, ибо отсутствовал признак безвозмездности изъятия дефицитных товаров. Соответствующий эквивалент в денежном выражении был внесен.

При этом следует учесть, что эквивалентом могут быть не только деньги, но и другие предметы и ценности и даже труд человека.

Безвозмездность является необходимым признаком хищения, элементом состава этого преступления, который дает возможность отграничить хищение от злоупотребления служебным положением и спекуляции с использованием своего служебного положения и других преступлений.

Последним необходимым признаком состава хищения, на наш взгляд, является определенная цель этого действия.

Необходимо отметить, что изъятие, присвоение или завладение любым способом государственным или общественным имуществом — является хищением только в том случае, когда эти действия совершаются с определенной целью — использовать это имущество как свое собственное, что означает воз-

¹⁰ См. определение по делу № 3754 от 17-го декабря 1957 г.

возможность им владеть и пользоваться по своему усмотрению и совершать в отношении него любые, законом не возбраненные сделки, т. е. распоряжаться этим имуществом так, как имеет право делать только собственник.

Также бесспорно, что цель присвоения, изъятия или иного завладения — получить имущественную выгоду, обогатиться за счет этого имущества самому или предоставить такую возможность другому лицу.

Однако споров по этому вопросу много, юридические журналы предоставили свои страницы для дискуссии по этому вопросу, и, на наш взгляд, поступили правильно, ибо высказанные по этому вопросу различные точки зрения дали возможность более глубоко осмыслить эту проблему и сделать некоторые выводы.

В первую очередь следует подчеркнуть, что целью присвоения, изъятия или завладения иным способом государственным или общественным имуществом является пользование и распоряжение этим имуществом по всем правилам права собственности и, конечно, избежание его виндикации, иными словами обращение этого имущества в свою собственность.

Этот момент должен, на наш взгляд, найти отражение в самом определении хищения. Хищение преступление корыстное. Его природу не меняет и тот факт, что возможны случаи передачи похищенного третьему лицу и даже завладение государственным или общественным имуществом в интересах третьего лица. Следует ли указать в самом определении на этот признак? Нам представляется, что необходимости в этом нет, если в качестве цели хищения указывается обращение государственного или общественного имущества в свою собственность, ибо желание обратить в свою собственность не исключает возможности распорядиться им путем передачи третьему лицу.

При этом мы полностью согласны со всеми теми авторами, которые подчеркивают, что в действительности социалистическое имущество путем незаконного изъятия, присвоения или иного завладения не обращается в собственность преступника.

Это справедливое замечание, однако, не исключает цели преступника обратить государственное или общественное имущество в свою собственность, цели получить путем преступления правомочия собственника, те правомочия, которые обеспечивают получение материальной выгоды лично для преступника или третьих лиц. Ведь не перестает быть целью спекуляции нажива, даже и в тех случаях, когда в результате «невыгодной» для спекулянта перепродажи ему пришлось

потерять определенную сумму денег, например, в результате значительного снижения государственных цен на эти товары.

Так и при хищении цель обратить государственное или общественное имущество в свою собственность остается, хотя собственником вещи преступник не становится и не может им стать. Как правильно указывает проф. Карасс, «при определенных условиях может создаться в таких случаях видимость права собственности, в этом и будет заключаться внешний эффект подобного противозаконного акта»¹¹.

Советское гражданское право считает, что собственник имеет право предъявить иск о взыскании стоимости вещи к добросовестному приобретателю. По своей природе это будет иск из неосновательного обогащения. Собственник, отыскивающий похищенное у него имущество, вправе требовать от добросовестного приобретателя как имущество в натуре, так и стоимость его, хотя добросовестный приобретатель с полным основанием субъективно считал, что он приобретает право собственности на вещи, то есть становится их собственником (ст. 60 ГК РСФСР).

Поэтому тот факт, что лицо, преступным путем завладевшее социалистическим имуществом, юридически не становится его собственником, не может быть препятствием к тому, чтобы целью хищения признать обращение социалистического имущества в свою собственность.

Разрешив характер цели при хищении государственного и общественного имущества, необходимо подчеркнуть, что о хищении государственного и общественного имущества можно говорить только в том случае, если лицо сознает, что обращает в собственность именно социалистическое имущество, а не чужое личное имущество, сознает, что оно получает материальную выгоду, наживается за счет социалистического имущества, и желает обогатиться за счет социалистического имущества, причинить имущественный ущерб государственной или общественной организации или предприятию.

На это не раз указывал Верховный суд в постановлениях Пленума и определениях Судебной коллегии по уголовным делам, подчеркивая необходимость учесть именно содержание умысла расхитителя.

Так, в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 12 апреля 1957 г. по делу Базарного и Архипенко, похитивших с погрузочно-разгрузочной рампы станции Лихачево Южной

---

¹¹ А. В. Карасс, Право государственной социалистической собственности М., 1954 г., стр. 243.

ж. д. один мешок пшеницы весом 75 кг, принадлежащий колхозникам колхоза «Цители Картли», указано, что при юридической оценке действий Базарного и Архипенко органы предварительного расследования и все судебные инстанции, рассматривавшие настоящее дело, ошибочно исходили из того факта, это хищение одного мешка пшеницы было совершено осужденными из зерна, приобретенного для личных нужд колхозников, и что за сохранность зерна железная дорога ответственность не несла. Похищая мешок пшеницы, умысел их был направлен на присвоение личной собственности граждан.

По всем обстоятельствам настоящего дела следует сделать вывод, что умысел осужденных в данном случае был направлен на присвоение государственного имущества, поскольку хищение мешка пшеницы было совершено ими с погрузочно-разгрузочной рампы товарного двора ст. Лихачево, где обычно складывается государственное или общественное имущество, перевозимое ими или предназначенное к перевозке по дороге, а также имущество граждан, принятое железной дорогой на ответственное хранение»¹².

Описав признаки субъективной стороны хищения государственного и общественного имущества, мы, на наш взгляд, вскрыли все элементы состава хищения, необходимые для более четкого определения понятия хищения государственного или общественного имущества.

Все сказанное выше, дает нам основание определить в законе хищение социалистического имущества как незаконное умышленное изъятие, присвоение или завладение иным способом государственным или общественным имуществом с целью его безвозмездного обращения в свою собственность.

В Уголовном кодексе Латвийской ССР следует точно описать и все квалифицированные виды хищения социалистического имущества, однако следует учесть степень опасности квалифицирующих хищение признаков. Как наиболее общественно-опасные виды хищения должны быть предусмотрены хищение путем насилия над личностью и хищение в крупных размерах.

Должен быть оставлен также состав мелкого хищения государственного и общественного имущества, однако представляется более правильным не выделять двух видов мелкого хищения государственного и общественного имущества,

¹² Бюллетень Верховного суда СССР, 1957 г., № 3, стр. 2.

предусмотрев в санкции статьи такое наказание, которое дало бы возможность суду дифференцировать ответственность лица, совершившего мелкое хищение государственного или общественного имущества, с учетом всех условий и отягчающих признаков, в том числе и повторность совершенного хищения. К этим выводам мы пришли на основе изучения судебной практики Латвийской ССР.

5. Среди корыстных посягательств на социалистическую собственность следует предусмотреть извлечение имущественных выгод путем обмана или злоупотребления доверием в ущерб государственной или общественной организации или предприятию. Этот состав следует сформулировать таким образом, чтобы были указаны признаки, отграничивающие его от хищения, поэтому в законе следует указать, что это преступление может иметь место при отсутствии признаков хищения.

Судебная практика диктует необходимость предусмотреть и такой состав преступления как приобретение, а равно и сбыт заведомо похищенного государственного или общественного имущества.

Включение такого состава преступления облегчит борьбу с хищениями государственного и общественного имущества и внесет большую ясность в судебную практику.

К этой же группе корыстных преступлений против социалистической собственности относится и присвоение найденного государственного или общественного имущества. Этому вопросу в нашей литературе почти не уделяется внимание, хотя в судебной практике этот вопрос и вызывает значительные разногласия. Речь идет не о присвоении имущества, принадлежность которого неизвестна, а о присвоении найденного имущества, заведомо являющегося государственной или общественной собственностью.

Действующее законодательство знает только одну норму (ст. 168 ч. 2 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), предусматривающую ответственность за присвоение находки, причем, применяя систематический и логический метод толкования этой нормы, следует прийти к выводу, что речь идет о присвоении найденного чужого личного имущества или имущества, принадлежность которого нашему неизвестна. Присвоение найденных ценностей, принадлежность которых государству или общественной организации не может вызвать никакого сомнения, вряд ли может быть охвачено понятием присвоения находки в понимании ч. 2 ст. 168 УК РСФСР.

Проф. Б. С. Утевский, З. А. Вышинская этот вопрос разре-

шают совершенно определенно, не считая его даже спорным. Они утверждают, что действия лица, заключающиеся в присвоении найденного имущества, заведомо для него являющегося имуществом социалистическим, должны квалифицироваться не по статье УК, предусматривающей присвоение находки (ч. 2 ст. 168 УК), а как хищение социалистического имущества, предусмотренное Указом от 4 июня 1947 г.¹³

Судебная практика Верховного суда СССР также рассматривает присвоение найденного имущества, заведомо являющегося социалистической собственностью, в качестве одной из форм хищения¹⁴.

Другую позицию занял по этому вопросу Верховный суд Латвийской ССР. Так, 24 апреля 1957 года Ш. был осужден народным судом Талсинского района Латвийской ССР по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за то, что он на шоссе Рига — Талсы нашел и присвоил упакованный ящик, в котором находилось 25 пар обуви с маркой фабрики «1 Май». Этот ящик упал с машины при перевозке обуви из Риги в магазин № 15 Талсинского потребительского общества.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР своим определением от 8-го мая 1957 года переквалифицировала действия Ш. на ч. 2 ст. 168 УК РСФСР, не усмотрев в его действиях состава хищения¹⁵.

Этот вопрос и должен быть разрешен в будущем уголовном законодательстве Латвийской ССР. Неправильно было бы рассматривать присвоение найденного имущества, заведомо являющегося имуществом социалистическим, как хищение этого имущества. Такое расширение понятия хищения нам представляется неправильным и неоправданным, как не отражающим сущности этого специфического преступления. Однако нельзя игнорировать тот факт, что лицо, присваивая случайно найденное государственное или общественное имущество, сознает, что причиняет ущерб социалистической собственности, поэтому присвоение найденного социалистического имущества более общественно опасно, чем такое же присвоение личного имущества граждан, и заслуживает большего осуждения.

¹³ См. Б. С. Утевский, З. А. Вышинская, Практика применения законодательства по борьбе с хищениями социалистического имущества, М., 1954 г., стр. 62.

¹⁴ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1952 г., № 11, стр. 3, также «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949 г., № 3, стр. 18.

¹⁵ См. определение по делу № 1461 за 8-е мая 1957 года.

Исходя из этого, мы и считаем необходимым в Уголовном кодексе Латвийской ССР предусмотреть специальную норму, определяющую ответственность за присвоение найденного государственного или общественного имущества.

6. Определив все посягательства на социалистическую собственность, совершаемые из корыстных побуждений, следует разместить все прочие посягательства на социалистическую собственность. Наиболее опасным среди этих преступлений является умышленное уничтожение или повреждение социалистического имущества.

Состав умышленного уничтожения или повреждения социалистического имущества знает и ныне действующий уголовный кодекс, однако следует несколько уточнить квалифицирующие признаки этого преступления, указав на такие признаки как общеопасный способ совершения этого преступления и причинение крупного ущерба или иных тяжких последствий.

Действующее законодательство состава повреждения социалистического имущества по неосторожности не знает, что вызвало в практике необходимость применять по аналогии статью, предусматривающую ответственность за порчу и поломку принадлежащих совхозам, машинно-тракторным станциям и колхозам тракторов и сельскохозяйственных машин, если порча или поломка вызвана преступно-небрежным отношением к этому имуществу. (ст. 79² УК РСФСР) Постановление 38 Пленума Верховного суда СССР от 11 мая 1931 г. специально указывало, что причинение по неосторожности пожаром истребления, порчи или повреждения имущества совхозов, колхозов и машинно-тракторных станций должно квалифицироваться по ст. 79² УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик по аналогии.

Следует отметить, что это постановление Пленума было признано постановлением Пленума Верховного суда СССР 4 декабря 1953 г. утратившим силу¹⁶, чем создана некоторая неразбериха в вопросе о квалификации преступно-небрежного отношения к социалистическому имуществу, повлекшего истребление, порчу или повреждение этого имущества пожаром. Как указывалось на страницах юридической печати, по этому вопросу имеются две линии: Верховный суд СССР разъяснил, что «действия, сопряженные с причинением по неосторожности истребления, порчи или повреждения пожаром имущества кол-

---

¹⁶ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1954 г., № 1, стр. 47.

хозов, совхозов, МТС, не влекут уголовной ответственности», а Прокуратура СССР указала, что «действия лиц, по неосторожности которых возник пожар, причинивший тяжелые последствия, подлежат квалификации по ст. 16—79² УК РСФСР», не опротестовав при этом постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 декабря 1953 года¹⁷.

Этот пробел мы имеем в виду заполнить, предусмотрев ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение государственного и общественного имущества, повлекшие тяжкие последствия.

Ответственность за преступно-небрежное отношение к охране государственного или общественного имущества со стороны лиц, осуществляющих охрану этого имущества, но не являющихся должностными лицами, повлекшее расхищение, повреждение, порчу или гибель этого имущества, действующим законодательством не предусмотрена, однако это следует рассматривать как пробел в действующем законодательстве, который в уголовном законодательстве нашей республики должен быть восполнен.

7. При построении данной главы мы сознательно отказались от учета непосредственного объекта посягательства, т. е. от учета того, совершается ли посягательство (путем хищения, уничтожения и т. д.) на государственную собственность или общественную и кооперативно-колхозную.

Как известно, до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» советское уголовное законодательство не знало дифференцированной ответственности за посягательства на государственную собственность в отличие от посягательства на общественную и кооперативно-колхозную собственность. Указом эта дифференциация впервые проведена. Большинство авторов в своих монографиях приветствовало дифференцированную уголовную ответственность в зависимости от принадлежности социалистического имущества. Попытки объяснить необходимость в такой дифференцированной ответственности тем, что государственная собственность является ведущей, общенародной, а кооперативно-колхозная является всего лишь групповой собственностью отдельных коллективов, мало-убедительны,

---

¹⁷ См. *И. Садовников*, Перестройка работы на основе нового положения о прокурорском надзоре в СССР. «Социалистическая законность», 1956 г., № 4, стр. 27.

как неубедительно и утверждение о том, что отсутствие такой дифференциации тормозило успешность борьбы с этими преступлениями.

Различие в характере форм социалистической собственности вовсе не предопределяет различные методы или условия уголовно-правовой борьбы.

«Скидка» расхитителям общественного и кооперативно-колхозного имущества вряд ли способствовала искоренению посягательств на общественную собственность и созданию атмосферы нетерпимости к этим преступлениям.

Практика борьбы с различными формами хищения государственного, общественного и кооперативно-колхозного имущества, практика применения Указа от 4 июня 1947 года свидетельствует о том, что такая дифференцированная ответственность себя не оправдала, ибо создала значительные затруднения при квалификации преступлений.

8. Если считать таким образом первый вопрос — о системе преступлений против социалистической собственности — разрешенным, остается разрешить второй вопрос — определить место раздела, посвященного преступлениям против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, в особенной части Уголовного кодекса Латвийской ССР. Этот вопрос должен быть разрешен, исходя из задач уголовного законодательства на данном этапе развития нашего государства.

Однако следует отметить, что он не нашел единообразного разрешения ни в уголовном законодательстве стран народной демократии, ни на страницах наших юридических журналов.

Говоря о различных точках зрения по вопросу о месте преступлений против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства в Особенной части уголовных кодексов, следует отметить, что разногласия сводятся в основном к тому, должна ли соответствующая глава или раздел, предусматривающие преступления против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, предшествовать разделу, посвященному преступлениям против личности, или, наоборот, глава о преступлениях против личности должна предшествовать разделу о преступлениях против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства.

Так, Уголовный кодекс Народной республики Албании в первой главе предусматривает «Преступления против государ-

ства», во второй — «Преступления против государственного и общественного имущества», в третьей — «Преступления против социалистической системы хозяйства», а затем в четвертой — «Преступления против личности»¹⁸.

Уголовный кодекс Болгарии пошел примерно по этому же пути, предусмотрев в первой главе преступления против народной республики, во второй — против избирательного права, в третьей — против общественной собственности, в четвертой — против народного хозяйства, в пятой — преступления против личности¹⁹.

Таким образом эти уголовные кодексы существующий спор разрешили в пользу глав, предусматривающих ответственность за преступления против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства.

Уголовный кодекс Корейской Народно-демократической республики третью главу Особенной части посвятил преступлениям, направленным против государственной, общественной и кооперативной собственности, четвертую преступлениям, направленным против личности, отведя хозяйственным преступлениям шестое место²⁰, а Уголовный кодекс Чехословацкой республики расположил преступления против личности в шестой главе, отвел хозяйственным преступлениям второе место, а преступления против социалистической собственности (имущественным преступлениям) — восьмое²¹.

Уголовный кодекс Федеративной народной республики Югославии в первой главе Особенной части предусматривает преступления против народа и государства, во второй — преступления против человечности и международного права, в третьей — преступления против жизни и телесной неприкосновенности, дальше — против свободы и прав граждан, трудовых отношений, чести и авторитета, достоинства личности и морали, брака и семьи, народного здоровья, и только после

---

¹⁸ Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Народная республика Албания, Народная республика Болгария, Германская демократическая республика. Госюриздат, М., 1956 г.

¹⁹ Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Народная республика Албания, Народная республика Болгария, Германская демократическая республика. Госюриздат, М., 1956 г.

²⁰ См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Китайская народная республика, Корейская народно-демократическая республика, Монгольская народная республика, Демократическая республика Вьетнам, Москва, 1957 г.

²¹ См. уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Чехословацкая республика, М., 1957 г.

всех этих глав помещены главы, посвященные преступлениям против народного хозяйства и против общественной и частной собственности²².

Целый ряд советских криминалистов предлагает поместить преступления против личности после преступлений против социалистической собственности, а преступлениям против социалистического хозяйства отвести одно из последующих мест наряду с должностными и прочими преступлениями²³. Некоторые предлагают преступления против социалистической собственности и социалистического хозяйства поместить до преступлений против личности²⁴, и наконец, в последнее время заметна тенденция главу о преступлениях против личности поместить до главы о преступлениях против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства.

Этой последней точки зрения придерживаются все те авторы, которые считают необходимым сохранить главу об имущественных преступлениях²⁵, и некоторые другие²⁶.

Авторы, которые считают, что глава о преступлениях против личности должна предшествовать главе о преступлениях против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, исходят из необходимости подчеркнуть особое значение охраны жизни, здоровья, достоинства, политических и трудовых прав советских граждан. Ими выдвигается целый ряд весьма убедительных доводов и справедливо ставится охрана прав советских граждан, закрепленных

²² См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Федеративная народная республика Югославия. Москва, 1957 г.

²³ См. *Е. А. Андрусенко и М. Шулаев*, Некоторые вопросы системы особенной части уголовного кодекса Таджикской ССР, в книге «Вопросы кодификации законодательства Таджикской ССР», труды юридического факультета, выпуск 7, стр. 115—121, также *А. Пионтковский*, Основные вопросы проекта Уголовного кодекса СССР. «Социалистическая законность», 1954 г., № 1, стр. 34.

²⁴ См. *М. Шаргородский*, Система особенной части Уголовного кодекса СССР. «Социалистическая законность», 1947 г., № 6, стр. 6; *В. М. Чхиквадзе*, Вопросы советского уголовного права в связи с проектом УК СССР. «Советское государство и право», 1954 г., № 4, стр. 68.

²⁵ См. *П. С. Ромашкин*, Основные проблемы кодификации советского уголовного законодательства. «Советское государство и право», 1957 г., № 5, стр. 88; *И. Голяков*, К проекту Уголовного кодекса РСФСР. «Советская Юстиция», 1957 г., № 2, стр. 32.

²⁶ См. *В. С. Тадевосян*, К разработке проекта УК СССР. «Советское государство и право», 1954 г., № 4, стр. 77; *Д. Юровский*, Кодификация уголовного законодательства Украинской ССР. «Социалистическая законность», 1957 г., № 12, стр. 15.

в Конституции СССР — в центре задач социалистической законности. Такая постановка вопроса полностью соответствует решениям XX съезда партии по расширению социалистической демократии и укреплению социалистической законности. Постоянная забота Коммунистической партии и Советского правительства о благосостоянии народа, о всемерном удовлетворении его материальных и духовных потребностей, об охране политических, трудовых, личных и имущественных прав советских граждан, конечно, должна найти отражение и в уголовном законодательстве. Поэтому мы считаем, что точка зрения упомянутой группы авторов заслуживает серьезного внимания. Прав и проф. Строгович, который подчеркивает, что нельзя рассматривать законность только как соблюдение норм объективного права безотносительно к субъективным правам граждан, ибо охрана прав граждан является одним из важнейших требований и свойств советской социалистической законности, что признание высокой роли субъективных прав советских граждан и особой важности их охраны есть выражение не буржуазного либерализма, а социалистического демократизма²⁷.

9. При всем уважении к высказанным соображениям, мы все же считаем, что главе о преступлениях против личности должна предшествовать глава о преступлениях против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства. Этим мы несколько не умаляем значения охраны прав граждан в советском государстве, и в частности значение уголовно-правовой охраны личности, ее прав и интересов от преступных посягательств. Предлагаемым расположением указанных глав мы имеем в виду отразить тот неоспоримый факт, что права советских граждан вытекают из сущности советского государственного и общественного строя, что основным источником повышения благосостояния советских людей, роста их культурного уровня является социалистическая собственность и не знающая эксплуатации социалистическая система хозяйства, что непрерывный рост социалистической собственности и совершенствование социалистического производства — лучшая гарантия прав и интересов личности. Только в результате роста и укрепления социалистической собственности и совершенствования социалистической системы хозяйства создаются условия для процветания личности, ибо «материальной основой всех без исключения способов обеспечения и

---

²⁷ М. С. Строгович, Теоретические вопросы советской законности, «Советское государство и право», 1956 г., № 4, стр. 21 и 22.

средств осуществления прав граждан является социалистическая собственность на средства производства»²⁸.

С этих позиций мы и предлагаем в Особенной части уголовного кодекса Латвийской ССР раздел, посвященный преступлениям против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, поместить до раздела, объединяющего преступления против личности, политических, трудовых и имущественных прав граждан.

10. Следует еще указать, что раздел, предусматривающий преступления против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, должен занять второе место в Особенной части уголовного кодекса Латвийской ССР, должен быть расположен непосредственно после государственных преступлений²⁹.

Такое построение Особенной части уголовного кодекса Латвийской ССР соответствует принципам, заложенным в Конституции СССР и Конституции Латвийской ССР, полностью отражает задачи советского уголовного законодательства на данном этапе его развития, будет способствовать успешной борьбе с наиболее опасными посягательствами на Советский государственный и общественный строй, на социалистическую собственность и социалистическую систему хозяйства, составляющих экономическую основу Советского государства, на личность Советского гражданина, его незыблемые политические, трудовые и имущественные права, гарантированные Советской Конституцией.

---

²⁸ См. А. В. Карасс, *Право государственной социалистической собственности*. М., 1954 г., стр. 15.

²⁹ Это положение вовсе не является бесспорным в нашей литературе.

Jānis Vēbers

Ģimenes tiesību pasniedzējs Pētera Stučkas Latvijas Valsts
universitātē

DAŽI ĢIMENES TIESĪBU KODIFIKĀCIJAS JAUTĀJUMI

Realizējot PSKP XX kongresa direktīvu un PSRS Augstākās Padomes IV sasaukuma 6. sesijas (1957. g. februārī) lēmumu izvirzītos uzdevumus par savienoto republiku suverēno tiesību paplašināšanu likumdošanas jomā, arī Latvijas PSR patlaban veic visai svarīgo un atbildīgo tiesību kodifikācijas darbu.

Daudz darba jau paveikts, izstrādājot mūsu republikas pirmā socialistiskā Ģimenes kodeksa projektu.

Veidojot ģimenes tiesību kodeksu, paturami vērā šādi priekšnosacījumi:

Pirmkārt, mūsu ģimenes tiesību normu uzdevums ir regulēt socialistiskās sabiedrības locekļu ģimenes attiecības. Šīm normām jābalstās uz marksisma-lenīnisma mācību par ģimeni un laulību socialistiskajā sabiedrībā un jāizveido tādas ģimenes attiecības, kas vispilnīgāk sekmētu socialistiskās sabiedrības locekļu audzināšanu, veidotu ikviena sabiedrības locekļa izturēšanos, lai tā atbilstu socialistisko tiesību un morāles normu prasībām. Ģimenes tiesību vispārējiem principiem jābūt vienotiem visās savienotajās republikās.

Otrkārt, nedrīkst aizmirst, ka ģimenes tiesības ir tieši tā tiesību nozare, ar kuru visciešāk saskaras katrs sabiedrības loceklis, kas tātad visvairāk saistīta ar katras savienotās republikas tautas nacionālajām īpatnībām un tradīcijām, tās dzīves veidu.

Ka ģimenes tiesību jautājumi ir ļoti tuvi katram mūsu sabiedrības loceklim, redzams kaut vai no tā, ka par tiem daudz rakstīts gan periodiskajā presē, gan arī juridiskajā literatūrā, kur izvirzīti vairāki priekšlikumi ģimenes tiesību kodifikācijas jautājumos. Ģimenes tiesību jautājumi skārti arī PSRS Augstākās Padomes IV sasaukuma 6. sesijas deputātu runās (sk. deputātu E. Pusepa un A. Rumjanceva runas)¹.

¹ Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия). Стенографический отчет. Изд. Верховного Совета СССР, 1957, стр. 469—473, 512—513.

Šī raksta apjoms neatļauj sīkāk apcerēt visus jautājumus, kas saistīti ar ģimenes tiesību kodifikācijas darbu Latvijas PSR.

Pakavēsimies tikai pie dažām, principiāli pašam svarīgākajām ģimenes tiesību kodifikācijas problēmām, kurām jārod, vadoties no marksisma-ļeņinisma mācības par laulību un ģimeni un socialistisko tiesību vispārējiem principiem, pareizs atrisinājums kā Vissavienības «Pamatos likumdošanai par laulību un ģimeni», tā arī Latvijas PSR Ģimenes kodeksā.

Tie ir jautājumi par vecāku un bērnu savstarpējām tiesiskām attiecībām un jauna laulības šķiršanas institūta izveidošanu padomju ģimenes tiesībās.

I. VECĀKU UN BĒRNU TIESISKO ATTIECĪBU PAMATS.

Viens no svarīgākajiem jautājumiem padomju ģimenes tiesībās, kas nākošajā Ģimenes kodeksā atrisināms, vadoties no padomju ģimenes turpmākās nostiprināšanas un mātes un bērnu interešu aizsardzības uzdevumiem, ir jautājums par vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamata noteikšanu.

Sakarā ar pašreiz veicamo ģimenes tiesību kodifikāciju šis jautājums ir kļuvis sevišķi aktuāls tieši tāpēc, ka spēkā esošās ģimenes tiesību normas (1944. gada 8. jūlija PSRS APD dekrēta 20. p.) nosaka īpašu tiesisku stāvokli ārpus laulības dzimušiem bērniem, izslēdzot iespēju konstatēt šiem bērniem paternitāti.

Līdz ar to nav iespējams rasties personiskajām un mantiskajām tiesībām starp ārpus laulības dzimušiem bērniem un to tēviem. Padomju juridiskajā literatūrā pamatoti jautāts, vai šī norma, kas stājusies spēkā vēl Lielā Tēvijas kara laikā, izriet no padomju ģimenes tiesību pamatprincipiem, vai tā sekmē padomju ģimenes nostiprināšanas uzdevumu un, pats galvenais, vai tajā ievērotas bērnu tiesiskās aizsardzības intereses.²

---

² А. И. Пергамент, «Правовое положение внебрачных детей должно быть изменено», Советское государство и право, 1956 г., № 9, стр. 65—72; И. С. Гуревич, «О некоторых вопросах советского семейного права», Советское государство и право, 1956 г., № 9, стр. 55—64; А. И. Пергамент, «К проекту кодекса законов РСФСР о браке и семье», Советская юстиция, 1957 г., № 4, стр. 36—39; Г. М. Свердлов, «Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве», АН СССР. М., 1955 г., стр. 47; Е. Серебровская, «Еще о метриках», Литературная газета, 1956 г., 7 июня; Е. Серебровская, «Жизнь вносит поправку», Литературная газета 16 января 1954 г. «В интересах детей», Литературная газета, 31 июля 1956 г., С. Маршак, Г. Сперанский, Д. Шостакович, И. Эренбург, «Это отвергнуто жизнью», Литературная газета, 9 октября 1956 г.

Nevar noliegt, ka PSRS Augstākās Padomes IV sasaukuma 6. sesijā, kā arī presē un juridiskajā literatūrā pret šo normu izteiktā kritika ir pilnīgi pamatota. Paternitātes problēma prasa steidzamu atrisinājumu tāpēc, ka augstāk minētā spēkā esošā ģimenes tiesību norma zināmā mērā ierobežo gan vecāku, gan arī bērnu elementārās tiesības.

Noteikums, kas liedz iespēju konstatēt paternitāti ārpus laulības dzimušiem bērniem un kas šādu bērnu tēvus atbrīvo no visām rūpēm par bērnu audzināšanu, neatbilst socialistisko ģimenes tiesību pamatprincipiem. Ārpus laulības dzimušie bērni ir tādējādi nostādīti sliktākā stāvoklī par bērniem, kuri dzimuši laulībā, gan morālā, gan arī materiālā ziņā.

Juridiskajā literatūrā izvirzīta doma, ka vēlams atgriezties pie tiem padomju ģimenes tiesību principiem, kādi izteikti pirmajos padomju varas dekrētos par laulību un ģimeni, t. i., ka visu bērnu tiesiskajam stāvoklim jābūt vienādam, neatkarīgi no tā, vai viņi ir dzimuši laulībā, vai ārpus laulības. Tāpēc spēkā esošo padomju ģimenes tiesību attiecīgās normas nepieciešams kritiski pārvērtēt, sagatavojot Latvijas PSR Ģimenes kodeksa projektu. Vecāku un bērnu tiesisko attiecību institūts jāpamato uz leņiniskā principa par visu bērnu līdztiesību.

Sakarā ar diskusiju periodiskajā presē un juridiskajā literatūrā un tajā izvirzītajiem priekšlikumiem turpmākajai likumdošanai jārunā tomēr ne tikai par ārpus laulības dzimušo bērnu tiesisko stāvokli, par šo bērnu alimentācijas tiesībām, bet jāpiešķir plašākai problēmai — institūtam par vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamatu vispār, t. i., jautājumam par maternitātes un paternitātes konstatēšanu, īpašu vērību veltījot paternitātes konstatēšanai.

Bērna alimentācijas tiesības un citas bērna personiskās nemantiskās un mantiskās tiesības, tāpat arī vecāku tiesības un pienākumi pret bērniem ir tikai sekas, kas atkarīgas no radniecības (maternitātes, paternitātes) konstatēšanas faktu.

Konstatējot radniecības esamību starp vecākiem un bērniem, starp viņiem rodas arī visas likumā paredzētās personiskās un mantiskās tiesības un pienākumi (piemēram, uzvārda, tēvavārda, pilsonības, alimentācijas, mantošanas tiesības).

Tāpēc nepieciešams īsumā pakavēties pie jautājuma par paternitātes konstatēšanas iespēju spēkā esošās tiesībās, kā arī sniegt dažus priekšlikumus šā institūta vēlamajam atrisinājumam turpmākajā likumdošanā.

Padomju ģimenes tiesībās no to attīstības sākuma pazīstams princips, ka radniecība ir vecāku un bērnu tiesisko attiecību vienī-

gais pamats. Šis princips pasvītots jau 1917. gada 18. dec. dekretā «Par civillaulību, par bērniem un par civilstāvokļa aktu grāmatu vešanu». Šis princips pasvītots arī 1926. gada Krievijas PFSR Laulības, ģimenes un aizbildnības likumu kodeksa 25.panta sākotnējā redakcijā, kur noteikts, ka «bērnu un vecāku savstarpējās tiesības pamatojas uz izcelšanos» — tas ir radniecību.

Pēc 1944. gada 8. jūlija PSRS APP dekrēta izdošanas padomju ģimenes tiesību zinātnē radās strīds par to, vai radniecība ir uzskatāma par vecāku un bērnu tiesisko attiecību vienīgo pamatu, vai arī minētais dekrets ir noteicis tam vēl kādu citu pamatu.

Jautājumā par tiesisko attiecību konstatēšanu starp māti un bērnu minētais dekrets neko jaunu neienes.

Bet, analizējot dekrēta 20. pantu, radās strīds jautājumā par paternitātes konstatēšanu, jo minētais pants atceļ ārpus laulības dzimuša bērna mātei tiesību griezties tiesā ar prasību, lai konstatētu bērnam paternitāti un piespiestu alimentus no bērna tēva šāda bērna uzturam.

Neiedziļinoties šā panta formulējumā, protams, varēja arī rasties uzskats, ka radniecība vairs nav vienīgais pamats tiesiskajām attiecībām starp bērnu un tēvu. Tāpēc arī padomju ģimenes tiesību zinātnē tika izteikti trīs dažādi uzskati par vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamatu.

G. Sverdlovs no trim dažādiem šīs tiesību nozares teorētiķiem palika pie uzskata, ka 1944. gada 8. jūlija dekrets nav skāris principu par radniecību kā vecāku un bērnu tiesisko attiecību vienīgo pamatu, bet dekreta 20. pants tikai izslēdz iespēju izskatīt tiesas kārtībā paternitātes konstatēšanas strīdus jautājumus.³

N. Rabinoviča, analizējot 1944. g. 8. jūlija dekretu, secināja, ka radniecība vairs it kā nav pamats vecāku un bērnu tiesiskajām attiecībām. Viņa mēģināja, kaut gan ne visai droši, piešķirt patstāvīgu nozīmi reģistrētai laulībai starp bērna vecākiem kā vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamatam.⁴

A. Pergamente uzskata, ka tēva alimentācijas pienākuma, līdz ar to visu tiesisko attiecību pamats iepretim bērniem, kas

---

³ Г. М. Свердлов, «Советское семейное право», М., 1951 г., стр. 124; Г. М. Свердлов, «Брак и развод», М., 1949 г., стр. 68; Г. М. Свердлов, «Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве», АН СССР, М., 1955 г., стр. 28; В. Бошко, «Очерки советского семейного права», Киев, 1952 г., стр. 210.

⁴ Н. Б. Рабинович, «Личные и имущественные отношения в советской семье», Л., 1952 г., стр. 84.

dzimuši pēc 1944. g. 8. jūlija dekreta spēkā stāšanās, ir ne tikai radniecība, bet arī bērna vecāku reģistrētā laulība.⁵

Atzīmējot minētos trīs viedokļus par paternitātes konstatēšanu, rodas jautājums, kurš no tiem ir pareizāks?

Nav nepieciešams sīkāk pakavēties pie tēzes, ka vienīgi bērna vecāku reģistrēta laulība ir pamats vecāku un bērnu tiesiskajām attiecībām. Tā pilnīgi ignorē radniecības fakta nozīmi. Šādu tezi tās izvirzītāji pat nespēj pamatot ar spēkā esošiem likumiem. Jāievēro arī tas, ka reģistrētā laulība kā vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamats būtu attiecināms tikai uz laulībā dzimušajiem bērniem un arī tad tikai attiecībā uz bērna tēvu.

Nav iespējams pievienoties arī A. Pergamentes apgalvojumam, ka tēva alimentācijas pienākumam pēc 1944. g. 8. jūlija dekreta izdošanas nepieciešami divi pamati: radniecība un bērna vecāku reģistrēta laulība.

Šāda nostāja izriet no sekojošā.

1944. g. 8. jūlija dekreta 20. pants gan tieši nepasvītro, ka radniecība ir vecāku un bērnu tiesisko attiecību izcelšanās vienīgais pamats. Tomēr ne no šī panta, ne arī no minētā dekreta 19. panta nevar secināt, ka tas būtu atcēlis padomju ģimenes tiesību principu par to, ka radniecība ir vienīgais pamats vecāku un bērnu tiesiskajām attiecībām.

Dekreta 20. pants turpmāk gan aizliedz tiesas kārtībā konstatēt paternitāti, ja bērna māte ar bērna tēvu nesastāv reģistrētā laulībā. Jāatzīmē arī, ka minētā panta formulējumā būtu vēlams precizāks norādījums, kādā momentā bērna vecākiem jāatrodas reģistrētā laulībā.

Tātad, dekreta 20. pants gan runā par paternitātes konstatēšanas kārtību, par paternitātes pierādīšanas iespēju un veidiem, bet nevis par vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamatu. Tāpēc atsaukšanās uz minēto pantu, lai pierādītu, ka vecāku un bērnu tiesiskajām attiecībām pastāv divi pamati, nav attaisnojama.

A. Pergamente atsauca arī uz PSRS Augstākās Tiesas Plēnuma 1950. gada 4. augusta lēmuma 1. pantu, kurā noteikts, ka tiesām, pieņemot prasības pieteikumus par alimentu piedziņu bērnu uzturam, lietas iepriekšējās sagatavošanas kārtībā, starp citu, jāpieprasa no prasītāja, lai tas iesniedz dokumentu, kas apstiprina, ka starp pusēm pastāv reģistrēta laulība. No minētā autore secina, ka PSRS Augstākās Tiesas Plēnuma lēmums tieši

---

⁵ А. И. Пергамент, «Алиментные обязательства», Госюриздат, М., 1951 г., стр. 25, 28; А. И. Пергамент, Рецензия: Г. М. Свердлов «Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве», М., 1955 г., Советское государство и право, 1956 г., № 5, стр. 134—135.

pasvītrotot divu pamatojumu nepieciešamību tēva alimentācijas pienākumam.

Šādam apgalvojumam nevar pievienoties.

Pirmkārt, atsaukšanās uz PSRS Augstākās Tiesas Plēnuma lēmumu šajā gadījumā nav vietā, jo šāds lēmums nav likumdošanas akts. Tas nedrīkst paplašināt vai grozīt likuma normas. Tas var tās tikai izskaidrot.

Otrkārt, no minētā PSRS Augstākās Tiesas lēmuma 1. panta nevar secināt to, ko secina A. Pergamente. Šī lēmuma 1. panta redakcija nav precīza. Tāpat kā 1944. g. 8. jūlija dekreta 20. pantā arī tajā nav tieši norādīts, kad bērna vecākiem jāsatāv reģistrētā laulībā — bērna ieņemšanas vai dzimšanas brīdī, vai arī alimentu prasības iesniegšanas brīdī?

Jāpatur vērā, ka prasības pieteikumu par alimentu piedziņu var iesniegt arī tad, kad laulība starp bērna vecākiem izbeigta. Tātad minētā PSRS Augstākās Tiesas Plēnuma lēmuma 1. panta formulējumā varēja vēlēties lielāku precizitāti, norādot, kurā no minētiem momentiem bērna vecākiem jāatrodas reģistrētā laulībā.

Treškārt, vai tomēr nebūtu pareizāk uzskatīt, ka reģistrēta laulība ir nevis tēva alimentācijas pienākuma pamats, bet gan tikai viens no pierādījumiem radniecības attiecību esamībai starp bērnu un tēvu.

Tajos gadījumos, kad bērna vecāki alimentu prasības pieteikuma iesniegšanas brīdī nebūs reģistrētā laulībā (laulības šķiršanas gadījumā), vai arī nebūs sastāvējuši reģistrētā laulībā bērna dzimšanas brīdī (legitimatio per subsequens matrimonium), starp bērna tēvu un bērnu radīsies gan alimentācijas tiesības, gan tiesiskās attiecības vispār.

No tā varam secināt sekojošo: ja uzskatītu abus faktus (radniecību un reģistrētu laulību) par vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamatu, tad pirmais fakts (radniecība) vienmēr nepieciešams, jo vecāku un bērnu tiesiskās attiecības nekad neradīsies starp personām, kuras nesatāv radniecības attiecībās neatkarīgi no tā, vai šīs radniecības attiecības ir tikai prezumpcija, vai arī absolūti precīzi konstatētas.

Turpretim otrais fakts — reģistrēta laulība starp bērna vecākiem ir vienīgi pierādījums radniecības esamībai starp tēvu un bērnu. Pie kam tā ir apstrīdama prezumpcija. Ja tēva un bērna radniecības fakts tiks apstrīdēts, tad, lai gan reģistrēta laulība starp bērna vecākiem pastāvēs, vecāku un bērnu tiesiskās attiecības starp bērnu un personu, ar kuru bērna māte sastāv laulībā, neradīsies. Tas liecina, ka reģistrēta laulība ne pati par sevi, ne arī

līdzās radniecībai nav uzskatāma par vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamatu. Šāds pamats ir tikai radniecība.

Jāatzīmē, ka līdz 1944. g. 8. jūlija dekreta izdošanai reģistrēta laulība arī bija tikai viens no paternitātes pierādījuma veidiem. Līdzās tam tomēr bija iespēja tiesā paternitāti konstatēt arī ar citiem pierādījumiem, ja bērna vecāki nesastāvēja ne reģistrētā, ne arī t. s. faktiskajā laulībā.

Pēc 1944. g. 8. jūlija dekreta izdošanas reģistrēta laulība kļuva gandrīz par vienīgo paternitātes pierādījuma veidu.

Vēl gan ir iespēja pierādīt paternitāti ārpus laulības dzimušiem bērniem leģitimācijas kārtībā. Izņēmums no vispārējās kārtības ir arī paternitātes pierādījums spēkā neesošā laulībā dzimušiem bērniem.

Pret 1944. g. 8. jūlija dekreta 20. pantu vērsta kritika nozīmē nevis to, ka šis pants izvirzījis it kā jaunu principu vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamata noteikšanai padomju tiesībās, bet gan to, ka aizliegums konstatēt paternitāti ārpus laulības dzimušiem bērniem vairs neatbilst mūsdienu prasībām un tas jārevīdē, izstrādājot jaunu paternitātes konstatēšanas institūtu padomju ģimenes tiesībās.

Nosakot jaunajā Latvijas PSR Ģimenes kodeksā iespēju pierādīt paternitāti arī ārpus laulības dzimušiem bērniem, tiks likvidēts šādu bērnu īpašais tiesiskais stāvoklis. Šāds paternitātes jautājuma atrisinājums būs gan šo bērnu, gan arī viņu vecāku interesēs. Līdz ar to būs atjaunots leģitīvais princips, ka visu bērnu tiesiskajam stāvoklim jābūt vienādam, neraugoties uz to, vai bērni dzimuši laulībā, vai ārpus laulības.

1944. g. 8. jūlija dekreta 20. pantā ietvertā norma neatbilst mūsu socialistisko tiesību principiem un uzdevumiem. Tādēļ tā vairs nebūtu uzņemama jaunajā Latvijas PSR Ģimenes kodeksā.

Apskatot paternitātes konstatēšanas institūta turpmāko izveidojumu, īsumā jāaplūko daži jautājumi, kas arī skarti periodiskajā presē un juridiskajā literatūrā. Šāds jautājums, piemēram, skar kārtību, kāda nosakāma turpmākajā likumdošanā ārpus laulības dzimušo bērnu paternitātes pierādīšanai.

Paternitātes konstatēšana ir sarežģīts process, jo nepieciešams konstatēt radniecības esamību starp bērnu un bērna tēvu, t. i., bioloģiskā rakstura faktu.

Šīs problēmas atrisināšana lielā mērā ir atkarīga no tā, kam likumdevējs uzlicēs paternitātes konstatēšanas uzdevumu.

Nākošajā Latvijas PSR Ģimenes kodeksā būtu lietderīgi paredzēt šādus paternitātes konstatēšanas gadījumus:

Pirmkārt, spēkā esošā laulībā dzimušiem bērniem arī turpmāk būtu paturama prezumpcija, ka bērna tēvs ir persona, ar kuru bērna māte sastāv laulībā. Pater est, quem nuptiae demonstrant! Protams, paredzama iespēja paternitāti apstrīdēt tiesas kārtībā, ja prezumpcija neatbilst īstenībai. Tāpēc Latvijas PSR Ģimenes kodeksā būtu vēlama norma, kas paredz, ka ieraksti par bērna vecākiem civilstāvokļa aktu reģistrācijas grāmatās izdarāmi, pamatojoties vai nu uz abu, vai arī viena vecāka pieteikumu.

Otrkārt, bērna paternitāte konstatējama tajā gadījumā, kad bērns dzimis laulībā, kura vēlāk tiek atzīta par spēkā neesošu. Laulības atzīšana par spēkā neesošu nedrīkst ietekmēt bērna tiesisko stāvokli attiecībā pret tēvu, un tāpēc šādi bērni tiesībās pielīdzināmi spēkā esošā laulībā dzimušiem bērniem.

Presē ir izvirzīts priekšlikums pilnīgi atgriezties pie tās kārtības ārpus laulības dzimuša bērna paternitātes pierādīšanai, kāda pastāvēja padomju ģimenes tiesībās pirms 1944. g. 8. jūlija dekreta izdošanas. Šāda tendence vērojama arī KPFSR Laulības, ģimenes un aizbildnības likumu kodeksa projektā, kurā paredzēts, ka bērnu vecāku ieraksti civilstāvokļa aktu reģistrācijas grāmatā izdarāmi uz abu vecāku kopēja pieteikuma, vai arī viena vecāka pieteikuma pamata gan tajos gadījumos, kad bērna vecāki sastāv laulībā, gan arī tajos gadījumos, kad bērns dzimis ārpus laulības.

Tas nozīmē, ka bērna mātei, kura ar bērna tēvu nesastāv laulībā, piešķirtu tiesības, reģistrējot bērna dzimšanu, par bērna tēvu uzrādīt jebkuru personu. Par bērna tēvu ierakstītajai personai gan būtu iespēja paternitātes ierakstu apstrīdēt.

Pamatoti izvirzās jautājums šī priekšlikuma autoriem, vai šāds ārpus laulības dzimušo bērnu paternitātes konstatēšanas problēmas atrisinājums atbilstu socialistisko tiesību vispārējiem principiem.

Vai socialistisko tiesību principiem atbildis norma, kas paredz uzlikt pierādīšanas pienākumu personai, kura ierakstīta par bērna tēvu. Pie kam minētai personai būtu jāpierāda negatīvs fakts — proti tas, ka viņa nav bērna tēvs.

Vai socialistisko tiesību principiem un padomju ģimenes noslīprināšanas uzdevums vairāk neatbilstu norma, kas pierādīšanas pienākumu šajā gadījumā uzliktu tai personai, kura faktu apgalvo, bet nevis tai, kura šo faktu noliedz. Negatīva non sunt probanda! Bērna mātei, kura pieprasa ierakstīt zināmu personu par bērna tēvu, vajadzētu arī pierādīt, ka minētā persona patiešām ir bērna tēvs.

Sakarā ar minēto priekšlikumu nodot ārpuslaulības dzimušu bērnu paternitātes noteikšanu dzimtsarakstu biroju pārziņai, pa-

matoti rodas jautājums, vai dzimtsarakstu birojs spēs veikt kā pierādījumu vākšanas, tā arī to pārbaudīšanas un novērtēšanas uzdevumu.

Nedrīkstam aizmirst, ka arī Krievijas PFSR Laulības, ģimenes un aizbildnības likumu kodeksa projekts paredz iespēju personai, kura ierakstīta par bērna tēvu, apstrīdēt paternitātes ierakstu (tas ir, kā attiecībā uz laulībā dzimušiem bērniem, tā arī ārpus laulības dzimušiem bērniem). Pie kam paternitātes apstrīdēšanas process ietilpināts tiesu kompetencē. Acīm redzot minētā projekta autori vadījušies no apsvēruma, ka paternitātes apstrīdēšanas process ir pārāk sarežģīts, lai to veiktu dzimtsarakstu biroja kalpotāji. Tas, ka paternitātes apstrīdēšana nodota izskatīšanai tiesā kā koleģiālā orgānā, ir atzīstams par pilnīgi pareizu. Šāda kārtība pastāv arī patreiz spēkā esošās padomju ģimenes tiesībās (skat. Krievijas PFSR Laulības, ģimenes, aizbildnības likumu kodeksa 116. p. un PSRS Augstākās Tiesas 1950. g. 4. augusta Plēnuma lēmuma 6. p.).

No minētā jāsecina, ka vienīgi pareizā kārtība paternitātes strīdu izšķiršanai kā paternitātes konstatēšanas, tā arī tās apstrīdēšanas gadījumā būtu nodot šo strīdu izšķiršanu tiesai.

Svarīgi ir nevis pilnīgi un nekritiski atgriezties pie tās paternitātes konstatēšanas kārtības, kāda pastāvēja pirms 1944. g. 8. VII dekreta izdošanas, bet gan likumā noteikt tādu kārtību, kura vispilnīgāk garantētu padomju pilsoņu, kā bērna, tā arī abu vecāku un citu lietā ieinteresēto personu tiesību ievērošanu un nepieļautu nekādus socialistiskās likumības pārkāpumus.

Šādu uzdevumu spēs veikt tikai tiesa, bet nevis dzimtsarakstu birojs. Minētā Krievijas PFSR Laulības, ģimenes un aizbildnības likumu kodeksa projekta autori nav bijuši pietiekami konsekventi, paredzot paternitātes konstatēšanu dzimtsarakstu biroja, bet tās apstrīdēšanu tiesas kompetencei.

Vissavienības «Pamatos likumdošanai par laulību un ģimeni» un Latvijas PSR Ģimenes kodeksā vēlams noteikt normu, ka visi paternitātes strīdus jautājumi (un arī maternitātes strīdus jautājumi) izšķirami tiesā. Tas attiecināms uz gadījumiem, kad paternitāte konstatējama ārpus laulības dzimušiem bērniem, ja bērna tēvs izvairās atzīt savu tēva stāvokli, tā arī uz gadījumiem, kad paternitāti apstrīd laulībā dzimušiem bērniem.

Latvijas PSR Ģimenes kodeksa sadaļā, kas veltīta vecāku un bērnu tiesiskajām attiecībām, būtu paredzama norma, ka vecāku un bērnu savstarpējās tiesības un pienākumi rodas neatkarīgi no tā, vai viņu vecāki sastāvējuši laulībā bērna ieņemšanas un dzimšanas brīdī. Varētu būt arī norma līdzīga spēkā esošā Krievijas PFSR Laulības, ģimenes un aizbildnības likumu kodeksa 25. panta

sākotnējai redakcijai, kur pasvītrots, ka vecāku un bērnu savstarpējās tiesības un pienākumi balstās uz izcelšanos, t. i., radniecību. Tas izbeigtu padomju ģimenes tiesību zinātnē neauglīgos strīdus par vecāku un bērnu tiesisko attiecību pamatu.

Nosakot paternitātes konstatēšanas kārtību gadījumiem, kad bērns dzimis ārpus laulības, Latvijas PSR Ģimenes kodeksā būtu vēlams paredzēt divējādas paternitātes konstatēšanas iespējas.

Pirmkārt, ja bērna tēvs pats labprātīgi vēlas konstatēt paternitāti savam ārpus laulības dzimušam bērnam, tad viņam šī iespēja jāparedz. Šajā gadījumā nav nepieciešams tiesas spriedums paternitātes konstatēšanai. Šādi paternitātes konstatēšanas gadījumi pilnīgi pa spēkam dzimtsarakstu birojam. Tomēr jāievēro, lai, paternitāti konstatējot, tēva izteiktā griba būtu pilnvērtīga, patiesa un nepiespiesta. Šo apstākļu pārbaude dzimtsarakstu biroja darbiniekiem iespējama.

Paredzot likumā šādu paternitātes konstatēšanas iespēju, tiktu likvidēts tas stāvoklis, kāds izveidojies padomju ģimenes tiesībās pēc 1944. g. 8. jūlija dekreta izdošanas. Proti, tagad ārpus laulības dzimuša bērna tēvs, ja arī viņš pats labprātīgi to vēlētos, nav tiesīgs konstatēt sava bērna paternitāti, ja vien viņš nestājas ar bērna māti laulībā (leģitimācija). Pēdējā tomēr ne vienmēr iespējama. Piemēram, bērna māte var nevēlēties iestāties laulībā ar bērna tēvu. Viņa var būt arī mirusi. Tāpat ārpus laulības dzimuša bērna adopcija tā tēvam ne vienmēr iespējama.

Otrkārt, kodeksā atsevišķi vēlams paredzēt normas tiem gadījumiem, kuros tieši rodas strīds paternitātes konstatēšanai. Tas ir tajos gadījumos, kad ārpus laulības dzimuša bērna tēvs aiz kāda iemesla labprātīgi nevēlas sevi atzīt par bērna tēvu un izvairās no saviem tēva pienākumiem.

Šādos gadījumos trūks abu bērna vecāku izteiktās gribas paternitātes konstatēšanai, proti, nebūs tēva pieteikuma viņu reģistrēt par bērna tēvu. Tā kā šādos gadījumos būs strīds par bērna paternitāti, tad šos paternitātes konstatēšanas gadījumus vēlams izšķirt tiesas kārtībā. Paternitātes ieraksts civilstāvokļa aktu reģistrācijas grāmatās izdarāms, pamatojoties uz tiesas spriedumu par paternitātes konstatēšanu.

Nākošajā Latvijas PSR Ģimenes kodeksā būtu jāparedz tiesību subjekti, kas apveltīti ar tiesībām ierosināt paternitātes konstatēšanu tiesā.

Ārpus laulības dzimuša bērna māte parasti ir visvairāk ieinteresēta normālu apstākļu sagādāšanai sava bērna audzināšanai gan materiālā, gan arī morālā ziņā. Viņa arī visvairāk ieinteresēta, lai bērna stāvoklis neatšķirtos no laulībā dzimuša bērna stāvokļa. Tāpēc arī mātei pirmām kārtām jāpiešķir tiesība iero-

sināt prasību par paternitātes konstatēšanu. Būtu pat lietderīgi paredzēt iespēju bērna mātei jau pirms bērna dzimšanas meklēt bērna tēvu.

Latvijas PSR Ģimenes kodeksā būtu vēlama norma, kas nosaka, ka prasības pieteikumu par paternitātes konstatēšanu bērna māte tiesīga iesniegt kā grūtniecības laikā, tā arī jebkurā laikā pēc bērna dzimšanas.

Ģimenes kodeksā jāparedz gadījumi, kad bērna mātei nav iespējas pašai ierosināt jautājumu par paternitātes konstatēšanu (piemēram, ja tā ir mirusi, atrodas bezvēsts prombūtnē). Arī šajos gadījumos nedrīkst ierobežot bērna tiesību konstatēt paternitāti. Bet kamēr tas vēl nav sasniedzis pilngadību, vai arī, ja pēc pilngadības sasniegšanas tam nodibināta aizgādība vai aizbildnība, prasības pieteikums par paternitātes konstatēšanu iesniedzams bērna aizbildnim vai aizgādnim.

Beidzot jāparedz iespēja arī pašam bērnam, sasniedzot pilngadību, rūpēties par sava tēva konstatēšanu, ja to kaut kādu apstākļu dēļ agrāk nav varējusi vai arī centusies darīt viņa māte. Jāpatur vērā, ka galvenais ieinteresētais vienmēr būs pats bērns un tāpēc arī viņam pašam piešķirama tiesība prasīt paternitātes konstatēšanu.

Izšķirot paternitātes konstatēšanas strīdus jautājumus, svarīgi zināt, vai vienmēr būs iespējams konstatēt bērna paternitāti un līdz ar to apmierināt prasību, lai katras personas dzimšanas apliecībā būtu norādīti abi vecāki — kā bērna tēvs, tā māte.

Presē izvirzīts priekšlikums, ka arī tajos gadījumos, kad nav iespējams konstatēt bērna paternitāti, būtu vēlams dzimšanas apliecībā ierakstīt kādu personu it kā par bērna tēvu, neradot nekādas tiesības un pienākumus šai personai. Šādu viedokli atbalsta arī daži Latvijas PSR Ģimenes kodeksa projekta izstrādāšanas komisijas locekļi.

Vai šim viedoklim var pievienoties?

Vispirms jānoskaidro, vai pat pie vispilnīgākās iespējas, kādu varētu noteikt paternitātes konstatēšanai, ir paredzams, ka ikvienā gadījumā būs iespējams konstatēt bērna tēvu.

Protams, ka socialistiskajām ģimenes tiesībām vispilnīgāk jāsekmē uzdevums atrast katram bērnam tēvu. Tomēr jāievēro ikvienas personas tiesiskās intereses. Veicot šo uzdevumu, jācenšas vadīties ne tikai no prezumpcijām, bet gan no absolūti precīzas radniecības konstatēšanas fakta.

Nedrīkst aizmirst, ka, konstatējot paternitāti, jāstopas ar gadījumiem, kur tēva meklēšana dažādu apstākļu dēļ ne vienmēr iespējama.

Nepieskarsimies tuvāk prezumpcijai, saskaņā ar kuru laulībā

dzimuša bērna tēvs ir persona, ar kuru bērna māte sastāv laulībā. Tā ir un paliek prezumpcija, arī tajā gadījumā, ja minētā persona neiebilst pret paternitātes ierakstu, pat zinot ka nav bērna tēvs.

Paliek vēl citi gadījumi, kur paternitātes pierādīšanā rodas tik lielas grūtības, ka tā ir pat neiespējama. Piemēram, ja bērns dzimis laulībā, bet par tēvu ierakstītā persona ir apstrīdējusi paternitātes ierakstu un saskaņā ar tiesas spriedumu tas anulēts.

Ja šajā gadījumā bērna māte nespēs pierādīt, kura persona ir bērna tēvs, tad ieraksta par tēvu dzimšanas apliecībā nebūs.

Ja ārpus laulības dzimuša bērna māte centusies paternitāti pierādīt tiesas kārtībā, bet personas, kuras viņa uzrādīs, šo apgalvojumu apstrīdēs, paternitātes ieraksta bērna dzimšanas apliecībā nebūs. Ja dzimšanas apliecībā atļautu ierakstīt par bērna tēvu jebkuru personu, bet pēc tam, pamatojoties uz tiesas spriedumu, šo ierakstu anulētu, arī tajos gadījumos paternitātes ieraksta nebūtu.

Gadījumā, kad bērns dzimis no gadījuma rakstura sakariem un bērna māte pati nevarēs vai nevēlēsies uzrādīt bērna tēvu, paternitātes ieraksta nebūs.

Minētajos gadījumos paternitātes konstatēšana nebūs iespējama kādu objektīvu vai subjektīvu apstākļu dēļ. Tāpēc, minētajam priekšlikumam par to, ka katra bērna dzimšanas apliecībā jābūt paternitātes ierakstam, nevar pievienoties. Šāds ieraksts bērna dzimšanas apliecībā būtu tikai fikcija, jo persona, kura ierakstīta it kā par bērna tēvu, patiesībā nebūtu bērna tēvs, un tādēļ nekādas tiesiskās attiecības starp bērnu un viņa dzimšanas apliecībā par tēvu ierakstīto personu nerastos.

Pamatoti jājautā, kādēļ vajadzīgi šādi fiktīvi ieraksti bērna dzimšanas apliecībā? Vai no tiem iegūs kādu labumu bērns, un vai tie uzlabos viņa tiesisko stāvokli?

Uz šādiem jautājumiem var atbildēt tikai negatīvi.

Šādi fiktīvi ieraksti radītu vienīgi neskaidrības bērnu paternitātes konstatēšanai, tie būtu zināms personas tiesību aizskārums, kas neatbilstu padomju socialistisko tiesību principiem. Pašam bērnam nekāds labums no šāda fiktīva ieraksta dzimšanas apliecībā nebūtu, jo tiesiskās attiecības starp bērnu un ierakstīto personu nerastos.

Tāpēc jāsecina, ka šāds jautājuma atrisinājums neatbilst ne padomju socialistisko ģimenes tiesību principiem, ne padomju tiesību principiem un uzdevumiem vispār. Tas neatbilst arī padomju ģimenes nostiprināšanas uzdevumam. Tāpēc nav iespējams pievienoties izvirzītajam priekšlikumam par to, ka vēlams pilnīgi atgriezties pie tādas paternitātes konstatēšanas kārtības, kāda bija spēkā līdz 1944. g. 8. jūlija dekreta izdošanai.

II. DAŽAS LAULĪBAS ŠĶIRŠANAS PROBLĒMAS DE LEGE FERENDA.

Ne mazāk nozīmīga problēma, kas izvirzījusies sakarā ar ģimenes tiesību kodifikāciju, un kas prasa neatliekamu atrisinājumu gan Vissavienības «Pamatos likumdošanai par laulību un ģimeni», gan arī Latvijas PSR Ģimenes kodeksā ir problēma par laulības šķiršanas institūta izveidojumu turpmākajā likumdošanā.

Pašreiz spēkā esošo laulības šķiršanas institūtu izveidojis PSRS APP 1944. g. 8. VII dekrēts, kas, radikāli grozot līdz tam pastāvējušo ļoti atviegloto laulības šķiršanas kārtību, paredzēja vairāku stādiju laulības šķiršanas procesu (1. samierināšanas stadija tautas tiesā; 2. laulības šķiršana pēc būtības Augstākajā tiesā; 3. laulības šķiršanas reģistrācija dzimtsarakstu birojā). PSRS TTK instrukcijas par laulības šķiršanas lietu caurskatīšanas kārtību 16.-a pants, papildinot dekrētu noteica, ka zināmos gadījumos laulības šķiršanu var ierosināt tieši Augstākajā tiesā bez iepriekšējas samierināšanas stadijas Tautas tiesā. Pie šīs kategorijas lietām pieskaitāma laulības šķiršana: a) sakarā ar viena laulātā atrašanos bezvēsts prombūtnē; b) sakarā ar viena laulātā notiesāšanu ar brīvības atņemšanu uz laiku ne mazāku par trim gadiem; c) sakarā ar viena laulātā saslimšanu ar hronisku garīgu slimību.

Nosakot šādu laulības šķiršanas kārtību, PSRS APP 1944. g. 8. VII dekrēta galvenais mērķis bija nostiprināt padomju ģimeni un nodibināt stingru kontroli pār laulības šķiršanu, disciplinēt padomju pilsoņus.

Kā šis uzdevums veikts?

Nevar neatzīt, ka minētajam dekrētam izdevies disciplinēt laulātos, radīt nopietnāku attieksmi pret iestāšanos laulībā.

Izdodot minēto dekrētu, tika pasvītota ideja, ka nepieciešama kontrole no valsts puses pār laulības šķiršanu, kas izriet no marksisma-leņinisma mācības par laulību socialistiskajā sabiedrībā. Šī ideja socialistiskās ģimenes tiesībās arī turpmāk jāliek pamatā laulības šķiršanas institūtam. Tomēr vairāk nekā 13 gadu prakse atklājusi dažus nopietnus trūkumus laulības šķiršanas kārtībā, kas būtu jāņem vērā, izstrādājot Latvijas PSR Ģimenes kodeksu.

Spēkā esošās tiesību normas, kas noteic laulības šķiršanas kārtību, sastapušas nopietnu kritiku mūsu presē un juridiskajā literatūrā.⁶

⁶ Б. Антимонов, А. Пергамент, «Нужны ли изменения в порядке расторжения брака?», Социалистическая законность, 1954 г., № 9, стр. 24; Г. М. Свердлов, «Спорный вопрос судебной практики по делам о расторжении брака», Социалистическая законность, 1953 г., № 9, стр. 37—43.

Prakse rāda, ka spēkā esošā laulības šķiršanas kārtība rada zināmas neērtības un grūtības, kuras nemaz nav nepieciešamas, jo tās nesekmē minētā dekrēta sprautā uzdevuma izpildīšanu un pietiekamā mērā neveicina ģimenes nostiprināšanu. Kādi iebildumi tad vērsti pret spēkā esošo laulības šķiršanas institūtu? Galvenais iebildums tiek vērsti pret laulības šķiršanas divām stādijām. Laulības šķiršana ir visai svarīgs notikums, kas attiecas ne tikai uz pašiem laulātiem, bet kas interesē visu sabiedrību. Tāpēc arī sabiedrības kontrole pār laulības šķiršanu nepieciešama un tā veicama tiesai, izskatot laulības šķiršanas lietas. Tomēr šim nolūkam, kā rāda prakse, nebūt nav nepieciešams laulības šķiršanas lietas izskatīt republikas Augstākajā Tiesā. Laulības šķiršanas uzdevums pilnīgi pa spēkam arī Tautas tiesai. Tāpēc Latvijas PSR Ģimenes kodeksā būtu vēlams paredzēt visu laulības šķiršanas lietu nodošanu Tautas tiesu kompetencei, atstājot Augstākajai Tiesai tikai kasācijas un uzraudzības funkciju šajās lietās. Šāda laulības šķiršanas kārtība būtu vēlama sekojošu apsvērumu dēļ: Pirmkārt, laulības šķiršana republikas centrā rada samērā lielas neērtības un grūtības republikas attālāko rajonu iedzīvotājiem, prasot gan samērā daudz līdzekļu, gan arī lielu laika patēriņu. Otrkārt, Tautas tiesai, kas parasti atrodas vistuvāk laulāto dzīves vietai, ir daudz lielākas iespējas pilnīgāk noskaidrot lietas faktiskos apstākļus, ievākt daudz vairāk pierādījumu nekā Augstākajai Tiesai. Minētie apsvērumi runā par labu laulības šķiršanas lietu nodošanai Tautas tiesu kompetencei.

Tāpēc Latvijas PSR Ģimenes kodeksā būtu paredzama norma, ka «laulātiem dzīviem esot, laulība izbeidzas, to šķirot tautas tiesā.» Šī norma minētajā redakcijā būtu attiecināma uz visiem laulības šķiršanas gadījumiem.

Padomju juridiskajā literatūrā un periodiskajā presē izteikti arī citādi uzskati jautājumā par laulības šķiršanas institūta turpmāko izveidojumu.

Cik atļauj šī raksta apmēri, pieskarsimies divām galvenajām laulības šķiršanas problēmām — proti, laulības šķiršanas vienkāršotajiem gadījumiem un gadījumiem, kad laulības šķiršana pieteikta pēc abu laulāto vienošanās.

Pēc spēkā esošiem likumiem, triju kategoriju laulības šķiršanas lietās ir paredzēta laulības šķiršanas vienkāršota kārtība, atmetot samierināšanās stadiju tautas tiesā. Šīs kategorijas laulības šķiršanas lietas raksturīgas ar to, ka tajās tiesai nav iespējams realizēt savu funkciju laulāto samierināšanā (katrā ziņā tajos gadījumos, kad viens no laulātiem ir bezvēsts prombūtnē, vai arī kad tas atrodas ārstniecības iestādē kā hroniski garīgi slims. Varētu būt strīdus jautājumus par to, vai samierināšanās procedūra reāli

pielietojama tajos gadījumos, kad viens no laulātiem ir notiesāts ar brīvības atņemšanu uz laiku ne mazāku par trim gadiem. Par šīs kategorijas laulības šķiršanas lietu izskatīšanas turpmāko kārtību padomju ģimenes tiesību zinātnē nav vienota viedokļa. Juridiskajā literatūrā izvirzīts uzskats, ka visos šajos gadījumos tiesai nav laulāto samierināšanās funkcijas, ka šo kategoriju laulības šķiršanas lietās tiesai esot vienīgi jāpārbauda prasītāja dokumenti par to, kas apliecina kādu no minētiem laulības šķiršanas obligātajiem motīviem. Ja šādus dokumentus prasītājs tiesai iesniedz, tad neesot strīda par laulības šķiršanu, laulība tiesai obligāti šķirama.

Tāpēc ierosināts turpmākajā likumdošanā paredzēt normu, ka visos šajos gadījumos laulības šķiršana nododama dzimtsarakstu biroja kompetencei, jo minēto dokumentu pārbaudi varot veikt arī dzimtsarakstu biroja darbinieki.⁷

Arī Krievijas PFSR jaunā Laulības, ģimenes un aizbildnības likumu kodeksa projekta autori aizstāv šo viedokli, ietverot kodeksa projektā normu, ka laulību var šķirt reģistrācijas kārtībā dzimtsarakstu birojā, ja otrs laulātais:

1. noteiktā kārtībā atzīts par bezvēsts promesošu;
2. atzīts par rīcības nepējīgu sakarā ar hronisku garīgu slimību;
3. notiesāts ar brīvības atņemšanu uz laiku ne mazāku par trim gadiem.

Nevar iebilst pret pašreiz šajā nozarē spēkā esošo likumu kritiku. Tiesām nav nekādas nepieciešamības izskatīt šīs kategorijas laulības šķiršanas lietas republikas Augstākajā Tiesā, it īpaši jau tāpēc vien, ka runa ir par obligātiem laulības šķiršanas motīviem. Tomēr nevar būt vienis prātis ar jau minēto, juridiskajā literatūrā izvirzīto tēzi par šīs kategorijas lietu izskatīšanas aprobežošanu tiesā vienīgi ar prasītāja iesniegto dokumentu pārbaudi.

Vadoties no šīs tēzes, arī izvirzīts priekšlikums par šīs kategorijas laulības šķiršanas lietu nodošanu dzimtsarakstu biroju izskatīšanai.

Pēdējo motivē vēl ar to, ka šāda kārtība atslogošot tiesu darbu.

Tomēr trūkst pamata apgalvojumam, ka, izskatot šīs lietas tiesā, pēdējai jāaprobežojas vienīgi ar prasītājam esošo dokumentu pārbaudi un tam 'automātiski jāseko laulības šķiršanas reģistrācijai. Arī šajos gadījumos, un tas ir jāpatur vērā, tiek šķirta laulība un līdz ar to atrisināti citi ar laulības šķiršanu saistītie tiesību jautājumi.

---

⁷ А. И. Пергамент, «К проекту Кодекса законов РСФСР о браке и семье», Советская юстиция, 1957 г., № 4, стр. 37.

Šajos gadījumos, šķirot laulību, ir jāatrisina virkne svarīgu tiesisku jautājumu par laulāto personiskajām un mantiskajām tiesībām (uzvārds, kopmantas sadale, eventuāli laulāto alimentācijas jautājumi).

Jaunajā Latvijas PSR Ģimenes kodeksā paredzētas normas par laulāto alimentācijas tiesībām arī pēc laulības šķiršanas. Minētajos gadījumos, šķirot laulību, jālemj arī par viena laulātā mantas apsardzību (ja tas atrodas bezvēsts prombūtnē vai arī ir garīgi slim). Nedrīkst aizmirst, ka civiltiesisko attiecību sfērā gan garīgi slimais, gan bezvēsts promesošais, gan arī notiesātais ir pilnvērtīgi tiesību subjekti, kuru tiesībspēja nav mazināta.

Tas uzliek pienākumu orgānam, kas šķirs laulību, gādāt par to, lai šo tiesību subjektu tiesiskās intereses tiktu aizsargātas, it sevišķi jau tāpēc, ka viņi paši to nespēj.

Šķirot laulību šīs kategorijas lietās, tiesai arī jāpārbauda, vai prasītāja grība ir pilnvērtīga. Ja šajā laulībā ir bērni, jāizšķir jautājums par bērniem. Viss šīs tiesību jautājumu komplekss var rasties, izskatot minēto kategoriju lietas.

Vai dzimtsarakstu birojs būtu spējīgs izlemt minētos jautājumus? Nav šaubu, ka izšķirt strīdu par laulāto personiskajām un mantiskajām tiesībām dzimtsarakstu birojs nespēj, tas jānodod tiesu kompetencei.

Tajos gadījumos, kad norādītie strīdi par tiesībām izvirzīsies, pēc laulības šķiršanas formālas reģistrācijas dzimtsarakstu birojā prasītājam no jauna vajadzēs griezties tiesā, lai izšķirtu minētos tiesību jautājumus.

Tāpēc, pieņemot priekšlikumu par šīs kategorijas lietu nodošanu dzimtsarakstu birojam, rastos nevajadzīga un sarežģīta dubulta «tiesvedība». Tā noraidāma.

Vēl atliek šā priekšlikuma aizstāvju izvirzītais arguments, ka šīs kategorijas lietu izskatīšana dzimtsarakstu birojos atslogos tiesu darbu. Pēc spēkā esošās kārtības šo kategoriju lietas nepiekrīt tautas tiesām, bet izskatāmas republikas Augstākajā Tiesā. Pēdējā ar tām viegli tika galā. Jādomā, ka, sadalot šīs lietas pa tautas tiesām, neradīsies pārāk liels tautas tiesu darba noslogojums.

No teiktā var secināt, ka šīs kategorijas laulības šķiršanas lietu izskatīšanā tiesas savu darbu nebūt nedrīkst reducēt līdz formālismam, kur tā nodarbojas vienīgi ar prasītāja dokumentu pārbaudi. Tiesām ir jālemj par visām svarīgām laulāto personiskajām un mantiskajām tiesībām, kuras atrisināmas konkrētā lietā. Protams, ka tas obligāti nav jāveic Augstākajai Tiesai, šo uzdevumu pilnīgi var veikt tautas tiesas. Šāda kārtība būtu jāparedz arī Latvijas PSR Ģimenes kodeksā. Tā vispilnīgāk atbilstu

socialistisko tiesību principiem un vispilsnīgāk nodrošinātu tiesību subjektu tiesiskās intereses.

Otrs strīdus jautājums, kas izvirzījies Latvijas PSR Ģimenes kodeksa projektā izstrādāšanas gaitā jautājumā par laulības šķiršanas institūtu, ir jautājums par laulības šķiršanas kārtību tajos gadījumos, kad abi laulātie izteikuši vēlēšanos šķirt laulību.

Spēkā esošā likumdošana neparedz šajos gadījumos nekādu izņēmumu no vispārējās kārtības laulības šķiršanas lietās. Buržuāziskās Latvijas Civillikums, uzskaitot laulības šķiršanas motīvus, paredzēja, ka «laulība šķirama abiem laulātajiem par to vienojoties» (78. p.).

Padomju juridiskajā literatūrā izvirzīts priekšlikums par to, ka abu laulāto izteikta vienošanās šķirt laulību ir jāuzlūko par obligātu pamatu laulības šķiršanai. G. Sverdlovs izvirza šo priekšlikumu, pamatodams to ar laulības brīvprātības principu. Iestājoties laulībā, pastāv brīvprātības princips, un laulība rodas tikai savstarpējas brīvprātības un labprātīgas vienošanās ceļā. Tāpēc pēc G. Sverdlova domām arī laulības šķiršanai tāpat vajagot notikt abu laulāto savstarpējas vienošanās rezultātā.⁸

Rakstā «Jautājumā par Krievijas PFSR Laulības un ģimenes kodeksa projektu» A. Pergamente izvirza sekojošu tēzi: Valsts esot ieinteresēta ģimenes saglabāšanā tikai tajos gadījumos, ja laulībā dzimuši bērni. No tā viņa secina, ka visos pārējos gadījumos jautājums par laulības šķiršanu vai tās saglabāšanu esot atstājams pašu laulāto brīvai izlemšanai. Bez tam autore secina, ka pēdējā gadījumā būtu jāatļauj šķirt laulību reģistrācijas kārtībā dzimtsarakstu birojā.⁹

Jaunajā Krievijas PFSR Laulības, ģimenes un aizbildnības likumu projektā paredzēti divi varianti. Pirmais noteic, ka laulātie, kuriem nav bērnu, var pēc savstarpējas vienošanās izbeigt laulību, reģistrējot laulības šķiršanu dzimtsarakstu birojā. Otrais variants paredz, ka, savstarpēji vienojoties, laulātie var izbeigt laulību, reģistrējot laulības šķiršanu dzimtsarakstu birojā. (40. p.)

Vai abu laulāto vienošanās būtu uzlūkojama par obligātu laulības šķiršanas motīvu, un vai šāda tiesību norma nosakāma jaunajā Latvijas PSR Ģimenes kodeksā?

Lai atbildētu uz šo jautājumu, vispirms dažus vārdus par laulības šķiršanas motīviem vispār. Spēkā esošais kodekss nav paredzējis laulības šķiršanas motīvus ne konkrētā, ne vispārējā

---

⁸ Г. М. Свердлов, «Спорный вопрос судебной практики по делам о расторжении брака», Социалистическая законность, 1953 г., № 9, стр. 37—43.

⁹ А. И. Пергамент, «К проекту кодекса законов о браке и семье», Советская юстиция, 1957 г., № 4, стр. 38.

veidā. Šo trūkumu likumdošanā centusies novērst PSRS TTK Instrukcija par laulības šķiršanas lietu caurskatīšanas kārtību. Tās 16.-a p. paredzēti trīs obligāti laulības šķiršanas motīvi. Arī PSRS Augstākās Tiesas Plēnuma 1949. g. 16. septembra lēmuma 1. pants devis vispārīgā veidā norādījumus tiesām par laulības šķiršanas motīviem.

Minētais PSRS Augstākās Tiesas Plēnuma lēmums, starp citu, arī nosaka, ka viena vai abu laulāto nevēlēšanos turpināt laulības dzīvi nevar uzskatīt par pietiekošu pamatu laulības šķiršanai. Tikai tajā gadījumā, kad tiesa, ņemot vērā lietas konkrētos apstākļus, nākusi pie pārliecības, ka laulības šķiršanas lietas ierosinājums radies no dziļi pārdomātiem un dibinātiem iemesliem un ka tālāka laulības saglabāšana runātu pretim komunistiskās morāles principiem un nevarētu radīt normālus apstākļus kopdzīvei un bērnu audzināšanai, liesa var laulību šķirt.

Jaunajā Latvijas PSR Ģimenes kodeksā būtu vēlams noteikt laulības šķiršanas motīvus, vismaz vispārējā veidā. Tam būtu ievērojama padomju pilsoņus audzinoša un disciplinējoša nozīme.

Gadījumā, ja Ģimenes kodeksā noteiktu laulības šķiršanas motīvus, tad arī būtu jāapsver atbilde jautājumam par to, vai abu laulāto vienošanās ir vēlams uzlūkot par obligātu un neapstrīdamu laulības šķiršanas motīvu.

Nav iespējams bez ierunas pievienoties G. Sverdlova izteiktai domai, ka, vadoties no laulības brīvprātības principa, laulāto brīvas un labprātīgas vienošanās princips liekams arī laulības šķiršanas pamatā. Ieruna jāpatur vismaz tiem gadījumiem, kad laulībā dzimuši bērni. Tad jāvadās no ģimenes saglabāšanas principa, bērnu interesēm, un katrā konkrētā laulības šķiršanas gadījumā tiesai jāpārbauda laulības šķiršanas dziļākie faktiskie iemesli; tai jācenšas panākt visiem iespējamiem līdzekļiem laulības saglabāšana.

Tāpēc nebūtu vēlams Latvijas PSR Ģimenes kodeksā paredzēt normu, ka abu laulāto vienošanās uzskatāma par obligātu laulības šķiršanas motīvu, jo sevišķi tajos gadījumos, kad laulībā dzimuši bērni. Nedrīkstētu mazināt padomju ģimenes tiesību normu uzdevumu laulāto disciplinēšanā. Tas izriet no tā, ka padomju ģimenes tiesībām it īpaši jāveicina sabiedrības attīstība komunisma celtniecības virzienā. Šāds uzdevums padomju ģimenes tiesībām jāveic, disciplinējot un audzinot katru sabiedrības locekli dzīves progresam vēlamās izturēšanās virzienā, panākot, lai katra sabiedrības locekļa uzvešanās atbilstu sociālistiskās sabiedrības prasībām, komunistiskās celtniecības prasībām, prasot no socialistiskās sabiedrības locekļiem atbildīgāku un rūpīgāku nostāju ģimenes attiecībās. Arī laulības šķiršanas jautājumā būtu

prasāms, lai laulāto vienošanās šķirt laulību būtu pamatota no socialistiskās sabiedrības interešu viedokļa. Tikai tad tā uzlūkojama par izšķirīgu laulības šķiršanas motīvu. Vai šāda vienošanās ir pamatota, varēs konstatēt tiesa, kas laulību šķirs. Latvijas PSR Augstākās tiesas prakse pierāda, ka visos gadījumos, kad ir abu laulāto vienošanās šķirt laulību, vienmēr tiek konstatēti cēloņi, kas savstarpējo vienošanos rada. Var secināt, ka tādējādi Latvijas PSR Augstākās tiesas prakse par laulības šķiršanas motīvu neuzlūko laulāto abpusējo vienošanos, bet par šādiem motīviem laulības šķiršanai uzlūko tos apstākļus, kas laulāto vienošanos radījuši.

Laulāto vienošanās nevar rasties pati no sevis bez jebkādiem iemesliem. Tāpēc spriedumus laulības šķiršanas lietās tiesa vienmēr pamato nevis ar abu laulāto savstarpējo vienošanos, bet gan ar tiem apstākļiem, kuri šo vienošanos radījuši.

Šāds viedoklis jāatzīst par pareizu.

Uzskatot abu laulāto vienošanos par obligātu laulības šķiršanas motīvu, juridiskajā literatūrā izvirzīts arī priekšlikums turpmāk paredzēt šīs kategorijas lietu izšķiršanu dzimtsarakstu birojiem. Pamatojot šādu priekšlikumu, tā autori norāda, ka tas atvieglošot tiesu darbu, ka laulāto vienošanās esot iespējams konstatēt arī dzimtsarakstu biroja darbiniekiem, ka laulāto samierināšanās šīs kategorijas lietās praktiski netiekot sasniegta, tāpēc tiesai arvien formāli jāapmierinot laulības šķiršanas prasība.

Vai pēdējais uzskats pamatots?

Nenoliedzams, ka dzimtsarakstu biroja darbinieki būtu spējīgi reģistrēt laulības šķiršanu. Bet pārbaudīt, ar ko pamatota laulāto vienošanās, gan pareizāk varēs tikai tiesa. Nevar pievienoties arī apgalvojumam, ka, izskatot tiesā šīs kategorijas lietas, laulāto samierināšana kļūstot lieka.

Vadoties no ģimenes nostiprināšanas uzdevuma, kas ir viens no socialistisko ģimenes tiesību pamatuzdevumiem, arī šajos laulības šķiršanas gadījumos paliek tiesas pienākums censties laulātos samierināt, noskaidrojot patiesos laulības šķiršanas cēloņus.

Ņemot par laulības šķiršanu, tiesai jādisciplinē pilsoņi, labi jāveic tai uzliktais audzināšanas uzdevums.

Tāpēc jācenšas panākt ikvienā laulības šķiršanas lietā, lai sabiedrības locekļos ieaudzinātu socialistiskajai sabiedrībai vēlamu uzvešanos. Tas iespējami maksimāli samazinātu šķiramo laulību skaitu.

Jānoraida iebildumi, ka samierināšanās nedodot cerētos panākumus, ka mūsu tiesa laulāto samierināšanu veicot formāli.

Šādi iebildumi var pievest mūsu uzmanību vienīgi tam, ka turpmāk tiesu darbs laulības šķiršanas lietās ievērojami uzlabojams. Ja arī ne katrā gadījumā tiesa iespēj samierināt laulātos, tomēr tai atliek uzdevums censties pēc tā. Šo uzdevumu veicot priekšzīmīgi un nevis formāli, mūsu tiesa audzinās visus sabiedrības locekļus komunistiskajai morālei vēlāmā virzienā.

Priekšlikums izņemt no tiesu kompetences šīs kategorijas laulības šķiršanas lietas ir jānoraida. Tāds priekšlikums nozīmētu pietiekami nenovērtēt, pat ievērojamā mērā mazināt padomju tiesas audzinošo lomu.

Nav saprotams, kā šo audzināšanas uzdevumu veiktu dzimtsarakstu biroji. Tajos laulības šķiršana aprobežotos tikai ar tās formālu reģistrāciju, nenoskaidrojot laulības šķiršanas patiesos cēloņus un nemēģinot samierināt laulātos. Pie tam laulības šķiršanas process nebūtu publisks, tas nevarētu audzinoši ietekmēt pārējos sabiedrības locekļus.

Šķirot laulību dzimtsarakstu birojā arī šajos gadījumos, protams, būs nepieciešams izšķirt attiecīgos personisko un mantisko tiesību jautājumus starp laulātiem. Tas, kā zināms, vienmēr ietilpst tiesu kompetencē.

Ievērojot teikto, jāsecina, ka veidojamā Latvijas PSR Ģimenes kodeksā nebūtu vēlams ietvert normu, ka laulāto savstarpējās vienošanās gadījumā laulība šķirama reģistrācijas kārtībā dzimtsarakstu birojā, neatkarīgi no tā, vai laulībā ir vai nav bērnu.

Kodeksā jāparedz vienota tiesas kārtība visiem laulības šķiršanas gadījumiem.

Jaunajam Latvijas PSR Ģimenes kodeksam jānodrošina kā laulāto, tā arī pārējo ģimenes locekļu tiesiskās intereses, tam jāveic socialistiskās ģimenes nostiprināšanas uzdevums.

И. Индулен
Ст. преподаватель

ПЛАНИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ О ХИЩЕНИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА В КООПЕРАТИВНОЙ ТОРГОВЛЕ.

Борьба с хищениями общественного имущества в кооперативной торговле является в настоящее время одной из важнейших задач следственных органов Латвийской ССР.

В июне 1957 года республиканское собрание партийного актива обсудило вопрос об укреплении социалистической законности. Актив отметил, что все еще расхищается социалистическое имущество и что органы прокуратуры обязаны повысить качество расследования уголовных дел.

Особенно плохо расследуются хищения общественного имущества в системе республиканского союза потребительских обществ ЛССР, где «общая сумма только крупных растрат и хищений в 1956 году составила 4,3 миллиона рублей. Кроме того, списано в убытки 3,8 миллиона рублей растрат и хищений прошлых лет»¹.

Такое положение, а также и то обстоятельство, что на 1-ое января 1957 года осталось нераскрытыми много случаев хищений кооперативного имущества, на сумму около 7 миллионов рублей, свидетельствует о трудностях расследования этой категории уголовных дел и необходимости хороших познаний в области методики их расследования.

Предпосылкой успешного раскрытия хищений общественного имущества в кооперативной торговле является правильное планирование следствия.

В первичных материалах о хищениях имущества в кооперативной торговле, в большинстве случаев, указывается только на наличие недостачи, но не указываются факты и способы хищения. В задачу следователя входит вскрыть причины недостачи, разыскать похищенные ценности или установить пути реализации, обеспечить возмещение нанесенных убытков и привлечь виновных к уголовной ответственности. Для дости-

¹ *Н. Виссенек*, Всемерно укреплять социалистическую законность. «Коммунист Советской Латвии», 1957 г., № 8, стр. 40.

жения этого следователь должен провести ряд действий и при том в течении короткого срока, как этого требует эффективность борьбы с расхитителями общественного имущества. Быстрота и оперативность следственных действий — залог успеха расследования уголовных дел.

Уголовное дело должно быть расследовано в срок, не превышающий двух месяцев. Но в производстве следователя находится не одно уголовное дело, а несколько, иногда более десяти дел. Расследовать одновременно все дела, находящиеся в производстве, можно с успехом только при соответствующем планировании всей работы следователя. Бесплановость работы приведет неминуемо к нарушению сроков следствия, самотеку, загромождению дел ненужными материалами, неполноте расследования, т. е. в итоге к снижению уровня борьбы с преступностью.

Если еще 25 лет назад спорили по вопросу, возможно ли и нужно ли планировать следственную работу, то в настоящее время общепризнана необходимость планирования расследования по любому уголовному делу. Планирование расследования дела является одним из основных условий обеспечения высокого качества следствия.

Расследование уголовного дела планируется на основе имеющихся в деле материалов, которых должно быть достаточно для построения хотя бы одной версии о совершенном преступлении. Если эта возможность отсутствует, следователь обязан провести первоначальные следственные действия и обеспечить, таким образом, сбор материалов, достаточных для создания версии.

Проф. С. А. Голунский определяет момент начала планирования следующим образом: «во первых, момент, когда нужно строить план, должен быть таков, чтобы к этому времени следователь располагал уже достаточными данными, которые позволили бы ему наметить хотя бы ориентировочно те направления, по которым расследование может развиваться; этим мы определяем момент, не раньше которого может быть составлен план; во-вторых, план должен быть составлен не позже того момента, когда следователь исчерпал все то, что можно было сделать без плана, когда следователь провел всю ту первоначальную работу, которая может быть сделана без особых размышлений о том, где искать доказательства, какие доказательства и как собирать»¹.

---

¹ Материалы учебной конференции следователей в Прокуратуре Союза ССР, М., 1937 г., стр. 58.

Принятое к производству уголовное дело, содержащее материалы, оформленные в соответствии с инструкцией НКЮ СССР и приказом Прокуратуры СССР № 49/1—А-21, как правило, дает возможность следователю немедленно приступить к планированию, так как такие материалы содержат указание на недостачу и его содержание и иногда по чьей вине допущено преступление, т. е. достаточно данных для построения хотя бы одной версии происшедшего события.

Планирование работы следователя выражается в следующих формах: планируется расследование уголовного дела, планируются отдельные следственные действия (в случае их сложности) и вся работа следователя в целом. Соответственно этому составляются: план расследования конкретного уголовного дела, план конкретного следственного действия и сводный или календарный план работы следователя. Для того, чтобы планирование дало свои положительные результаты, следователь обязан, в первую очередь, хорошо знать специфику расследуемого дела, особенности отдельных следственных действий, способы совершения преступления. В основу планирования нужно ставить следующие принципы: своевременность составления плана, индивидуальность плана по каждому уголовному делу, реальность плана, планирование действий, отвечающих требованию строжайшего соблюдения законности, и гибкость плана. Без учета этих принципов планирование станет формальным и особых положительных результатов не даст.

К составлению плана следователь должен подходить со всей серьезностью, не спеша, внимательно, вдумчиво. Время, затраченное на составление плана, всегда окупится.

Планирование должно решить целый ряд задач. По каждому уголовному делу о хищении социалистического имущества необходимо выяснить следующие обстоятельства: а) совершено ли хищение; б) где и когда оно совершено; в) каким способом совершено преступление; г) какие орудия были применены в процессе преступной деятельности; д) кто совершил преступление; е) мотивы совершения преступления; ж) условия, способствовавшие совершению преступления. Кроме того необходимо принимать соответствующие меры к отысканию похищенных ценностей и обеспечить возмещение причиненного кооперативу ущерба путем описи и ареста имущества, принадлежащего подозреваемым в совершении хищения.

Таким образом, следователь обязан отыскать по делу истину, выяснить все существенные обстоятельства совершенного преступления, собрать доказательства за и против обви-

нения. Только после выяснения этих коренных вопросов дело можно будет считать расследованным с достаточной полнотой. Для осуществления этих задач следователь обязан построить все возможные версии и путем проверки каждой из них найти правильную.

Таким образом планировать расследование уголовного дела — значит наметить следственные действия для проверки правильности выдвинутых версий с целью раскрытия преступления и предания преступника в руки правосудия в наикратчайший срок.

Содержание версий зависит от конкретных обстоятельств дела, и поэтому нельзя дать рецепт версий, пригодный для всех случаев совершенных преступлений.

Однако, на основе исследования и анализа практики расследования уголовных дел о хищениях общественного имущества в системе кооперативной торговли Латвийской ССР, представляется возможным дать некоторые рекомендации в области планирования дел рассматриваемой категории.

Так, при разработке версий по материалам об обнаружении недостачи материальных ценностей у заведующего магазином потребительской кооперации, при отсутствии в материалах указаний на причины возникшей недостачи, могут быть выдвинуты следующие версии:

1) недостача могла образоваться в силу растраты или присвоения материальных ценностей самим материально-ответственным лицом;

2) недостача могла возникнуть в силу растраты или присвоения продавцами, не являющимися материально-ответственными лицами, но имевшими в своем распоряжении материальные ценности;

3) недостача могла получиться от того, что незаметно для работников магазина была совершена кража;

4) недостача могла быть результатом халатности заведующего магазином, утерявшего отчетные документы или принявшего товары без проверки;

5) могла быть налицо так называемая мнимая недостача в силу бухгалтерских ошибок.

При наличии кражи со взломом магазина или склада следует выдвинуть такие версии, как:

- 1) кража совершена посторонним лицом или лицами;
- 2) кража симулирована.

В зависимости от характера дела могут быть выдвинуты еще и другие версии, а в ходе проверки намеченных версий могут всплыть новые версии.

Учитывая, что следы, вещественные доказательства, а также сам преступник могут исчезнуть, следователь обязан все намеченные версии проверять параллельно. Поочередная проверка версий недопустима! Планом нужно определить и пределы расследования. В сферу расследования должны быть включены обстоятельства, непосредственно касающиеся преступного факта. Следствие по выявленным преступным действиям, не связанным с расследуемыми, должно быть выделено в самостоятельное дело. Осуществление намеченных следственных действий необходимо планировать в самые сжатые сроки. Практика показывает, что сроки, предусмотренные планом, во многих случаях нарушаются по независящим от следователя обстоятельствам. Так, например, вызванный свидетель опоздал, заболел или вообще не явился в прокуратуру по неизвестным причинам. Или: производство следственного эксперимента не могло состояться ввиду отъезда в командировку специалиста, участие которого в нем было необходимо. Может быть и так, что сам следователь должен был непредвиденно выехать в командировку или получил какое-то другое поручение. Таким образом, как правило, в процессе следствия создаются «окна», которые можно и нужно использовать для проведения следственных действий, умело корректируя планы. Предусматривать поэтому в плане специально какое-то «резервное время», как это делают иногда некоторые следователи, нет надобности.

Для правильной организации работы по расследованию преступлений с целью быстрее и полного их раскрытия, следователь должен знать способы совершения преступлений. Только после уяснения механизма преступных действий станет возможным довести расследование до конца. Поэтому важно, чтобы следователь постоянно и систематично изучал следственную и судебную практику и, соответственно обогащая свои теоретические знания, применял их в своей повседневной работе. Ряд преступлений совершается путем применения комплекса различных методов и средств. Отдельные преступники тщательно готовятся к осуществлению своих замыслов, предварительно изучая эффективность тех или иных средств как совершения преступления, так и сокрытия его следов, знакомятся с методами раскрытия преступления, тренируются в тех или иных действиях, например, бесшумно взломать

дверь и т. д. Однако не все преступники применяют уже известные методы. Боясь разоблачения и ответственности, они прибегают к новым способам совершения преступления.

Поэтому задача следователя — не только строить свою работу на основе уже известных практике случаев хищений, но и быть находчивым, политически и практически подготовленным для раскрытия новых, еще не встречавшихся в следственной практике способов совершения преступлений. Частично эта задача может быть успешно решена, если следователь будет знать уже известные способы хищения общественного имущества в потребительской кооперации.

На основе результатов исследования следственной практики можно сделать вывод, что хищение общественного имущества в системе кооперативной торговли совершается, в основном, следующим образом:

1. Материально-ответственное лицо систематически присваивает вверенные ему товарно-материальные ценности и расходует их для себя, для нужд семьи, родственников и даже близких знакомых, а образовавшуюся недостачу при ее обнаружении стремится покрыть личными деньгами.

2. Образовавшуюся таким же путем недостачу материально-ответственное лицо пытается сокрыть:

а) симуляцией кражи.

К примеру: заведующий магазином Саукского сельпо Т. за время работы с 26 июня 1952 года по 5 мая 1953 года присвоил разных товарно-материальных ценностей на сумму 21.158 руб. 28 коп. Об очередных ревизиях Т. всегда узнавал (каким путем он узнавал по делу не установлено) и тщательно к ним «готовился». 5 мая 1953 года Т. был призван в армию и, с разрешением правления потребительского общества, сдал магазин своей жене И., назначенной заведующей магазином вместо мужа, без проведения инвентаризации. Уходя в армию, Т. посоветовал жене симулировать кражу. И. договорилась с неким В., и последний в ночь на 8 июня выбил витрину магазина, где уже предварительно были созданы «следы» кражи. Симуляция была разоблачена и И. полностью признала себя виновной. Все трое были осуждены⁴.

б) путем обмана потребителей.

Так Л., работая заведующим секцией магазина № 3 Валмиерского потребительского общества, за период с января по октябрь 1953 года систематически расхищал вверенные ему

---

⁴ Дело № 1-24/54 народного суда Неретского района.

ценности. В целях сокрытия своих преступных действий Л. обвешивал и обмеривал потребителей, продовал товары низшего качества по ценам высшего сорта и составлял фиктивные отчеты, которые принимались к отчету его соучастниками — директором магазина и бухгалтером потребительского общества⁵.

в) обманом инвентаризационной комиссии представлением других, поддельных товаров и т. д.

Иллюстрируем это примером из практики. Заведующая магазином № 7 Цесисского потребительского общества В. присвоила различных продуктов на сумму 3.286 руб. 78 коп. и допустила порчу товаров на сумму 741 руб. 50 коп. Пытаясь скрыть недостачу, В. наполнила водой 150 бутылок из-под водки и ликера, насыпала ящики из-под конфет солью, а вместо орехов в ящики наложила камни и предъявила эти ящики при инвентаризации. Махинация В. тут-же была разоблачена, но В. успела скрыться. На следующий день т. е. 29 января 1952 года В. была задержана. В своих объяснениях она сослалась на возможность хищения товаров продавцом. Однако произведенным расследованием эта ссылка была опровергнута⁶.

г) Хищение производится иногда путем неоприходования принятых ценностей.

Так, например, 2 сентября 1953 года заведующий ларьком № 3 Вилякского потребительского общества М. получил колесную мазь и цемент на общую сумму 2.652 руб. 50 коп. М. решил похитить эти товары. Не оприходуя, он их продал, а деньги присвоил⁷.

д) Наконец, бывают случаи, когда материально-ответственные лица укрывают хищение товарно-материальных ценностей путем представления различного рода подложных документов, как-то: фиктивных актов о списании ценностей в связи с их «порчей»; подложных документов о якобы переданных другим материально-ответственным лицам подотчетных ценностей; составления безтоварных накладных; фиктивных отчетов и т. п.

Так, например, заведующий магазином № 2 и складом Вышковского потребительского общества К. за 8 месяцев 1953 года совершил растрату на сумму 22.784 руб. 98 коп. и

⁵ Дело № 1-8/54 народного суда Валмиерского района.

⁶ Дело № 1-31/52 народного суда 1-го уч. Цесисского района.

⁷ Дело № 1-75/54 народного суда Малтского района.

для сокрытия следов преступления составлял безтоварные накладные и завышал цены на товары⁸.

е) Для сокрытия образовавшейся недостачи материально-ответственные лица заимствуют иногда деньги, товары, тару и т. п. от других материально-ответственных лиц на время инвентаризации, о которой они узнали заранее.

3. Материально-ответственное лицо оптовой торговли продает вверенные ему ценности частным лицам и вырученные суммы присваивает, а образовавшуюся недостачу пытается скрыть отмеченными выше способами.

Так, заведующий складом Лимбажского потребсоюза К. брал для себя и своей семьи со склада мясо, яйца, яблоки и продавал продукты другим лицам. Образовавшуюся недостачу на сумму 4.214 рублей он пытался скрыть, изготовив фиктивную сдаточную фактуру о передаче товаров в другой склад⁹.

4. Материально-ответственное лицо злоупотребляет своим служебным положением и относится халатно к своим обязанностям, не обеспечивает охрану предприятия, допускает посторонних лиц торговать, без проверки принимает товары и не соблюдает порядок учета и отчетности, в результате чего расхищается общественное имущество. Установить в таких случаях каналы, по которым были взяты материальные ценности, трудно.

У заведующей магазином Бильского сельпо П. в течение двух месяцев — с 1 января по 4 марта 1954 года образовалась недостача на сумму 16.903 руб. 83 коп. П. разрешала торговать своим знакомым, не знающим торговое дело и допустившим пьянки в магазине. К ответственности была привлечена только П. Кто же фактически воспользовался похищенными ценностями, установить не представилось возможным¹⁰.

5. Хищение товарно-материальных ценностей организуется группой работников потребительской кооперации. Это один из наиболее опасных видов хищений, так как хищение маскируется большим кругом лиц и обычно совершается в больших размерах.

Прокуратурой Бауского района была разоблачена группа расхитителей кооперативных средств двенадцатью буфетчицами во главе с бухгалтером Б. Путем составления фиктивных

⁸ Дело № 1-9/54 народного суда Даугавпилсского района.

⁹ Дело № 36/52 народного суда Лимбажского района.

¹⁰ Дело № 1-30/54 народного суда Смилтенского района.

отчетов по совместной договоренности они присвоили в течение короткого времени 60 тысяч рублей. Дело было вскрыто по заявлению одной из буфетчиц. Проведенные же до этого ревизии не устанавливали хищения, так как сверка с бухгалтерскими документами давала всегда положительные результаты¹¹.

6. Немало случаев, когда общественное добро похищается посторонними лицами. Так, например, рабочий электростанции В. в ночь на 14 ноября 1954 года, взломав киоск № 1 Неретского потребительского общества, украл из киоска 1.347 руб. 36 коп. денег и различных продуктов на 299 руб. 30 коп.¹².

Гражданка Д., воспользовавшись невнимательностью продавца в момент, когда он отвернулся, украла с прилавка магазина Алсунгского потребительского общества отрез шерсти и, спрятав его под пальто, покинула магазин. Дело было возбуждено на основании заявления соседней Д.¹³.

Планировать следственные действия, их очередность необходимо с учетом обстоятельств каждого конкретного дела.

Выше мы указывали, какие моменты должны быть рассмотрены для достижения полноты расследования. Однако анализ следственной практики по делам о хищениях общественного имущества в кооперативной торговле показывает, что по многим делам следователи не устанавливали причины возникновения недостач и не расследуют пути сбыта похищенных ценностей, в связи с чем дела возвращаются судами на доследование. Поэтому следует подчеркнуть, что при планировании нужно обязательно учитывать мероприятия по установлению этих моментов, осуществляемые самими различными следственными действиями — обысками, допросами, экспертизами и т. д.

Форма составления планов какими-либо нормами не установлена. Дело, конечно, не только в форме, но и в содержании. План должен, по крайней мере, включать в себя такие данные, как наименование плана, намеченные версии, выясняемые моменты и следственные действия для проверки этих моментов, сроки выполнения следственных действий. В качестве образца можно использовать форму плана, рекомендованную Т. М. Арзуманяном в «Настольной книге следователя» на стр. 120.

По всем делам, возбужденным по материалам потреби-

¹¹ Дело № 112/53 народного суда Бауского района.

¹² Дело № 1-50/54 народного суда Неретского района.

¹³ Дело № 1-4/54 народного суда Алсунгского района.

тельской кооперации по признакам Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» план расследования дела должен составляться в письменном виде.

Составлением плана планирование не заканчивается. Составление плана есть лишь начало планирования.

В ходе расследования план дополняется и изменяется. План должен быть динамичным. Планирование в работе не должно сковывать инициативу следователя, оно направлено на достижение максимальных результатов в самые короткие сроки и с наименьшей затратой сил.

SATURA RĀDĪTAJS

СОДЕРЖАНИЕ

Лрр.
Стр.

Ст. преподаватель М. Якобсон-Андерсон — Некоторые задачи кодификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства Латвийской ССР	3
Зам. председателя Верховного суда Латвийской ССР В. Кауке, канд. юрид. наук М. Блум — Вопросы разработки проекта уголовного кодекса Латвийской ССР	29
Доцент, канд. юрид. наук А. Паварс — Некоторые вопросы соотношения союзного и республиканского гражданского законодательства	71
Доцент, канд. юрид. наук А. Лиеле — Первые итоги разработки УПК Латвийской ССР	89
Канд. юрид. наук М. Блум — Система и место преступлений против социалистической собственности в проекте уголовного кодекса Латвийской ССР	147
Pasniedzējs J. Vēbers — Daži ģimenes tiesību kodifikācijas jautājumi	175
Преподаватель Я. Веберс — Некоторые вопросы кодификации семейного права	
Ст. преподаватель, канд. юрид. наук И. Индулен — Планирование расследования дел о хищениях общественного имущества в кооперативной торговле	195

Svarīgākās iespiedkļūdas
Важнейшие опечатки

Lpp. Стр.	Rinda Строка	Iespiests Напечатано	Jālasa Следует читать
9	5 свержу	в конце концов наты- каются	в конце концов всегда натыкаются
9	19 свержу	самых масс одними	самих масс, одними
33	5 снизу	или	ими
36	13 свержу	Закрепление	3. Закрепление
47	11 свержу	объединяющую	объединяющую
59	3 свержу	умышленной	умышленной
103	18 снизу	требовал	требовала
133	18 свержу	недопустимости	недопустимость
142	3 снизу	мерам	мер
153	13 свержу	имущества и	имущества

427842

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509049927

8,70

44/5759

2